

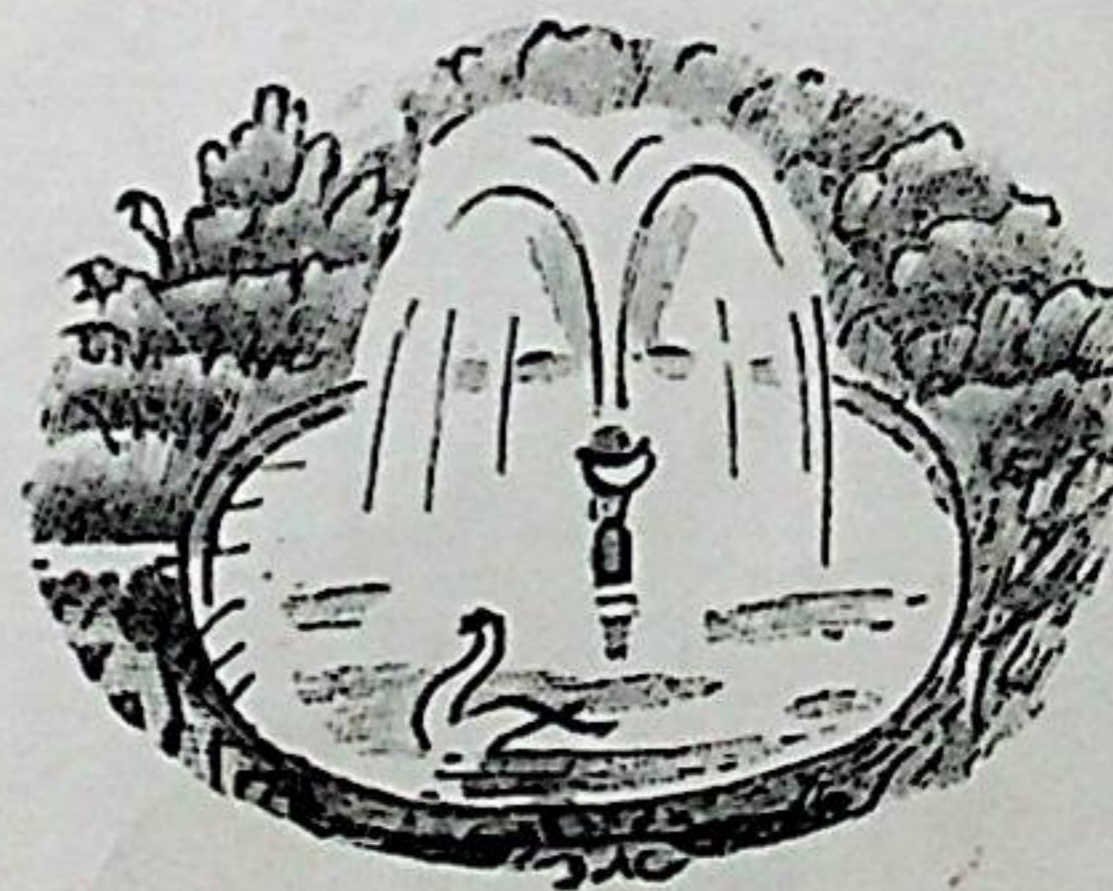
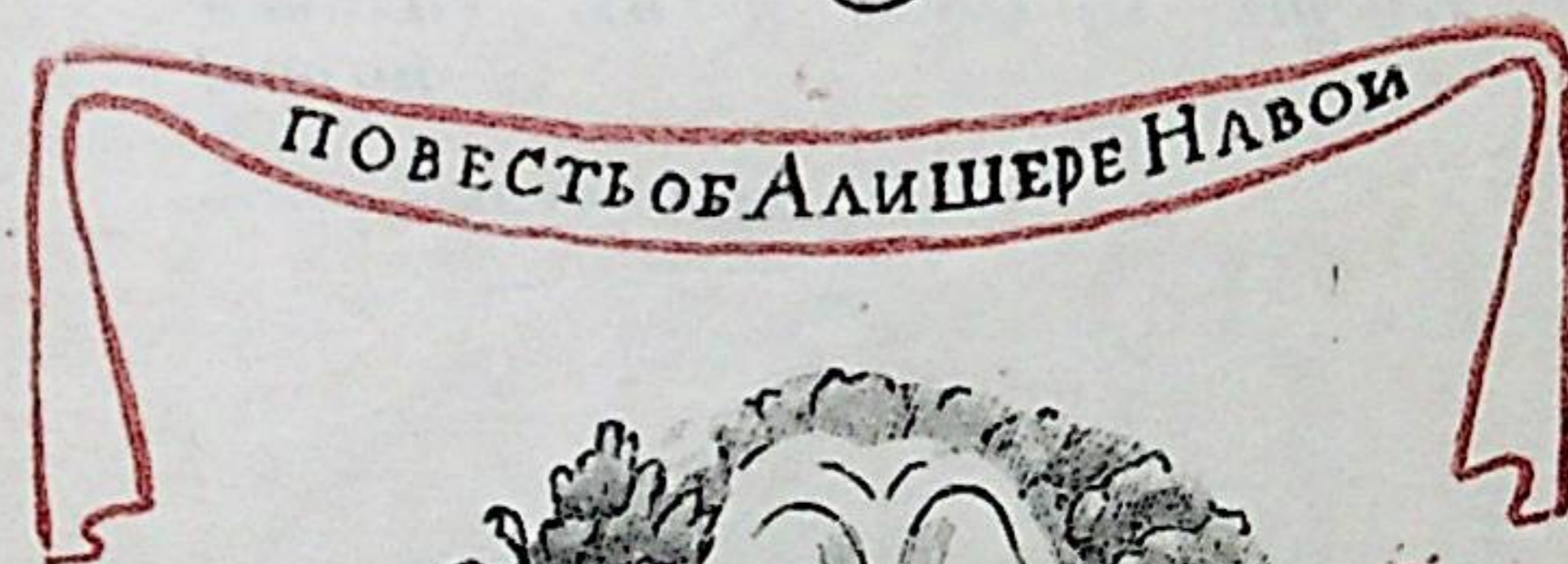


Л. Б. АТЪ  
САДЪ  
ЖИЗНИ



Л. БАТЪ

САД  
ЖИЗНИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦКВЛКСМ  
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1948

Б-287

П

Пусть сад цветет, и полный  
                                щедрот,  
Пусть примет песню соловья  
                                народ!

На вои, Семь планет

34795

Библиотека Кн. ...  
... лиала А.Н. ... Р





## Язык птиц

**В**

етер пустыни принес песок и тоску. Кричали верблюды. Женщины измучились, убаюкивая и кормя детей. Мужчины скрывали усталость; но песок больно хлестал по лицу, засыпал глаза, скрипел на зубах.

К вечеру путешественники остановились у большой ханак<sup>1</sup>, подле города Тефта. Это было жилище дервишей. Здесь, среди отрешившихся от мира, одетых в рубище святых, находился ученый муж, прославленный историк Шарафаддин Али Иезди. Он жил в уединении, чтобы довести до конца великий труд — историю непобедимого, жестокого Тимура<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ханака — жилое помещение, чаще всего при мечети, в котором селились студенты, ученые, дервиши (нищенствующие монахи).

<sup>2</sup> Тимур — среднеазиатский завоеватель (1336—1405).

Дервиши приняли путников благосклонно. Для женщин и детей нашлось отдельное помещение. Проницательному Шарафадину было ясно, что эти люди привыкли жить в роскоши и довольстве, что к трудному путешествию их принудили чрезвычайные обстоятельства: он понимал, что они идут в изгнание.

Великий ученый не ошибался: это были семьи изгнанных из Хорасана<sup>1</sup> вельмож, покинувших родину во время кровопролитий междоусобной войны, начавшейся после смерти султана Шахруха, сына Тимура. Они пробирались в Ирак.

К ночи ветер утих, и усталые люди забылись в глубоком сне. Но когда на побледневшем небе потухли звезды, несколько мальчиков вышли во двор и подбежали к заветной двери, за которой находились дервиши. Они робко заглянули туда и немедленно выскочили при звуке окликнувшего их голоса. Мягкие хромовые сапожки, покрытые пылью, быстро засеменили от влекущего, но пугающего жилища. Только один из мальчиков спокойно остановился на дороге, когда к двери подошел сам Шарафадин.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Алишер, сын Гиясадина Кичкине. Мой отец — хаким<sup>2</sup> Себзеvara в Хорасане.

— Кто отвечает так внятно, тот будет преуспевать в науках. В школу ходишь?

Глаза мальчика загорелись ярче.

— Хожу.

Из-под халатика у него выглядывала книга.

— Покажи мне книгу, что спрятана у тебя на груди, Алишер.

<sup>1</sup> Хорасан занимал территорию, охватывающую примерно северо-восточную провинцию нынешнего Ирана.

<sup>2</sup> Хаким — правитель, наместник.

Мальчик невольно крепче прижал ее к себе, как бы боясь, что книгу совсем отнимут.

— Это лучшая из книг, прочитанных мной.

Шарафадин рассмеялся.

— Много ли ты успел прочитать в свои семь лет?

— Мне восемь, господин, — важно ответил мальчик. — Я знаю «Гулистан» наизусть; а эта книга научила меня необыкновенному языку.

Он решился и протянул книгу ученому.

— О! «Язык птиц»? <sup>1</sup> — удивленно и обрадованно произнес тот. — Да ты, мальчик, понимаешь ли в ней хоть что-нибудь?

— Я не могу объяснить, но я помню ее всю. Спросите.

Ученый наугад открыл страницу и прочитал первую строку. Мальчик вспыхнул и внятным голосом начал наизусть читать продолжение. Он читал сначала тихо, потом все громче, громче. Наконец он почти зашел, увлекаемый ритмом стихов. Он бы прочел всю поэму, если бы сердитый голос не прервал его:

— Ах, вот как! Снова безумие владеет тобой? Ты не стыдишься ученого мужа и говоришь по-птичьему, вместо того чтобы произносить святыя слова молитвы.

Высокий чернобородый мужчина вырос за спиной Алишера. Мальчик при виде отца замолк на полуслове. Шарафадин поднял глаза и, отдавая книгу Алишеру, обратился к отцу:

— Клянусь аллахом, достопочтенный хаким, у мальчика несравненная память.

Хаким был в гневе.

— Эта память, о благороднейший из мужей, повергнет его в тьму безумия. Он ничего не хочет знать,

<sup>1</sup> Поэма персидского поэта Феридаддина Атгара (1119—1230).

кроме этой непонятной книжки. Отдай ее мне немедленно.

Алишер побледнел. Однако прекословить отцу он не мог. На мгновенье прижав к себе книжку, он с низким поклоном протянул ее отцу. Тот резким движеньем разорвал книжку вдоль, потом поперек. Потом еще и еще раз. Гнев словно затуманил его рассудок. Но вот остатки того, что еще недавно было книгой, хлопьями пожелтелых лепестков разлетелись по песку, и каким сразу остыл.

В явном смущении от резкости своего поступка он поклонился Шарафаддину и, не сказав больше ни слова, удалился.

Алишер пересилил слезы. Он опустился на колени и маленькими своими руками стал собирать обрывки листков. Он подносил их к лицу, жадно вдыхая их милый знакомый запах; но прочесть что-либо было уже невозможно. Книга погибла. Тогда мальчик закрыл глаза и стал повторять про себя целые страницы из разных мест книги. Его губы тронула улыбка. Книга в нем; она не исчезла. Книга будет жить, пока жива его память.

Алишер встал с колен, радостный и возбужденный. Шарафаддин, все время наблюдавший за мальчиком, ласково положил ему руку на голову и сказал:

— Знание умножай, знанием украшайся, ибо знание — путеводитель мужей.

### ТАМ, ГДЕ ВЛАСТВОВАЛ ТИМУР

Земля еще содрогалась от грозы, прошедшей над нею. От Индии до Азербайджана протоптала ее железная поступь Хромца. Таково было прозвище завоевателя Тимура, раненного в одном из боев в бедро.

Человек беспримерной храбрости, беспощадный, жестокий, он напролом стремился к своей цели — завоевать мир. На перстне, который он носил, не сняя, было начертано: «Будь прям — и ты победишь».

«Вся вселенная не стоит того, чтобы иметь двух царей», изрек он. И этим одним хотел быть он.

В молодости он знал неудачи: он потерпел множество невзгод; он шел к власти разными путями. Ему приходилось заниматься и разбоем вместе с доверившимися ему нукерами<sup>1</sup> и служить начальником наемной дружины у различных эмиров<sup>2</sup> и ханов. Дважды покидал он родину, убегая от более сильного врага. Но неудачи не сломили его. Он был находчив, изворотлив, не останавливался ни перед чем. Дружил с тем, кто был ему нужен; потом предавал своих недавних друзей, убивая их, если считал это выгодным для себя. Так поступил он с балхским эмиром Хусейном. О, они были в тесной дружбе, когда вместе подавляли восстание ремесленников в Самарканде! Им пришлось вести кровавую борьбу. Люди, уставшие от вечных войн и притеснений, восстали; нашлись сильные и смелые вожди, которые повели их за собой. Одним из них был добродушный силач, чистильщик хлопка Абубекр Келеви, другим — тихий с виду, узкоплечий, но мудрый и пламенный в споре ученик самаркандского медресе. Восстание было подавлено с невероятной жестокостью; особенно страшной расправе подвергли Тимур и эмир Хусейн вождей восстания.

Но Хусейн был нужен Тимуру, лишь как одна из ступенек к власти. Как только Тимур закрепил свое влияние, Хусейн был взят в плен и убит. Тимур

<sup>1</sup> Нукер — воин, дружинник.

<sup>2</sup> Эмир — правитель.

убивал каждого, кто стоял у него на пути. Он уничтожал целые города, если они оказывали ему сопротивление. Живая башня из трех тысяч человек, залитых алебастром и известью, выросла в Себзеваре, где народ поднял восстание. В разных местах империи возвышались горы из человеческих голов. Никто не мог предугадать, как проявит Тимур свое коварство. Когда после длительного сопротивления один из посаженных им городов решил сдаться, Тимур пообещал не проливать крови жителей. Он лишь потребовал огромную дань. Знатнейшие люди города должны были вынести ему золото и серебро. Когда они вышли за городские стены, их подвели к глубокой яме. Увидев, что их ждет смерть, они закричали: «Нам обещали жизнь! Неужели слово великого Тимура уже не слово?!» Тимур хладнокровно ответил: «Вы слишком долго сопротивлялись. Я обещал не проливать крови. Ну что же, вы будете удушены». И он дал знак палачам. После этого войска Тимура вошли в город и разграбили его.

Огромен был страх перед грозной силой ненавистного завоевателя. Когда войска Тимура взяли в Сирии город Алеппо, во главе людей, посланных властями ему навстречу, находился историк Ибн-Халликан. Стоя перед Тимуром, он так дрожал, что не мог произнести ни слова. Тимур посмотрел на него умными злыми глазами и, засмеявшись, сказал:

— Ты что, дрожать пришел сюда? Говори!

Но Ибн-Халликан не мог говорить.

— Дайте им всем поесть! — небрежно сказал Тимур, обращаясь к стольничим. И вздох облегчения приподнял грудь Ибн-Халликана. Это означало, что им дарована жизнь.

Таков был Тимур. Его ненавидели и боялись. Но

ему было предано восьмисоттысячное войско, которому он принес богатство и славу. Воины преклонялись перед его непобедимостью. Его осведомленность о состоянии войск противника казалась чудом. Он умел запутывать след и появляться там, где его никто не ждал; он налетал, как вихрь, и проносился, как шквал. Он был неистощим в военном изобретательстве. Он придумал особый головной убор для воинов, по которому они могли узнавать друг друга, появляясь в самых неожиданных местах, куда им приказано было отправиться. Таким образом, они собирались группами в различных точках, и враг непредвиденно оказывался окруженным.

Так же изобретателен был Тимур в хитростях. Дважды распространил он слухи о своей мнимой смерти для того, чтобы выведать, какое впечатление произведет это событие на его подданных и кто восстанет против его наследников. «Воскрешение» Тимура сопровождалось новыми кровопролитиями.

Трудно было постичь все противоречия нрава Тимура. То он уничтожал одинаково и правых и виноватых, то удивлял неожиданной милостью даже врагов. Он позволял себе эту роскошь.

Беспощадный разрушитель, Тимур был в то же время одержим страстью возведения новых построек. Когда его власть простерлась от Индии до Волги, он захотел прославить свое имя и начал строить новые города, а старые украшал великолепными зданиями. Но ничто не могло сравниться с роскошью, которой украсил он Самарканд — свою столицу. Вокруг Самарканда были выстроены величественные дворцы. Сады, окружавшие их, были так велики, что, говорят, лошадь, пропавшую в одном из них, удалось найти лишь через полгода. На стенах дворцов были запечатлены рассказы о победах Тимура.

Военным талантом, бешеной настойчивостью, жестокостью, достойной Чингис-хана, удерживал Тимур завоеванные им земли. Повсюду сажал он покорных, зависящих от него правителей, живших в постоянном страхе перед его неожиданным появлением. Малейшее подозрение в чьей-нибудь неверности вызывало жестокую расправу не только с заподозренными, но и со всеми его родичами; Тимур не щадил даже детей.

И неудивительно, что, как только он умер, империя распалась на части, раздробилась между многочисленными его потомками, из которых каждый считал, что именно он достоин быть наследником Тимура; но ни один не был равен ему по силе. Тимур мало рассчитывал на своих сыновей. Старшие умерли. Правитель Хорасана Мираншах был безумным. От отца он унаследовал только страсть к разрушению. Он приказал сломать в Тебризе гробницу великого историка Рашидадина ради минутного наслаждения — полюбопытаться грудой развалин — и для того, чтобы о нем говорили: «Мирза<sup>1</sup> Мираншах не сделал сам ничего, но зато он велел разрушить лучшее творение в мире».

Младший сын Шахрух казался Тимуру бездарным. Свои надежды он возлагал на внуков. Все царевичи получали одинаковое воспитание, с тем что тот, кто окажется талантливее, будет властвовать. Но этого не произошло. Тимур умер, а его потомки, тимуриды, растаскали по частям империю, непрерывно деля ее в кровопролитных войнах.

Самый талантливый из внуков Тимура был Улугбек. Но он не искал военной славы: он занимался наукой. Математика, астрономия — вот что влекло его больше всего. Улугбеку досталась столица Тимура —

<sup>1</sup> Мирза — княжеский титул

Самарканд. Там воздвиг он обсерваторию, одну из первых в мире. Вместе со своими друзьями, преданными, как и он, науке, он соорудил приборы для наблюдения за небесными светилами. Он составил новые астрономические таблицы, которыми еще долго пользовались ученые всего мира. Но не только обсерваторию воздвиг Улугбек, — в подвластных ему городах он строил школы и медресе. Он стремился привить уважение к знаниям. На дверях медресе, построенного им в Бухаре, высечено изречение: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и мусульманки».

Улугбек был убит собственным сыном. Жадный, завистливый, хищный сын, коварно захватив отца, приказал казнить его. Это было в маленьком селении, ночью, в саду, неподалеку от Самарканда. Небо было покрыто тучами, и не было видно звезд.

Отец Улугбека Шахрух правил после Мираншаха в Хорасане, который к тому времени становился наиболее сильной державой. Его столица Герат затмила даже Самарканд. Там были собраны самые выдающиеся ученые, строители, художники и поэты. Обаяние Герата было так велико, что после смерти Шахруха правители различных областей заявили: они подчинятся лишь тому государю, который будет восседать на престоле султана Шахруха. За право владеть городом начались бесконечные распри. Главная борьба разгорелась между двумя внуками Шахруха, братьями Мухаммедом и Абул-Касимом Бабуром.

Смута была так сильна, так много жертв было с обеих сторон, что многие жители Хорасана, а особенно его столицы Герата, желая спасти себе жизнь, вынуждены были уйти за пределы страны.

Так ушла и семья Алишера.



## РАННЕЕ ДЕТСТВО

Гиясаддин Кичкине не был злым человеком. Он любил сына. Но судьба Алишера беспокоила его: мальчик был развит не по летам. Когда-то каким гордился этим. Он помнил счастливые дни в Герате, где жил еще до того, как стал хакимом Себзевара. Часто в его удобном, вместительном доме собирались гости. Среди них были поэты, ученые и воины. Многие из них повидали чужие страны, и рассказы об их путешествиях часто до глубокой ночи занимали слушателей. Из Китая и Индии приезжали купцы. Они привозили богатые товары: шелковые ткани, драгоценные камни, слоновую кость. Старейшие воины еще помнили походы Тимура. Их рассказы казались легендами в мирной обстановке богатого дома хакима.

На этих вечерах часто звучала музыка.

Но гордостью хакима были ученые и поэты. На трех языках читались стихи в его доме: на арабском, персидском и тюркском<sup>1</sup>. Издавна было принято считать, что арабские стихи красноречивы, персидские остроумны, а узбекские правдивы.

Ярко запомнился Гиясаддину Кичкине один зимний вечер в его доме. Собралось много гостей. Усевшись вокруг мангала<sup>2</sup> на мягких, пуховых подушках, они вели медленную, спокойную беседу. Стройные мальчики-слуги внесли дастархан<sup>3</sup>, на котором в изобилии были расставлены яства: тающая во рту халва, душистый шербет, сушеный урюк. Разговор оживился.

<sup>1</sup> Позднее он стал называться узбекским.

<sup>2</sup> Мангал — жаровня.

<sup>3</sup> Дастархан — буквально: скатерть; в переносном смысле — угощение.

— Сегодня, дорогие гости, я покажу вам замечательное творение искусства.

С этими словами Гиясаддин вынул из ниши прекрасно оформленную рукопись. Было видно, что над ней потрудились и каллиграф, и художник, и переплетчик. На шелковистой бумаге тонкой кистью была выведена золотая заставка. Широкие голубые поля были украшены золотым и серебряным рисунком: ветвистое дерево со сказочной птицей на нем. На одной из миниатюр, украшавших рукопись, протянулась волнистая линия гор, яркие лучи солнца поднимались за ними. Каждому, смотрящему на эту картинку, казалось, что солнце бьет ему прямо в глаза.

Рукопись еще обходила сидящих, а уже откуда-то, не то сверху, не то из-за резной двери, раздалась тихая музыка. Она приближалась и отдалялась вновь. В комнату вошел флейтист. Как бы в ответ ему в углу комнаты другой музыкант заиграл на гиджаке<sup>1</sup>. Все замолкли, прислушиваясь к протяжной, грустной мелодии.

— Музыка — истинное утешение и для мыслителя и для воина, — сказал барласский<sup>2</sup> бек, седой старик, не раз победоносно сражавшийся в войсках султана Шахруха.

— Тот, кто слышал всю жизнь звон мечей, особенно умеет ценить улады мирной жизни. Не правда ли? — учтиво сказал молодой поэт.

Он впервые был в гостях у хакима и старался запомнить все, что здесь говорят.

<sup>1</sup> Гиджак — смычковый музыкальный инструмент.

<sup>2</sup> Барласский бек — знатный военачальник из племени барласов, одного из четырех великих племен Мавераннахара — области, расположенной между реками Сыр-Дарья и Аму-Дарья.

— Расскажите нам, благородный бек, о кровавых битвах за Сеистан, Багдад и Шираз.

— Лев в пустыне не так жаден до мяса, как души поэтов до впечатления, — насмешливо произнес один из спутников молодого поэта, известный своим язвительным умом.

Хаким в это время вынул ящик с шахматами. Бек славился своей любовью к этой игре.

— Эта игра напоминает мне поле боя, — часто говорил он.

— Посмотрите, — сказал Гиясаддин. — Эти шахматы мне привезли из Индии. Они сделаны из слоновой кости; форма их великолепна: не велики, не малы, каждая фигура ласкает взор.

Бек уже расставил на доске фигуры. С другой стороны занял место известный старый поэт, в честь которого и собрались в этот день гости хакима. Тихонько напевая «О, утренний зефир, расспроси влажную росу о красоте моей любимой...», он выдвинул вперед первую пешку. Война началась.

Но погибнет тот, кто, взявшись, дела не свершит.

Пусть он был велик — унижен будет и убит, —

сказал торжествующе бек, сняв коня у поэта.

В этот миг открылись резные двери во внутренние покои. Маленький мальчик в яркокрасном халатике быстро вошел в комнату. Увидев большое собрание людей, он остановился и потупился; вспыхнули круглые щеки, и он степенно подошел к отцу. Все присутствующие обратили свои взоры на мальчика.

— Алишер, мир твоему имени! — окликнул его поэт, сидевший за шахматами. — Подойди сюда и скажи, итти ли мне ходом коня.

Алишер подошел к поэту, задумчиво глядя черными глазами на шахматную доску. Поэт сидел, скрестив ноги на высокой бархатной подушке. Мальчик стоял, прислонившись к его плечу.

— Плохо, если приходится спрашивать у ребенка, — насмешливо сказал бек.

— Слово ребенка правдиво и верно.

Алишер напряженно высчитывал что-то и вдруг уверенно сказал:

— Идите!

Все сидящие кругом рассмеялись.

— Алишер, пойдй сюда! — крикнул кто-то из дальнего угла. — Спой нам!

— Алишер, станцуй!

— Алишер, научить тебя играть на флейте?

Мальчик переходил из угла в угол. Его тормошили, ласкали. Наконец он устал, подошел к отцу и зарылся головой в его колени.

Заговорили о небесных светилах. Среди присутствующих был ученый астроном, с волнением произнесивший имя султана Улугбека.

— Он читает в небе, как в собственной душе. Он открыл путь к изучению законов, по которым движутся светила. Небо приблизилось к нам. Вот что сделал султан Улугбек.

Алишер поднял голову и прислушался. Пламя свечей отразилось в его глазах. Разговор шел размеренно и плавно. Поэт и бек присоединились к большому кругу. Шахматная игра закончилась вничью. Поэт нараспев прочитал несколько новых стихотворений. Когда он кончил, все начали оживленно обсуждать, что удалось ему лучше всего. Сравнивали его стихи со стихами знаменитых персидских поэтов. Кто-то на-

Э 62 н 5

Библиотечка Института  
Филиала АН СССР

звал Касима аль-Анвар<sup>1</sup>. Тогда Алишер, который давно прислушивался к разговору старших, поднял руку и тоненьким голосом нараспев начал читать стихи этого поэта.

Это было так неожиданно, что все изумленно переглянулись.

Гости засиделись поздно. Уже несколько раз открывалась дверь из внутренних покоев, и женский голос тихо звал: «Алишер!» Но хаким движением руки давал понять, что мальчик остается по его решению. К концу вечера у Алишера уже слипались глаза, но он пересиливал себя, чтобы не отставать от взрослых. На прощанье каждый уходящий благословил Алишера с особым чувством. Гиясаддин Кичкине, с трудом скрывая гордость, выслушивал их предсказания:

- Мальчик будет воином.
- Мальчик будет ученым.
- Мальчик будет поэтом.

\* \* \*

Вот о чем думал Гиясаддин Кичкине, постепенно остывая после припадка гнева, который заставил его потерять спокойствие и обидеть сына, лишив его любимой книги. Но ведь он давно запретил Алишеру читать «Язык птиц» и, увидев, что запрет ни к чему не ведет, ужаснулся упорству мальчика. К тому же хаким был удручен тем, что шел в изгнание. Он не знал, что ждет в будущем его семью; он боялся, что способности сына завянут на чужбине. Ему казалось, что Алишер слишком далек от жизни и не сумеет за себя постоять. Даже дети в школе заме-

<sup>1</sup> Касим аль-Анвар — великий персидский поэт (умер в 1432 г.).

чали это. Он чуждался игр, бегал от товарищей, предпочитая стихи и книги. Хаким боялся, что мальчик лишится рассудка. «Он похож на Меджнуна»<sup>1</sup>, со страхом вспоминал он слова одного из товарищей сына.

## ДОМОЙ

В Хорасане после длительной борьбы воцарился внук Шахруха, султан Абул-Касим Бабур. Установился полный порядок, и его сторонники, пребывавшие в изгнании, смогли вернуться на родину. Стосковавшись по дому, они быстро двинулись в путь.

Караван шел уже вторые сутки. Назад, из Ирака в Хорасан, он проходил прежним путем; но настроение у путников было иное: они возвращались домой. Днем стояла жара, а ночью — августовская прохлада. По ночам разводили костры из саксаула и песчаной осоки.

С огромным трудом, обливаясь потом, путники днем выкорчевывали кустарник и деревья, зная, что ночью приятно будет согреться у огня. Ночи были холодны; одеял и стеганых халатов было недостаточно, чтобы согреться, но жажда томила днем и ночью. Изредка попадались колодцы: суетились люди, оживлялись верблюды и лошади, нетерпеливо кричали дети. Большие бурдюки наполнялись водой. Лошади пили, захлебываясь и расплескивая драгоценную влагу. Костры и колодцы отмечали путь каравана. От костров оставались горсточка пепла, по которым путники узнавали о своих предшественниках. Этот след был как

<sup>1</sup> Меджнун — одержимый. Прозвище героя поэм многих восточных авторов. Впоследствии — герой поэмы Навои «Лейли и Меджнун».

бы остывшим приветом товарищам по трудному пути.

Ночью сделали привал, но раннее утро уже застало всех на ногах. Гиясаддин велел пораньше собираться в путь, пока сохранилась еще ночная прохлада.

В Ираке Алишер научился хорошо ездить верхом. Отец подарил ему невысокого крепкого иноходца. Алишер объезжал его, долго приносиваясь к упрямому характеру коня и подчиняя его себе. В конце концов они сдружились. Редкий день не совершал Алишер далеких прогулок на своем скакуне. Иногда его сопровождал старый слуга Хашим, любивший мальчика больше всех в доме, но часто он ездил один. Хашим был человек с уродливой внешностью, обладавший чудовищной силой; кривоглазый, нескладный, с выпяченной заячьей губой, он был страшен в гневе и нежен в любви. Некогда каким Гиясаддин спас его от несправедливого приговора судьбы, и Хашим навсегда стал преданным его слугой. На обратном пути ему была поручена охрана всего каравана. На больших караванных путях нередко были набеги разбойников. Кривоглазый Хашим обладал очень острым зрением; слух его различал шорох песка за барханами<sup>1</sup>. Алишер, не шутя, как-то спросил его, слышит ли он, как растет трава. Корявые руки Хашима хорошо владели кривой саблей. Он часто уезжал далеко вперед, в разведку. Он первый находил колодцы, выбирал удобные места для ночлега, отыскивал кустарники саксаула.

Алишер теперь редко видел своего любимца. Но по утрам Хашим попрежнему будил мальчика, давал ему напиться из припрятанного для него запаса воды и подводил иноходца.

<sup>1</sup> Барханы — песчаные холмы в пустыне.

Так было и в это утро. Алишер беспокойно спал ночью, он продрог, пламя костра согревало только один бок. Кругом расстился холодный песок. Трудно было представить, что через несколько часов он будет раскаленным. Алишер не хотел спать у матери в палатке. Она пожаловалась отцу, но тот ответил: «Пусть закаляется, ему уже девятый год; мой сын должен быть мужчиной, а не тряпкой».

Хашим подвел иноходца. Алишер, поживаясь от холода и нерассеявшейся дремоты, взобрался на седло. Караван медленно тронулся в путь.

Заря окрасила все в желто-розовый цвет; даже небо было бледножелтым. Постепенно краски менялись; небо поглубело. Но трудно было смотреть на него сквозь дымку песка.

Перевалили через бархан. Алишер поравнялся на своем иноходце с огромным верблюдом. Тот величаво нес на горбу большие тюки, на которых удобно расположилась мать Алишера. Мальчик запрокинул голову и звонко крикнул:

— Мир вам!

Мать слегка отодвинула покрывало, закрывавшее нижнюю часть ее лица, и он увидел, как она измучена.

— Алишер, вечная забота моего сердца, послы ты?

— Да, мать. Хашим накормил меня и дал напиться. Я чувствую себя отлично, и мой конь тоже. Смотрите, как он хорошо выступает.

Алишер скрывал правду. Со вчерашнего дня не попадалось ни одного подходящего колодца. Единственный колодец, на который набрели путники, был с горьковато-соленой водой. Только верблюды напились из него. Люди и кони изнывали от жажды.

Маленькие запасы воды были строго распределены между всеми. Но Алишер, следуя примеру отца, отказался от своей доли, сказав:

— Отдайте ее женщинам и детям.

Хашим с трудом упросил его сделать один глоток. Это только раздражило жажду.

Караван растянулся длинной вереницей. Хашим был далеко впереди. Алишер замыкал шествие. Перед ним шагали, раскачиваясь, верблюды, и ему казалось, что они тянутся бесконечно. Становилось все жарче. Дымно-желтый песок слепил глаза. Алишер закрывал их, потом, пересиливая себя, снова открывал, но ему никак не удавалось сбросить сонное оцепенение. Он совсем опустил поводья и предоставил коню свободу итти, куда и как ему вздумается.

«Вперед, назад, вперед, назад, вперед, назад...» Так монотонно повторял про себя Алишер, глядя на раскачивающихся перед ним седоков, на тюки, висящие между двух горбов у верблюдов. Пересохло в горле. Ему вдруг представился прохладный синий водоем, какой был в саду их дома в Герате. Вот бы прильнуть к нему жаждущим ртом! Алишер склонился к шее коня и ослабевшими, сонными пальцами ухватился за его гриву. Конь почувствовал себя неловко, встряхнулся и пошел быстрее. Алишер начал сползать с седла, но это уже не доходило до его сознания. Он спал крепким, жарким сном.

\* \* \*

Хашим ушел далеко вперед в поисках воды. Верхушки барханов дымились от струй песка, поднятого ветром. «Неужели будет буря?» успел подумать Хашим, и тут же налетел жаркий шквал. В несколько мгновений воздух наполнился песком и стал непрони-

цаемым. Померк день, и огромное яркое солнце стало как бы маленькой медной луной. Хашим много раз в жизни испытал подобные бури и сразу понял, что эта буря будет недолгой. Нужно только укутаться с головой в бурнус и застыть. Труднее было успокоить коня. Хашим прикрыл его глаза полой своего халата, но тот не переставал дрожать.

Буря промчалась стороной: она свирепствовала где-то вдали.

Хашим отошел далеко от своего каравана, но зато вскоре после бури он набрел на колодезь. Прежде всего дал напиться коню, потом напился сам. Вода была на редкость сладкой и прозрачной. Ее не успел замутировать самум. Потом он наполнил два больших бурдюка, внимательно осмотрелся, чтобы запомнить место, и повернул назад, в сторону своих.

Конь, утоливший жажду, скакал быстро, и Хашим скоро увидел вытянувшийся по пустыне караван. Он застал всех в страшном смятении: более часа назад иноходец Алишера примчался без своего седока. Коня задержали, но мальчика до сих пор не нашли. У Хашима побелели губы.

— У меня один глаз, но он видит зорко. О, господин, дайте мне еще человека, и, клянусь аллахом, Алишер будет найден еще до захода солнца.

\* \* \*

Тинь-тинь-тинь-тинь!.. Тинь-тинь-тинь-тинь!.. Неотвязно, как москиты, звенит в ушах. Потом острый, назойливый звон прекращается и откуда-то издали звучит музыка. Во рту — тающий вкус шербета. Тело погружается в прохладную воду, но тут же вода закипает, становится горячей, обжигает руки.

Алишер открыл глаза. Он один на горячем песке пустыни. Некуда спрятаться от жгучих лучей солнца. Каравана не видно, конь ускакал. Вместе с пробуждением вернулась жажда. Вдруг Алишер, стыдясь самого себя, почувствовал страх и сразу подумал о Хашиме — вот кто бы его спас; потом он вспомнил о матери.

«Великий аллах, я ее никогда не покину, — взмолился он, — только верни меня к ней!» Охватив себя руками за плечи, слегка покачиваясь, чтобы не расплакаться, он решил не думать о себе. И, как всегда в трудную минуту, ему помогло воспоминание о любимой книге — о «Языке птиц».

Среди многих историй, рассказанных в этой книге птицами, ему теперь вспомнилась одна, очень напоминавшая то, что произошло с ним. Птицы должны были перелететь через огромную безводную пустыню. Их пугал трудный путь, но удачливый, самый выносливый и благоразумный из них, сказал, что пустыня — это только преддверье к дворцу дивной красоты. Удачливый рассказал птицам назидательную историю о храбром путешественнике Баязиде Бистами, заблудившемся ночью в пустыне и все же не павшем духом.

«То было ночью, а сейчас день», подумал Алишер.

Он встал и, утопая в раскаленном глубоком песке, пошел вперед. Ему казалось, что он следует по пути каравана. Страшнее всего была жажда. Алишер проглотил слюну, но она была липкой и полной песка. Губы растрескались и горели. Ноздри тоже были набиты песком. Глаза закрывались сами собой от слепящего блеска солнца. Все кругом было похоже на сон во время болезни. Но вот сквозь прищуренные ресницы он вдруг увидел невдалеке, направо, синеватый оазис, окруженный стройными пальмами. Алишер по-

вернул туда и ускорил шаг. Он шел, изнемогая от усталости, присаживался, снова поднимался и шел вперед. Оазис не приблизился ни на шаг. Зеленели пальмы, синела вода. Алишер застонал от нетерпения и побежал. Горячий воздух больно ударил в лицо. Ослабевшие ноги подкосились, и мальчик упал. Когда через несколько мгновений он поднялся и открыл глаза, перед ним ничего уже не было. Он вертелся, оглядываясь по сторонам, проводил рукой по глазам: но мираж исчез бесследно. Тогда Алишер, истомленный, отчаявшийся, громко простонал:

— Я хочу пить, я умру от жажды.

Потом он совладал с собой, постоял минуту с закрытыми глазами; а когда снова посмотрел вперед, увидел большой черный предмет. «Может быть, это конь пал в пустыне? — подумал мальчик. — Нет, это похоже на скалу. Но откуда здесь быть скале? Или, может быть, это дерево?»

Алишер был так заинтересован, что забыл о жажде. Он шел к черному предмету, не сводя с него глаз, боясь, как бы тот, так же как и оазис, не исчез вдруг. Предмет оставался на месте. Но — странная вещь! — по мере приближения Алишера к нему, он словно уменьшался<sup>1</sup>. Мальчик подошел к непонятному предмету неожиданно быстро и, не веря своим глазам, остановился, как вкопанный. Это оказался бурдюк с водой, — из тех, какими был снабжен караван. Алишер схватил бурдюк и почувствовал упругость наполнявшей его воды.

— Это наш мешок, тут прошел караван! Я иду по правильному пути!

<sup>1</sup> Физическое явление, наблюдаемое в пустыне: предметы при приближении к ним кажутся меньше в объеме.

С трудом распутал Алишер крепкие кожаные бечевки, раскрыл сборки мешка и прежде всего погрузил руку в воду. Он обсосал влажные пальцы и провел ими по лицу, потом снял свою тибетейку и, зачерпнув до краев, жадно выпил тепловатую воду. Она показалась ему райским напитком. За первой тибетейкой он набрал вторую и потянулся в третий раз, но остановился. Первая жажда была утолена, и Алишер подумал: «Вода мне еще пригодится. Отец всегда говорит, что жадность не ведет к добру».

Напившись, Алишер почувствовал приток сил и захотел бежать дальше, вслед каравану. Но ему жалко было оставлять бурдюк. Он попробовал приподнять его, но понял, что с такой тяжестью не пройдет и трех шагов. Кроме того, ему вдруг показалось, что он снова потерял направление. Мальчик в ужасе застыл, нетерпеливо осматриваясь по сторонам.

Солнце еще стояло довольно высоко, но лучи его жалили уже не так больно. Вдали показались два всадника. Вздывая кучи песка, они неслись во весь опор. Шагах в двухстах от Алишера они остановились и стали смотреть по сторонам. Один из них был Хашим. Он первым увидел мешок и рядом с ним детскую фигуру.

— Благословен аллах и Мухаммед, пророк его! — дико закричал он, гикнул и полетел стрелой.

— Хашим! Хашим!

Алишер побежал навстречу всадникам. Он почувствовал, как ласковые руки Хашима отрывают его от земли. Прижавшись к преданному слуге, он молчал и, только усаженный Хашимом на коня, встрепенулся:

— А где мой конь?

— Цел и невредим, свет очей моих. Скоро догоним всех...

— И поедем в чудесный дворец, правда? — весело и лукаво спросил Алишер.

### ПРИ ДВОРЕ У БАБУРА

Желая окружить себя верными людьми, Абул-Касим Бабур начал стягивать в Герат, свою столицу, многих родичей и друзей. Среди приближенных к Бабуру был и один из правнуков Тимура — Хусейн, с которым Алишер подружился.

Хусейн был старше Алишера на два года, но разница в годах почти не ощущалась ими. Оба учились в одной и той же школе и читали те же суры из корана<sup>1</sup>. Ранним утром приходили они в темноватое, прохладное медресе. Один из углов занимали младшие ученики, едва разбравшиеся в азбуке. Сопя от усилий, они повторяли за муллою<sup>2</sup> буквы и складывали их в слова. Рядом сидели ученики постарше. Они уже читали легкие переложения некоторых глав корана и, подражая взрослым, раскачивались в такт произносимым словам. Затем шли мальчики среднего возраста, перед которыми открывался «Гулистан». Дальше сидели юноши с пробивающимися усиками, которые уже знали коран наизусть. Они часто помогали мулле проводить уроки.

Алишер и Хусейн давно освоили всю школьную премудрость и своими вопросами ставили муллу в тупик.

У мальчиков были общие желания: они оба писали стихи, любили верховую езду и мечтали о славе Ге-

<sup>1</sup> Коран — священная книга мусульман. Суры — главы.

<sup>2</sup> Мулла — духовное лицо, в данном случае — учитель.

рата. Об этом не раз говорили они, прогуливаясь по дворцовому парку после дня, проведенного в школе. Им был открыт доступ в богатейшую библиотеку султана, и там они сидели часами, читая книги великих писателей.

— Когда я буду султаном, — сказал как-то Хусейн, — ты у меня будешь главным библиотекарем.

— А разве ты будешь султаном?

У Хусейна вспыхнули глаза, и приподнявшаяся губа приоткрыла маленькие хищные зубы.

— Ты сомневаешься в этом? Я чувствую в себе такую силу!..

Алишер внимательно посмотрел на него.

— Да, ты, конечно, будешь султаном. А я охотно сделаюсь твоим библиотекарем. Но больше ничем, обещаю тебе это!

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать?

— Я не хочу власти над людьми. Я хочу лишь открывать им свет разума и учиться самому.

— А знаешь, в тебе еще больше гордости, чем во мне.

Но Алишер уже не слушал его. Над городом в это время пролетала стая журавлей. Птицы неслись на север, образовав четкий треугольник. Чувствовалось, как они свободно и сильно рассекают воздух, неуклонно стремясь к цели. Алишер следил за их полетом и счастливо улыбался. Потом он хлопнул Хусейна по плечу и крикнул:

— А ну, догони меня!

Но пришло время, когда мальчики почувствовали разницу в возрасте и положении. Алишер по летам был еще ребенком, а Хусейн уже служил при дворе.

Он принял участие в военном походе Бабур на Самарканд, где властвовал внук Мираншаха Абу-Саид. Бабур хотел восстановить государство Тимура под единой властью. Алишер тайком горько плакал, что не может принять участие в походе. Он огорчился еще более, когда узнал, что его друг Хусейн остался на службе у Абу-Саида, помирившегося с Бабуром.

Если жив я, эти стоны надо мною почему?  
Псы на улице пустынной дико воют почему?  
Если не отпела душу эта злая ночь тоски,  
Звезды светлые сокрыты тьмой густою почему?—

писал он, впервые так близко столкнувшись с коварством. Кто бы поверил, что юноша, почти мальчик, пишет глубокие, прочувствованные стихи? В нем словно открылся источник вдохновения. Почти каждый день записывал он все новые и новые строки...

Неожиданно из Самарканда пришли страшные вести: султан Увейс, двоюродный брат Хусейна, поднял восстание против Абу-Саида. Разгневанный Абу-Саид заключил в крепость Хусейна и тринадцать его родственников.

Фируза-бегум<sup>1</sup>, мать Хусейна и двоюродная сестра Абу-Саида, пришла во дворец, раздирая одежды, умоляя Бабур, чтобы он отпустил ее в Самарканд.

— Правнучка Тимура не потерпит, чтобы ее сына травили и мучили. Горе мне, горе! Зачем оставили мальчика в Самарканде?

Фируза уже забыла, что сама хотела этого, надеясь на мощь и богатство Абу-Саида. Бабур презрительно смотрел на плачущую женщину.

<sup>1</sup> Бегум, как и бики, — приставка к женскому имени, означающая «госпожа».



— Если веришь в успех своей просьбы, поезжай в Самарканд. Я снаряжу тебя, как подобает знатной женщине из нашего рода.

— Я приведу Хусейна к тебе, и он снова будет твоим верным слугой, — быстро успокоившись, говорила Фируза.

\* \* \*

Абу-Саид внял мольбам двоюродной сестры. Хусейн был отпущен. Фируза поклялась, что он никогда не восстанет против Абу-Саида.

По случаю возвращения пленника Бабур устроил веселое пиршество.

Алишер и Хусейн встретились шумно. Этим они пытались скрыть свои чувства. Много в них изменилось за время разлуки, но мальчики попрежнему тянулись друг к другу. И все же под внешней искренностью их речей таилась какая-то недоговоренность. Хусейн возмужал; он походил на воина походкой, голосом, манерами. Алишер же казался еще более углубленным в себя, чем раньше; он даже постеснялся прочитать другу свои новые стихи. В голосе Хусейна ему чудилась насмешка. Вдумчивый и спокойный Алишер полюбил уединение. Он мог часами просиживать в саду с пером и бумагой в руках. Но что нашептывали ему деревья в эти знойные летние часы, что порывисто записывал он на шелковистых листах бумаги, он не рассказывал никому, даже Хусейну. Алишер радовался своему одиночеству, хотя дружбу попрежнему ставил выше всех чувств на земле. Некогда в Тефте, что лежит по дороге в Герат, Шаррафаддин Али Йезди шутя написал в детскую тетрадку Алишера:

«Не осуждай поклоняющихся вину, ибо в чаше отражается лик друга».

Нередко вспоминая о встрече с мудрым историком, Алишер думал:

«Нужно быть достойным чувства дружбы, нужно доказать, что это не пустое слово. Друзья и на расстоянии могут быть близки».

Слухи о поэтическом даровании юного Алишера дошли до многих в Герате. Однажды девяностолетний поэт Лутфи приехал во дворец к Бабуру. Он сказал, что хотел бы увидеть молодого поэта. Алишер побледнел от волнения, приветствуя знаменитого старца. Тот внимательно посмотрел на полудетское вдохновенное лицо и сказал:

— Я знаю, что ты пишешь стихи. Прочти мне что-нибудь.

Щеки Алишера из бледных сделались пылающе-красными, и он прочитал юношески-ломающимся голосом вдохновенную газель о любви. Сравнения и образы были так свежи, ритм так певуч, что глаза Лутфи загорелись; он слегка покачивал головой в такт, потом обнял мальчика и с жаром воскликнул:

— Клянусь аллахом, я променял бы на эту газель десяток тысяч персидских и тюркских стихов и считал бы сделку великой удачей. Как хорошо, что ты пишешь на родном языке! Много унижений и мытарств я перенес из-за этого. Надо мной смеялись, говорили, что я пишу на языке простонародья. Но я не жалею. Наш великий предшественник Хорезми<sup>1</sup> прославился своими произведениями на языке тюр-

<sup>1</sup> Хорезми — среднеазиатский поэт XIII века, один из первых писавший на языке тюрки. Известен своей «Книгой любви».

ки. Я творил по мере сил своих, и теперь ты продолжишь это дело. Обещай мне.

Алишер молча и проникновенно приложился лбом и щекой к рукам Лутфи, и тот снова обнял его, как сына. Эта встреча со старейшим поэтом навсегда оставила след в сердце и мыслях Алишера. С тех пор он часто думал над созданием поэзии на родном языке. Сердце его трепетало при мысли, что, быть может, он будет одним из ее творцов, и ему все сильнее хотелось писать.

\* \* \*

Осенью султан Абул-Касим Бабур объявил своему двору, что намерен временно поселиться в Мешхеде. Он захотел тишины. К тому же наступил временный покой в стране. Бабур помирился с Абу-Саидом, и тот даже прислал из Самарканда в подарок астрономические таблицы Улугбека.

Среди приближенных, сопровождавших Бабура в Мешхед, находились Алишер и Хусейн. В Мешхеде Алишер горячо принялся за учение. Особенно заинтересовали его астрономические таблицы. Перед ним открылось небо, он научился читать в нем и навсегда полюбил эту науку. С Хусейном он виделся часто, но они как будто не замечали друг друга. Хусейна увлекали придворные забавы, Алишер главным образом учился и писал.

Вновь сблизило друзей очень важное событие. Смертельно заболел султан Бабур. Лихорадка свела повелителя Хорасана в могилу.

Смятение овладело двором. Среди близких султану не было никого, кто бы мог стать на его место. Было ясно, что смуты и распри снова будут дробить государство на куски.

## ПРОЩАНИЕ

После похорон Бабура Алишер и Хусейн до глубокой ночи просидели вдвоем. Это была самая дружеская встреча в их жизни. Каждое слово их беседы осталось у них в памяти навсегда.

— Сегодня мы еще вместе, а завтра я буду далеко, — сказал Хусейн.

— Ты твердо решил уйти из Мешхеда?

— Да! Мне здесь делать нечего.

— Ты хочешь сказать, что я...

— Да, ты можешь учиться, думать, выжидать, а я должен действовать!

Потрескивало пламя свечи, озаряя юношеские лица. Колючий взгляд Хусейна часто скрещивался с пронизательным взглядом Алишера. Юноши сидели, опершись на подушки; перед ними остывали на огромном блюде лепешки, поджаренные на бараньем сале. К еде не притрагивались, но Хусейн то и дело подносил ко рту огромный кубок с вином.

— Куда лежит твой путь и с кем ты пойдешь?

— По дороге в Мешхед, помнишь, мы остановились в Джаме. Этот город дан был в удел мирзе Санджару вместе с Мервом и Маканом. Там народ недоволен порядками, но Санджар силен; ему покровительствовал наш покойный султан. К тому же он носит имя великого Санджара<sup>1</sup> и тщится поддержать славу, заглохшую три века назад. Вряд ли он встретит меня вражески, если я надену личину скромности, не обнаруживая никаких притязаний.

— Опасную игру затеваешь, — задумчиво сказал Алишер.

<sup>1</sup> Санджар — султан из династии сельджуков (1086 — 1157).

— Я еще не знаю, что будет. Просто нужно осмотреться, быть ближе к сильному.

— Жаль, жаль Хорасан, жаль наш любимый Герат, в котором должны процветать науки и искусства, разум и честь. Нам нужен султан мощный и справедливый, и тогда будут свобода и хлеб у людей.

Хусейн внимательно и остро посмотрел на Алишера. Он вдруг увидел, как повзрослел его друг; глубокой мыслью полны глаза, губы замкнуты, как у человека, произнесшего сокровенное слово.

— Я знаю, — начал Хусейн после долгого молчания, — на моем пути будет много испытаний. Но ждут меня слава и трон. Ничего нельзя добиться, сидя на месте. Лишнего часа нельзя терять. Я не мальчик, а муж.

Хвастливые нотки прозвучали в его голосе. Алишер остановил его знаком руки.

— Не хочешь ли вспомнить старую сказку о двух друзьях — Мукбиле и Мудбире? Один мечтал лишь о науках, другой — о радостях и веселье. Они расстались: Мукбиль пошел к дервишам, Мудбир — в кабак. Мукбиль изучал все науки, и шах осыпал его своими милостями. А Мудбир день и ночь не выходил из кабака и весь распух от пьянства. Когда однажды какой-то человек назвал его безобразным, Мудбир в пьяном угаре убил его. За это он был казнен, а Мукбиль еще долго жил, и его стараниями процветали науки.

Хусейн нахмурился.

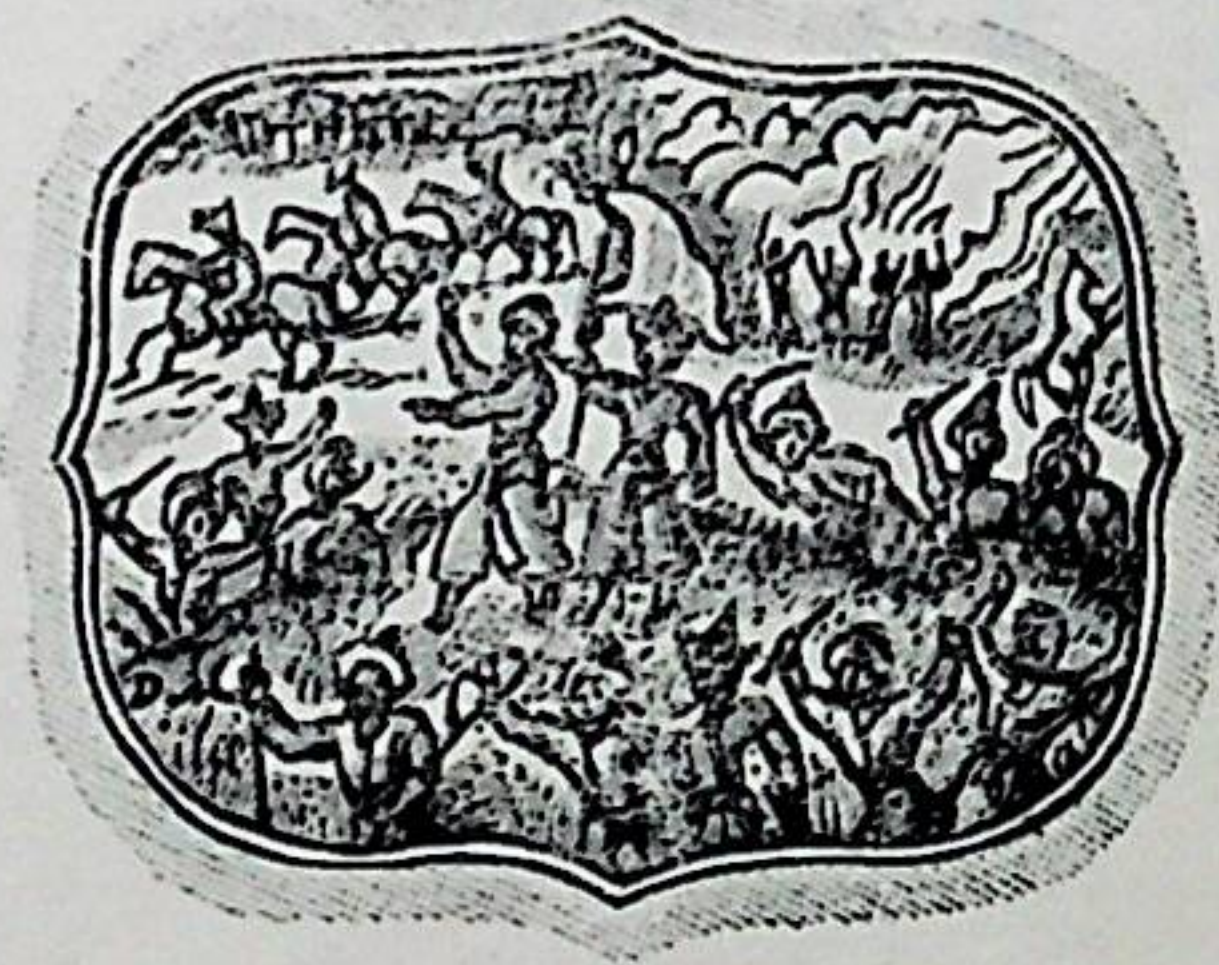
— Что ты хочешь сказать? Не про это ли? — брезгливо показал он на кубок с вином. — Но ты ведь знаешь мое свойство — пить не пьянея.

— Нет, я говорю не только об этом, а обо всем, что может увести от настоящего дела, друг мой Хусейн!

В окно ворвался ветер и потушил свечу. В комнате стало темно, и тогда юноши сказали друг другу то, что, стыдясь своих чувств, они не решились бы сказать при свете.

— Мы никогда не изменим друг другу, — сказал Хусейн. — Где бы я ни очутился, я дам тебе знать. Первый, кому улыбнется судьба, призовет к себе другого!

— Да будет так! — твердо ответил Алишер. В темноте он нащупал руку Хусейна и на мгновение прижался к ней лбом.



И что бы ни приключилось, улыбкой  
встречай беду.  
Познавший судьбы упорство упорнее  
стал во сто крат.

Н а в о и. Газели





## Алишер в Мешхеде



Легкий ветер играл в ветвях деревьев. Расцветала весна. Ночи были еще сырые и холодные, но днем солнце жадно выпивало влагу, под его яркими лучами распускались почки, пробивалась из-под земли трава. Коварная весенняя пора, когда, согревшись днем, ночью дрожишь от холода. Особенно трудно приходится беднякам. Вот о чем думал Алишер, выйдя утром из своего уютного жилища.

Необыкновенно переменилась его жизнь после того, как он, обеспеченный и беззаботный, приближенный Бабура, потерял своего покровителя. Война снова сотрясала Хорасан, но Мешхед оставался в стороне от нее. Страной правил Абу-Саид. Где-то далеко султан Хусейн с мечом в руке добывал себе славу, и слухи, доходившие о нем, были смутны. Алишер избрал иной путь. Он бстался в Мешхеде, вдали от между-

усобной войны, не заботясь ни о почсте, ни о богатстве, — он думал лишь об одном: учиться и творить.

Дни шли, похожие друг на друга; казалось, спроси Алишера, когда он расстался с Хусейном, когда оставил пышные чертоги, сменив их на скромную обитель у могилы святого, — и он сказал бы: вчера. Отец Алишера, которому пришлось принять участие в бурных событиях, не раз посылал гонцов к сыну, приглашая его в Герат: обещал ему достойное место и положение. Алишер отвечал вежливо, но твердо, что время еще не пришло, что учение не закончено. Он писал отцу, что ему хорошо живется. Выражение сыновней преданности и любви занимало большую часть его писем.

Он писал много стихов, но читал их только в тесном кругу друзей. Это были скромные небогатые юноши, так же как и Алишер, ищущие знания. Он избегал встреч с людьми, знавшими его при дворе у Бабура: он не хотел ничьего покровительства. Но хотя Алишер не искал известности и славы, стихи его были так хороши и так легко запоминались, что многие в Мешхеде повторяли их наизусть, даже не будучи знакомы с их автором.

Часто горсть орехов и черствая лепешка служили ему пищей в течение целого дня. Он возмужал и похудел. Скромный халат облекал его стройную фигуру. Взгляд темных глаз был вдумчив и глубок. Но иногда глаза его ярко загорались, он остро всматривался в окружающее и подмечал сразу все: и каландара<sup>1</sup>, и торговца сушеным виноградом, обсчитывающего зазевавшегося покупателя, и стройную девушку, колеблющую легкой рукой свое покрывало, словно призывая

<sup>1</sup> К а л а н д а р — нищенствующий монах.

взглянуть на нее повнимательнее. Так было и в это утро, омытое весенним дождиком. Алишер торопился до начала занятий в медресе купить на рынке касу<sup>1</sup> кислого молока и лепешку.

Был первый день курбан-байрама<sup>2</sup>. В каждом жилищном доме жарили целого барана или ягненка, а кто побогаче, то и коня. Угощали соседей, случайных прохожих, паломников. Пожертвовавший в день байрама барана или коня после смерти отправлялся прямехонько в рай. Так гласило предание. Правда, схать приходилось по мостику, тонкому, как волосок, над кипящим потоком, где страшно выли шайтаны<sup>3</sup>.

Из-за дувалов<sup>4</sup> вились синеватые дымки и разносился вкусный запах жареного мяса. Алишера приглашали на праздничный обед в несколько домов, но он отказался от приглашений, сославшись на нездоровье. Его и впрямь знобило.

Город еще спал, но за невысоким дувалом, окружавшим рынок, уже кипела пестрая говорливая жизнь. То и дело подъезжали на ишаках, лошадях и верблюдах земледельцы. Внимание Алишера привлекла живописная группа. Впереди на крошечном ишачке ехал древний старик с развевающейся бородой. Зеленая чалма ярко оттеняла пергаментный цвет морщинистого лица. Босые ноги выглядывали из-под широких белых шаровар. За стариком на высоком рыжем коне ехал человек средних лет, рослый, с короткой черной бородой, в пестром ватном халаге и высоких сапогах. Яркая тубетейка покрывала самую макушку его голо-

<sup>1</sup> К а с а — большая чашка.

<sup>2</sup> К у р б а н - б а й р а м — праздник жертвоприношения у мусульман.

<sup>3</sup> Ш а й т а н — дьявол.

<sup>4</sup> Д у в а л — глиняная стена.

вы; в его посадке, движениях была уверенность человека, чувствующего себя хозяином. Шествие замыкал мальчик лет десяти на черном ишаке, таком же крохотном, как и тот, на котором ехал старик.

У ворот рынка они остановились. Старик соскочил с необыкновенной легкостью со своего ишака и начал быстро привязывать его к деревянному шесту. Алишер приветствовал приехавших:

— Радость для глаза видеть почтенную семью, прибывшую на праздничное торжество.

— О, господин, — сказал старик, — не скажете ли вы, где здесь можно остановиться на ночь? Вряд ли мы управимся со всеми делами за день; мы приехали издалека.

Алишер указал недорогой караван-сарай<sup>1</sup> и объяснил, как туда пройти.

— Благодарю, молодой человек! Не хотите ли дыню? Первые в этом году. Дыни из Мерва — лучшие в мире. Вот это мой старший сын Нураддин, большой мастер их выращивать.

— Вы из Мерва? — заинтересованно спросил Алишер. — Расскажите про ваш благословенный город.

— Что говорить! — вмешался Нураддин. — Снова война: все чего-то не поделят. Наш мирза Санджар отдал дочь замуж за султана Хусейна Байкару. Тут бы им вместе царствовать, но они хотят друг у друга вырвать власть и дерутся, как собаки из-за кости. А мы за это должны расплачиваться. Не надо нам войны. Нам нужны вода, земля, кони и скот. Тот, кто даст нам это, будет хорошим султаном. Безразлично, как его зовут, — Санджар или Хусейн. Санджар уже показал себя. Он все отнимает, а Хусейн

<sup>1</sup> Караван-сарай — постоялый двор.

пока все обещает... Мой отец Джехан впервые за много лет оставил родное селение, он хочет посмотреть, как живут в других местах, и не стоит ли перекочевать...

Алишер огорченно покачал головой. «Плохо, плохо, значит, живется в той земле, где людям приходится оставлять свой дом и кочевать с места на место», подумал он, а вслух сказал:

— Сеющие зерно дают жизнь всем. Великое зло — нарушать этот труд.

Он сказал это тихо, как бы про себя, но Джехан услышал и благоговейно повторил слова Алишера.

— На войну забрали моего старшего брата Мусабка, — сказал мальчик. — Он обещал отвоевать для меня хорошего коня.

— Молчи, Салим, когда старшие говорят, — обрывал мальчика дед.

Алишер, взволнованный тем, что услышал имя Хусейна, предложил сам проводить путников до караван-сарая. Затем в задумчивости пошел в медресе, так и не купив ничего на базаре. Он принес с собой подаренную стариком дыню и склонился над книгой.

\* \* \*

Прохладный вечер быстро спускался на землю, когда Алишер возвращался после занятий домой. В прозрачном воздухе особенно стройными казались деревья вокруг его домика. На плоской крыше зелела молодая трава. Заходящее солнце бросало на нее желтые блики. Высокое голубое небо покрылось перистыми облаками. Все словно застыло на мгновение, чтобы дать глазу насладиться сполна. Алишер остановился, всматриваясь в даль. «Красота вечна, как вечна жизнь на земле, но красоту, как и жизнь, убивает невнимание к ней». Он мысленно записал

эти слова и бережно сложил их в копилку своей памяти.

Улица была полна праздничным весельем. Во многих дворах можно было разглядеть нарядных людей. Слышались музыка, смех, пение. Под навесами мелькали женщины в пестрых одеждах; там была своя музыка, свои игры и угощения.

Стройная девушка обогнала Алишера и свернула в переулочек. Алишер уже несколько раз видел ее в этом месте; она часто проходила тут, держа корзину на плече, очевидно, возвращаясь с базара. Ему захотелось пойти за ней, посмотреть, где она живет. На этот раз девушка была нарядно одета, серебряные браслеты звенели на ее тонких запястьях, кольца сверкали на пальцах, грудь была украшена большой серебряной бляхой с разноцветными камнями. Вдоль щек свисали бирюзовые подвески, и на высоком тюрбане колыхалось перо. Девушка шла, ускоряя шаг. Вдруг она исчезла, юркнув в узкий проход между двумя дувалами. Алишер заметил калитку, в которую она проскользнула, и услышал тихий смех, перешептыванье. Потом все стихло. Алишер прошелся несколько раз перед домом. Там все безмолвствовало. Он снова почувствовал озноб, похолодели руки, но уйти он все не мог. В голове начали складываться строки стихов:

Я изумлен красой твоей — что до того твоим глазам!  
Не обернешься ты, а я скитаюсь по твоим следам.

Алишер поднял острый камень и нацарапал им эти слова на глиняной стене. Радуюсь, как мальчик, своему порыву, он поспешил домой, так как усиливающийся ветер все резче продувал его одежду и его знобило все сильнее и сильнее.

Написав стихи, он сразу забыл о девушке. Чувство к ней, мгновенно вспыхнувшее, мгновенно погасло, вылившись в эти строки.

Быстро спускались сумерки. Вот в такие часы, когда Алишер возвращался утомленный домой, ему особенно не доставало близкого человека. Не раз он вспоминал верного Хашима. Алишер подошел к дверям своей худжры<sup>1</sup>. Стрекотали сверчки, сонно чирикали птицы. Невдалеке, подле могилы святого, медленно прохаживались люди. «Пришли, должно быть, на поклонение, — подумал Алишер. — Как много здесь ходит людей в дни курбан-байрама! Может быть, они принесли вести из других городов?» Он хотел выйти к ним навстречу, как вдруг почувствовал страшную слабость, голова закружилась; озноб начал трясти его. Он быстро зашел в худжру и улегся на тощую кошму, разостланную в углу. В дыры окон вривался ветер и проникали последние отблески заходящего солнца. При свете бледных лучей он начал читать. Рядом с его ложем неизменно находилась драгоценная рукопись Низами<sup>2</sup>. Он перечитывал без конца знаменитую «Пятерицу».

«Вершина мудрости и поэзии, — думал Алишер, мечтая создать когда-нибудь нечто подобное. — Такая поэзия помогает людям жить, творить добро и красоту; в ней смысл и слово находятся в дивном сочетании».

Долго читать не удалось: становилось все холодней. Алишер плотно закутался в халат, прикрыл ноги углом кошмы и попытался заснуть. Постепенно он согревался, дрожь уменьшалась, перед глазами легким видением проплыла девушка из соседнего переулочка.

<sup>1</sup> Худжра — келья.

<sup>2</sup> Низами — великий азербайджанский поэт XII века.



Алишер начал засыпать. Вдруг несколько голосов, перебивая друг друга, раздалась у самой двери худжры.

— Здесь никого нет, господин, и заходить не стоит.

— А если и живет какой-нибудь бедный искатель знания, то сидит, наверное, над книгами, и не стоит ему мешать.

— Зайдем все же, — раздался чей-то спокойный, внушительный голос. — У могилы святого не поселит первого попавшегося человека. Здесь находят приют выдающиеся молодые люди. С ними говорить и приятно и поучительно.

И, не дожидаясь ответа, человек в праздничном халате и высокой чалме вошел в келью, наклонив под низким входом голову. За ним последовали и другие. Алишер лежал неподвижно. Ему было трудно поднять голову. Шум голосов больно отдавался в ушах. Непрошенные гости рассматривали скромное убранство худжры. Вдруг один из них воскликнул:

— Взгляните на стены! На них есть поучительные надписи. Вот хотя бы эти строки.

Он подошел к стене напротив постели Алишера и прочел нараспев:

Когда ты спустишься в долину исканий,

Каждый миг тебе встретится сотня страданий.

Человек, вошедший первым, подошел к стене и сам перечитал надпись.

— Да, — сказал он задумчиво, — достигнуть долины счастья в раю нельзя без страданий здесь, на земле.

Молодой человек с дерзкими глазами и едва пробивающейся бородкой громко сказал:

— Речь идет о долине любви, шейх<sup>1</sup>, только она приносит страдания.

<sup>1</sup> Шейх — духовный руководитель.

Но шейх остановил его медленным, властным движением руки.

— Мысли твои направлены в сторону от истины. Поверхностное отношение к жизни, слепота молодости — вот твой удел сегодня. Подожди — завтра солнце достигнет зенита и осветит все вокруг. Когда зрелость вступит в свои права, ты сам над собой посмеешься.

— Ваша святость, — сказал человек, одетый в рубище, — я думаю, что речь идет о долине небытия, когда и земная жизнь потеряна и к богу еще нет пути. Это долина, в которую попадают нерешительные люди.

— Долина исканий ведет только к богу, — возражал шейх.

— Долина исканий ведет через страдания к земному счастью, — сказал четвертый спутник, в богатой одежде купца.

Тут Алишер приподнял голову и заговорил. Спорившие только теперь обратили на него внимание.

— Прошу прощения у самого мудрого среди почтивших мою скромную обитель, — Алишер слегка поклонился в сторону шейха, — но я думаю, что правы понемногу все его спутники. Да, долина исканий ведет и к любви, и к познанию, и к счастью, — ко всему, что связано с земными благами, которые не даются без страданий.

Алишер говорил убедительно и спокойно; лицо его покраснелось от жара, но глаза сияли чистотой и ясностью мысли. Шейх подошел поближе.

— Простите, ревнитель науки, мы разбудили вас. В столь ранний час мы не думали нарушить чей-либо покой.

— Я простудился, гуляя слишком долго в этот ко-

варный весенний день, и лег сегодня рано... Если бы я знал, какие гости почтят меня своим посещением, я бы превозмог болезнь.

— Я готов согласиться с вами насчет толкования стихов, молодой человек. Вы говорили спокойно, без запальчивости, убедительно. Ничто столь не возбуждает желаний спорить, как несогласье, выраженное слишком горячо. Тот, кто уверен, не станет тратить понапрасну пыл; вы убедили меня, юноша. Хочу унести на память ваше имя.

Алишер еще выше поднял голову и облокотился на подушку.

— Меня зовут Алишер, а стихи свои я подписываю: «Навои». Я хочу передать всю музыку моего родного языка.

Не успел Алишер произнести эти слова, как шейх бросился снова к нему с протянутыми руками.

— О, мне известно это имя! Я ждал этой встречи, как отец ждет свиданья с давно уехавшим сыном. Но вы столь скромны, что вас и не увидишь нигде. Я знаю и ваши персидские стихи, подписанные «Фани»<sup>1</sup>.

— Да, пусть это имя будет преходящим, как и самый смысл этого слова. Если мне суждено остаться в памяти людей, пусть живет имя поэта Навои, писавшего на родном языке. Но да будет позволено мне узнать, кто почтил своим приходом мое скромное жилище?

— Мое скромное имя — Камал Турбати, — ответил гость. — А это мой спутник — молодой поэт

<sup>1</sup> Фани, Навои — литературные псевдонимы Алишера. Персидские стихи он подписывал «Фани» («Преходящий», «Смертный»), а узбекские — «Навои» («Мелодичный»).

Сахаб, а это — самый богатый человек в Мешхеде, ходжа Гулямали.

Турбати указал на одетого в рубище каландара.

— Вернее, был самым богатым, но роздал все свое имущество...

— Вот теперь-то я и богаче всех, — перебил каландар. — Я владею свободой, самым лучшим из богатств.

— А вот это, — продолжал Турбати, — заезжий купец из Ирака, пришел на могилу святого.

Алишер взволнованно приподнялся. Как? Перед ним сам Камал Турбати — прославленный поэт? Давно хотел Алишер повидаться с ним, почитать ему свои стихи. Прерывающимся от волнения голосом он сказал:

— Я счастлив видеть перед собой великого поэта. Если бы не ваши голоса и не шелест ваших одежд, я принял бы все это за видение моего разгоряченного мозга.

— Это не сон. Вот вам моя рука, пожмите ее, — сказал Турбати.

— И моя...

— И моя...

Алишер лихорадочно пожимал всем руки.

— Простите, дорогие гости, что принимаю вас лежа, но голова у меня кружится и дыхание спирает в груди.

Камал Турбати незаметно вышел, подзвал слугу, смотревшего за могилой, что-то шепнул ему, потом возвратился в худжру и подошел к Алишеру.

— Дорогой друг, раз я встретил вас, о чем так давно мечтал, то уж не оставлю вас без внимания. Завтра к вам придет мой табиб<sup>1</sup>. Как только поправитесь,

<sup>1</sup> Табиб — знахарь, лекарь.

вы будете желанным гостем в моем доме; моя библиотека к вашим услугам, в моем саду прохладно и тенисто. Там соловьи поют розам о своей любви. Поправляйтесь поскорее, а теперь отдохните.

Алишер нараспев прочитал несколько строк из стихов Турбати о соловье и розе. Польщенный поэт посмотрел долгим ласковым взглядом на Алишера и вышел вместе с другими.

Усталый от всех впечатлений, Алишер вскоре заснул. А через час слуги Турбати внесли и поставили перед его постелью большую корзину, полную яств. Сверху была положена свернутая в трубку записка. В ней значилось: «Только знания приносят мудрость, только отречение дает свободу, только в поэзии — счастье».

### ХУСЕЙН ПРИЕЗЖАЕТ В МЕРВ

Совсем иначе прожил эти три года султан Хусейн. Он стремился к власти.

Через несколько дней после смерти Бабура жигели города Мерва обратили внимание на группу всадников, проскакавших по улицам и остановившихся подле дворца мирзы Санджара. Впереди ехал молодой человек с решительным и упрямым лицом; он смотрел по сторонам сердито и властно, словно оглядывал свои владения. У главного входа во дворец он приказал одному из всадников постучать. Двери раскрылись не скоро; на пороге стояла стража, вооруженная кривыми саблями. Приезжий гневно вспыхнул, но сдержал себя и резко сказал:

— Передайте мирзе Санджару, что султан Хусейн явился к нему с стрядом всадников и отдает себя в его

распоряжение. Скажите еще: я принес печальную весть о смерти султана Бабура.

Слова эти молнией пронеслись по дворцу. Мирза Санджар отдал распоряжение принять с почетом всех всадников, а султана Хусейна ввести к нему.

— Мир этому дому! — почтительно, но с достоинством приветствовал султан Хусейн мирзу Санджара. Тот протянул ему руки и предложил сесть на почетное место.

— Путнику, достигшему крова, прежде всего подобает поесть, а путь из Мешхеда не близок. Многие, направившиеся в Мерву, теряли его.

— Перед кем цель ясна, тот не заблудится. Не для забавы скакал я сюда: есть дела необыкновенной важности. Нужно твердо взять власть в руки. Бабур, мир его памяти, оставил наследника, одиннадцатилетнего сына, Шах-Махмуда. Кто те мужи, которые будут диктовать за него свою волю?

Полное лицо Санджара залила краска. От этого еще ярче выделилась его черная борода. Он молитвенно провел ладонями по щекам и по бороде и, вновь обретая спокойствие, сказал:

— Пока я жив, этому не бывать. Мерв, Макан и Джам — мой удел. Здесь я владыка, и никто не посмеет вмешиваться в мои дела.

В горячих глазах Хусейна зажглась веселая искра, но он тут же потушил ее и вкрадчиво сказал:

— Есть искатель престола: султан Ибрагим, внук Байсункара. Правда, при Бабуре он находился в заключении, но сейчас, должно быть, поднял голову, а вместе с ним и вся его родня. Шакалы!

У султана Хусейна остро блеснули зубы, а мирза Санджар, теряя достоинство, всплеснул руками:

— Пока у меня есть хоть один всадник и один клинок — не подчинюсь никому!

Слуги расстелили большую скатерть, затем внесли огромное блюдо с едой. Санджар славился своим гостеприимством. Стольничий в длинных кожаных перчатках начал делить барана на части. За едой хозяин и гость рассказали о своих намерениях. Их планы совпадали. Султан Хусейн доверчиво отдавал себя и свою свиту в распоряжение мирзы Санджара. Они решили объединиться и вместе сохранять власть.

— Дружба тем крепче, чем больше уз связывает нас! — загадочно сказал вдруг мирза Санджар. — Ты будешь жить у меня. Гостю из рода Тимура окажем достойные его почести. Лучшее место в доме и за столом принадлежит ему. В спешке, должно быть, ты не захватил с собой достаточно одежды.

И мирза Санджар приказал слуге принести шелковый халат. Приказание было мгновенно выполнено. Юношеская радость осветила лицо Хусейна при виде почетного подарка. Гибким движением он принял халат и низко поклонился.

— А теперь пойдешь отдохнуть. Слуги покажут тебе твой покой.

Мирза Санджар хлопнул в ладоши, и немедленно, как из-под земли, выросли два высоких джигита. Стараясь ступать бесшумно, они повели Хусейна через множество богато убранных покоев. За ковровой занавесью одной из них слышались женские голоса. Вдруг чья-то рука приподняла тяжелый ковер, высунулась головка девушки в высоком голубом тюрбане. Вдоль смуглых щек свисали подвески с драгоценными камнями; узорные украшения, перевитые жемчужными нитями, покрывали грудь девушки.

Султан Хусейн на минуту остановился; его узкие черные глаза в упор встретили взгляд ее больших темнотелых глаз.

— Ай! — вскрикнула девушка и опустила ковер.

## СВАДЬБА

У мирзы Санджара были свои планы насчет султана Хусейна. Опытным взглядом он увидел в нем будущего большого военачальника. Об этом говорили и решительный тон, и смелая речь, и большая физическая сила, и ловкость. «Он истинный тимурид», думал Санджар. И тут же мирза решил выдать за султана Хусейна свою пятнадцатилетнюю дочь Бике.

«Этот брак скрепит наш союз, — подумал Санджар. — Их первенца я сделаю наследником своих владений. Весь Хорасан объединится под нашей властью».

В воображении честолюбивого Санджара рисовались картины будущих великих побед.

Разговор о женитьбе произошел через месяц после появления Хусейна в Мерве.

Хусейн залез на высокую голубятню и гонял голубей длинной тростниковой палкой. Он полюбил эту забаву и развлекался так каждое утро. Серебристо-голубые, розовоперые, белоснежные голуби реяли в прозрачном воздухе. Но как бы высоко они ни взлетали, всегда возвращались домой. Этот момент их возвращения особенно пленял Хусейна. Среди голубей у него были любимцы. Его вниманием пользовался огромный голубь, белый с пестрой коричневой грудкой. Хусейн любовно брал его в обе ладони, а то просто сажал его к себе на руку, как сокола, и любовался изящной головой и блестящими перышками птицы. Потом, легко взмахнув рукой, отбрасывал голубя, и тот взлетал, кружась над самой головой своего господина.

Мирза Санджар долго наблюдал за мирным занятием гостя и, наконец, окликнул его, сказав, что хочет с ним поговорить.

Султан Хусейн неохотно сошел с башни, как неохотно отрывался от всякого дела, которое ему еще не прискучило. Но разговор оказался для него интереснее, чем он ожидал; сразу вспомнилась девушка, мелькнувшая перед ним во дворце в день приезда. Надо думать, это и была Бике. Хусейн вспоминал ее быстрый и горячий взгляд, и предложение мирзы Санджара показалось заманчивым. К тому же новое родство действительно могло принести большую пользу. Отсюда можно будет начать борьбу за власть.

Санджар и Хусейн договорились быстро.

Свадьбу решено было отпраздновать сейчас же после рамазана<sup>1</sup>. Образ Бике занял прочное место в сердце молодого человека. Хусейн начал писать стихи. Вспоминались дни ранней юности, когда, соревнуясь с Алишером, он ежедневно слагал по нескольку бейтов<sup>2</sup>. Алишер часто хвалил его строки.

«Вот кого мне нехватает больше всего — моего Алишера», часто думал Хусейн.

Не так обездолена ветка, с которой гнездо снесено,  
Как сердце, что верного друга жестокой судьбой

лишено, —

так писал он. Почти каждый час его дня теперь был отмечен двустишием, и больше всего писал он о глазах любимой, о ее нежных руках, о радости встречи с нею. Это не мешало ему с прежним удовольствием следить за полетом голубей, устраивать бои баранов, состязаться с джигитами в скачках на большие расстояния. Султан Хусейн жадными глотками молодости пил жизнь.

Наступили дни свадьбы. Мерв еще не запомнил такого торжества. В нем принимал участие весь го-

<sup>1</sup> Рамазан — мусульманский пост.

<sup>2</sup> Бейт — двустишие.

род. Накануне всем эмирам, казиям<sup>1</sup> и вельможам были посланы почетные одежды. В этих одеждах они и присутствовали на свадебном пиру.

С утра в покоях чевесты собрались все женщины дворца. Обряжая Бике, пели печальные песни. Невеста сидела с грустным лицом, но в душе ее была радость. Дочка мирзы тоже помнила мгновенную встречу с юношей, который сегодня должен был стать ее мужем. Она помнила взгляд его властных черных глаз. Это был именно тот человек, который являлся ей в мечтах. Но из приличия невеста должна грустить, и Бике грустила.

Глаза ее радостно блеснули лишь тогда, когда принесли свадебный наряд и драгоценности. Лучшие вышивальщицы Мерва шили кайму к бледнорозовому шелковому платью. Маленькие туфли были расшиты теми же искусными руками. Голубоватый алмаз дрожал на перышке, приколотом к высокому розовому тюрбану. Персидская зеленая бирюза украшала шею и грудь невесты. На руках ее были браслеты, и каждый из них стоил не менее тысячи кебекских динаров. Тяжелы были драгоценности, надетые на Бике, но она не чувствовала их тяжести и легко порхала по комнате.

Приготовления шли и на половине жениха.

В углу большого зала, устланного коврами, возвышалась гора подушек; на нее усадили Хусейна. Началось подношение подарков. Мирза Санджар подарил своему зятю арабского скакуна и саблю из дамасской стали в ножнах, украшенных рубинами и бирюзой. Много тканей, ковров и посуды принесли приближенные и родственники мирзы.

<sup>1</sup> Казий — судья.

Хусейн пришел к Санджару неимущим. Молодая сила, воинственный дух и отряд всадников — вот все, что мог он принести в дар владыке Мерва. Гордостью Хусейна была единственная его драгоценность — розовый бриллиант, вывезенный некогда Тимуром, из Индии. Этот камень передавался из поколения в поколение. Его-то и подарил Хусейн Бике. Она ахнула при виде подарка и прикусила от изумления палец.

Дальше все происходило, как во сне. Бике помнила, что ее ввели в залу и навстречу ей двинулся высокий джигит в белом кашемире. Сквозь тонкую шелковую вуаль, закрывавшую ее лицо, невеста с трудом различала его черты, но он показался ей прекрасным. Главный мулла Мерва произнес над ними молитву. Потом все присутствовавшие начали бросать в них персиками, сливами и монетами. Начался пир, длившийся до рассвета, с тем чтобы после недолгой передышки начать ся вновь.

И так три дня подряд.

### СУЛТАН ХУСЕЙН УХОДИТ ИЗ МЕРВА

Скоро султан Хусейн настолько завоевал доверие тестя, что летом мирза Санджар, уехав в Мешхед, поручил Мерв зятю. Он оставил его полным своим заместителем. Молодой султан не замедлил проявить свою властность и нетерпимость к возражениям. Во дворце и в городе стали поговаривать о том, что Хусейн намеревается захватить власть в свои руки. Эти слухи исходили от главного вельможи Санджара Хасана. Поводом к слухам послужило одно довольно странное обстоятельство.

В первые дни после свадьбы султан Хусейн любил слушать сказки, которые рассказывала Бике. Среди

них была одна, особенно поразившая его воображение. Бике рассказала про своего знаменитого предка, жившего триста лет назад и носившего то же имя, что и ее отец. Это при нем Мерв был так прекрасен, что даже развалины, оставшиеся после нашествия монголов, говорили о необыкновенной красоте домов и площадей. Целиком сохранилась только одна мечеть с лазоревым куполом. И вот про эту мечеть была сложена легенда.

— Однажды, — говорила Бике, — султан взял себе в жены пери<sup>1</sup>, которая поставила ему три условия: никогда не смотреть, как она расчесывает свои волосы, не обнимать ее за талию и не глядеть на ее пятки, когда она ходит. Долго крепился султан, выдерживая эти три условия, но однажды он не стерпел и посмотрел, как его молодая жена причесывается. Каково же было его удивление, когда он увидел, что она сняла голову, поставила ее на стол и начала своим золотым гребешком расчесывать длинные черные волосы. В этот же день он спросил у нее, зачем она это делает. Пери не на шутку рассердилась и сказала, что покинет его, если он посмеет еще хоть раз нарушить условие. Но прошло некоторое время, и султан обнял ее за талию. Он почувствовал, что под руками у него что-то очень мягкое, без костей, и вскрикнул: «Разве у тебя нет ребер?» В тот же миг пери улетела. В течение девяти дней и девяти ночей все муллы города заклинали пери вернуться. И, наконец, она смилилась, но предупредила мужа: «Если ты нарушишь третье условие, то я исчезну навсегда». Долго крепился султан — целых девять лет. Но потом все-таки взглянул на ноги своей возлюбленной пери во время

<sup>1</sup> Пери — фея, волшебница-красавица.

ходьбы и увидел, что она плывет по воздуху. Вне себя от страха он вскрикнул: «Пери, не улетай!» Но тут-то она и улетела навсегда. Султан заболел от горя. А когда немного оправился, начал строить большую мечеть.

— Видишь? Вон ту, — показывала Бике Хусейну. — Он хотел выстроить мечеть до самого неба, и, когда уже возвел последний ярус и влез на самый верх, к нему в окошечко заглянула пери. Она ласково кивнула ему головой и сказала, что будет являться ему по пятницам, после вечерней молитвы. С тех пор султан только и жил ожиданием этого дня. Пери рассказывала ему сказки, пела песни и даже расчесывала при нем свои длинные черные волосы. Однажды она уронила золотой гребешок. Султан попросил оставить этот гребешок ему на память. Пери согласилась. Чувствуя приближение смерти, султан велел замуровать гребешок в самом потолке мечети. Теперь он там и лежит, — закончила Бике свою сказку.

Сумасбродная мысль пришла в голову султану Хусейну:

«А может быть, в сказке есть крупица истины? Во всяком случае нужно проверить, не замуровано ли что-нибудь в куполе мечети».

Воспользовавшись удобным случаем, когда в мечети никого не было, он полез на самый верх и начал разбивать кирпичи купола. Это увидел служитель мечети и рассказал приближенному Санджара Хасану. Тот начал распространять слухи о том, что султан Хусейн хочет похитить священный талисман, принадлежащий султанам из рода Санджара, свергнуть мирзу и захватить Мерв. Распространяя эти слухи, Хасан готовился взять в плен Хусейна, которого ненавидел. Но он опасался лишь одного: Бике любила мужа и вы-

царапала бы глаза каждому, кто посмел бы посягнуть на его жизнь и свободу. А мирза Санджар очень любил дочь и верил ей больше, чем кому-либо другому.

Хасану помогли обстоятельства. Хусейн выехал на охоту, забрав с собой всех своих джигитов. На тайном совете вельмож Хасан объявил, что Хусейн поехал на охоту лишь для отвода глаз и действительная цель поездки — это сбор войска.

— Вслед за этим, — говорил Хасан, — султан Хусейн вернется и захватит Мерв.

Тайком от Бике Хасан стал готовить Мерв к обороне. Вся стража на крепостном валу была сменена, так как в ее рядах было немало сторонников Хусейна.

Три дня охотился молодой султан. Он загнал и убил три серны.

Охотники возвращались домой с богатой добычей. Но, подъехав к городским стенам, они увидели, что ворота были наглухо закрыты. На крики охотников не последовало ответа. Первого же джигита, попытавшегося вскарабкаться на стену, поразила пущенная из города стрела!

— Это война! — сказал Хусейн и приказал своим всадникам силой овладеть воротами.

Борьба была неравной. Засевшие в Мерве готовились трое суток; для Хусейна все оказалось неожиданным. Его сторонники, находившиеся в Мерве, были брошены в тюрьму, и даже сама Бике была взята под стражу. Ярость придала силы Хусейну. Он выскочил вперед и повлек за собой остальных.

Хасан объявил воинам, что тот, кому удастся убить Хусейна, будет щедро вознагражден. Вооруженные стрелами и пищалями, стражники заняли места на крепостной стене.

— Эй вы, собаки! — крикнул Хусейн. — Продались подлому Хасану, так получайте.

С этими словами он приказал лучникам стрелять. Но у джигитов после охоты почти не осталось стрел. Тогда Хусейн отправил часть отряда на добычу хвороста, камней и кустарников, чтобы забросать ров перед стеной и пойти на город приступом. Сам же, вне себя от нетерпения, он пустил стрелу в первого выглянувшего из-за стены воина. В тот же миг ответная стрела едва не вонзилась ему в голову. Хусейн еле успел отскочить. Стрела была пущена рукой молодого воина, только несколько дней назад сменившего мирный плуг на колчан и стрелы. Его звали Мусабек, и он насильно был завербован в войска Санджара. Мусабек горевал об оставленном доме.

Он дерзнул пустить стрелу в Хусейна в надежде получить награду, но почувствовал все же облегчение, когда стрела пролетела мимо. Что в конце концов сделал ему этот молодой султан? Он был мужествен и силен, и Мусабек, понимавший в этом толк, даже залюбовался им.

К Хусейну спешили его джигиты. В руках у них были камни, кустарник и хворост. Но едва они приблизились ко рву, туча стрел пронеслась над их головами. Джигиты остановились. Слепленный гневом, Хусейн воскликнул:

— На мост, к главным воротам!

Но тут к Хусейну на короткохвостом чубаром коне подскакал пожилой бек с черной бородой и совершенно гладкими, как у женщины, щеками, из-за чего воины втихомолку звали его «голощеки́м». Бек решительно обратился к Хусейну:

— Великий султан, остановитесь! Смотрите!

Хусейн посмотрел туда, куда указывал бек. Над

воротами был выдвинут большой сундук, такого вида и размера, что в нем могло поместиться пять-шесть воинов. В сундуке со всех сторон были проделаны отверстия для пуска стрел и сбрасывания камней. Так как сундук был подвесной, его можно было то поднимать, то опускать ниже. Бек заметил его в то мгновение, когда услышал крик Хусейна.

— Ваша храбрость, султан, сейчас бесполезна, — продолжал голощекий бек: — в Мерве, видимо, готовились к встрече с нами. Стену не проломить, к воротам не подступиться. Нас забросают стрелами и камнями; пожалуй, они пустят и огненные снаряды. Наши колчаны почти пусты. Нужно спасать себя, прекратить бой, чтобы не было напрасных жертв.

— Ты прав, Музаффар! — остыв, сказал Хусейн. — Надо начать переговоры. Я потребую, чтобы они выпустили из города Бике со свитой. Я знаю, что она пойдет за мной. Если же Хасан откажет, я буду сражаться, как лев, я приведу к Мерву громадное войско. Пригрози им!

Бике решила следовать за мужем, и Хасан отпустил ее, не сопротивляясь. Это ему казалось выгоднее: после возвращения Санджара в Мерв она ничего не сможет рассказать отцу.

## ВОЙНА С САНДЖАРОМ

Теперь уж мира между Хусейном и Санджаром быть не могло. Хусейн обосновался на Мургабе и оттуда совершал набеги на окрестности Мерва. Не раз происходили стычки его отрядов с отрядами мирзы Санджара. Бике настаивала на решительном ударе и захвате Мерва. У нее был такой же властный нрав,



как и у мужа, и она верила в силы и будущее могущество Хусейна. Когда Бике говорила об этом, ее черные брови сходились в одну черту; на гладком лбу появлялась морщинка, вздрагивали ноздри, и рот кривился жестокой усмешкой. Султан Хусейн слушал жену со вниманием. В ее ненависти и честолюбии он черпал силы для борьбы, но поступал все-таки по-своему. Поздней осенью он удалился в пустыню между Мервом и Хивой и, разбив там лагерь, окопался на целую зиму. В пустыне и родился его первенец, которого назвали Бадиаззаман. Хусейн написал по этому случаю стихи и долго носился вокруг лагеря на своем арабском скакуне, подаренном ему мирзой Санджаром.

— Наследник, наследник родился! — кричал он. — Тимурид! Он будет царствовать.

На женской половине еще долго рассказывали, что когда султан Хусейн высоко поднял сына, однодневный крошка весело рассмеялся.

В тот же день Хусейн написал мирзе Санджару дерзкое письмо. Поздравлял его с рождением внука и клялся, что младенцу достанутся все владения, которых Санджар хотел лишить его самого. Выбрав храброго и ловкого гонца, Хусейн послал его в Мерв. Гонец не вернулся: Санджар отрубил ему голову.

\* \* \*

Зима близилась к концу. Нужно было во что бы то ни стало ослабить силы Санджара, который отовсюду стягивал войска. Оставив часть лагеря на месте, Хусейн собрал самых опытных и выносливых джигитов и отправился с ними обходным путем на запад, к Теджену. Он пришел вовремя: в Мерв на помощь Санджару со всех сторон стягивались воинские отряды.

Один из отрядов, начальником которого был Баба-Хасан, столкнулся с Хусейном. Султан Хусейн, считавший внезапно верным спутником победы, напал на него, и Баба-Хасан потерпел поражение.

Часть побежденного отряда скрылась, но большинство перешло на сторону Хусейна. Баба-Хасана султан Хусейн казнил. Опьяненный первой победой, Хусейн устроил пир. Особенно радовался он трофейным коням, стройным «туркменам».

За Тедженом последовало взятие города Несы, а затем он взял Астрабад. Почувствовав свою силу, Хусейн решил добиться признания своей власти. Он отправил послов к двум враждующим между собой султанам: к своему тестю Санджару в Мерв и к своему старому врагу Абу-Саиду в Герат.

Санджар был непоколебим. Ненависть его была безгранична. Он проклял дочь и все ее потомство на веки веков. Посла Хусейна он просто выгнал.

Абу-Саид по-царски принял послов Хусейна, но ответ дал не сразу, он все рассчитывал, выжидал. Ему приходилось воевать одновременно с несколькими султанами. Среди них был и Санджар.

Вскоре Хусейн получил радостную весть. В битве при Серахсе Санджар был схвачен воинами Абу-Саида и убит. Кулаки султана Хусейна торжествующе сжались, когда он узнал о том, что голова Санджара на пике доставлена в Герат.

— Ой-е! — радостно воскликнул он.

Три дня и три ночи гремел пир по поводу избавления от врага. Бике побледнела, услышав о гибели отца. В страшной вести она предугадывала многие новые беды. Когда-то она легко оставила отца, последовав за мужем, которого любила. Теперь Хусейн

стал ей почти ненавистен. С недавних пор он был с ней холоден, резок, небрежен.

Кочевая походная жизнь ожесточила его. К тому же он видел столько предательства, что считал его свойственным многим. Куда девался влюбленный муж, воспевавший еще так недавно в стихах красоту Бике! Теперь Хусейн подозрительно поглядывал на нее. Если она жаловалась на усталость, он думал, что она стремится обратно, в дворцовые покои, он считал, что ради этого она готова предательски оставить его. Когда она подходила к нему с лаской, ему казалось, что она лицемерит. Бике старалась теперь не выпускать из рук старшего сына: при виде Бадиаззамана Хусейн делался мягче.

\* \* \*

Плохо было тем селениям, которые стояли на дорогах войны. Обе стороны обрушивались на них в чем не повинных жителей. Все, что накапливалось трудолюбивыми хозяевами, уничтожалось голодными войсками. Всех молодых людей забирали для пополнения войск, и порой случалось, что брату приходилось драться против брата, если они оказывались в разных лагерях.

Горела земля. Старик Джехан ковырял заступом сухие комья земли. Воду приходилось возить издалека, и с тех пор, как внук Мусабек увел на войну последнего коня из дома, очень много работы выпадало на долю ишаков: беленький совсем захирел, и старик делился с ним последней лепешкой. Отец Мусабека, Нураддин, разъезжал с плетеными корзинами по селениям, чтобы успеть их продать к сбору плодов. Мать лежала со сломанной ногой и ничем не могла помочь

семье. Правда, она плела корзины, но в последнее время так ослабела, что едва успевала сплести одну корзину в пять дней. Только десятилетний Салим носился, как вихрь, помогая деду. Он успевал и накормить ишака, и принести воды, и подать матери волос для вязания корзин и болтал при этом без конца. Он все не мог забыть свое путешествие с отцом и дедом из Мерва в Мешхед.

— Мы проезжали мимо реки, которая вытекает прямо из рая, — рассказывал он, вспоминая воды Мургаба.

— Да, — вздыхал дед, — там действительно вода, а здесь вода — это пот с моей спины.

— Незачем и сеять, — простонала мать, с трудом доковылявшая до дверей, чтобы подышать воздухом.

— Незасеянное поле и вовсе не зазеленеет, — проворчал старик.

— Лучше бы съели эти семена.

— Замолчи, женщина! В следующем году что есть станешь?

— Все равно сборщики налога до срока все заберут.

Жить становилось все трудней.

Так же жили и соседи, даже горсти семян не у кого было занять.

Богатый владелец окрестной земли решил напитать ее водой. Начали рыть каналы, но война не дала довести дело до конца. Забрав лучших джигитов, бек со своим отрядом примкнул к мирзе Санджару. А когда тот был убит, пошел служить его сыну Омару.

Люди взмолились и попросили разрешения закончить рытье канала, чтобы облегчить жизнь остающихся в селах женщин и детей, но бек сурово ответил:

— Всему свое время. В военное время тростник ну-

жен лишь для пик, о сахарном тростнике потом будем думать.

«Когда придет это «потом», ни у кого уже головы не будет», думали люди, но громко роптать не решились.

К счастью, война долгое время миновала это селение. От Мусабекка вестей не было давно, и мать оплакивала его.

И вот однажды, поздно ночью, все были разбужены стуком копыт. Примчался отряд всадников. Освещая факелами свой путь, они остановились посреди села.

— Здесь, что ли? — раздался начальнический голос.

— Здесь, господин, вот дом моего отца.

— Хорошо, мы переночуем, отдохнем, прежде чем двинуться в дальний путь. Отдай приказ привязать коней.

Всадники спешили, громко разговаривая. Жители селения, подавив любопытство и спрятав страх, не выходили из домов в надежде: может, проедут, забудутся, как сон. Но утомленные длинной дорогой войны и не думали уезжать. Они скакали от самого Серакса, где бесславно пал Санджар. Этим уцелевшим отрядом командовал сын Санджара Омар. Ему было девятнадцать лет, он был на год старше Бике. Больше всего на свете он любил соколиную охоту. Ему совсем не хотелось быть султаном, и он принял решение: сдать Хусейну, просить его притти в Мерв властелином. Себе же испросить жизнь и место при дворе. Бике он любил. В детстве они вместе шалили. Хусейн ему нравился своей отвагой и решительностью. Он тоже не был трусом, но его не привлекала война за власть.

К домику Джахана подошел воин, которому царевич Омар дал приказ расседлать коней, и громко постучал в дверь. Из дома раздался испуганный женский голос:

— Во имя аллаха, кто там?

— Это я, мать, не бойся.

Она узнала голос Мусабекка.

### ХУСЕЙН ОТПУСКАЕТ ОТРЯД

Через несколько дней после получения известия о поражении Санджара к Хусейну в Астрабад прибыл отряд Омара. Он сложил свое оружие к ногам Хусейна и покорно ожидал своей участи. Хусейн подумал: «Сейчас он покорен, потому что слаб. Но он никогда не простит мне своего унижения, ведь он из рода Санджара. Если я дам ему воинов, он сможет выступить с ними против меня. Если я не приму его, я оставляю на земле лишнего врага. У меня нет злобы против него, но он может оказаться опасным, и потому его надо убрать».

Хусейн приказал убить Омара.

Отряд, прибывший с несчастным юношей, долго стоял в стороне, ожидая своего начальника. Голодные, усталые всадники обращали на себя внимание прохожих.

— Издалека прискакали? — спросил старый нищий, приковылявший с другой стороны улицы.

— Войско наше билось в неравном бою и полегло подле Серакса, — ответил молодой воин, одетый в красивую кольчугу из мелких колец. Это был Мусабек. — Но мы не желаем напрасно проливать кровь. Мы хотим жить под покровительством сильного и

справедливого властителя и поэтому пришли к его величеству султану Хусейну, который даст нам и нашим семьям жилище и хлеб. Муфтии<sup>1</sup> и казии мирзы Санджара обманывали нас; им ничего не стоит поджечь целый сад, чтобы в начавшейся суматохе украсть одну корзину винограда. Земледельцам не останется и зернышка после уплаты налогов. Сто, а то и двести дней в году приходится работать на чужого хозяина. Нет, довольно. Мы хотим мудрого и справедливого правителя.

Каландар горестно потряс головой, борода его при этом смешно вскинулась вверх.

— И ты думаешь, что здесь, в Астрабаде, ты это найдешь? Да здесь ты и дня не проживешь без войны. Всюду война. И пока люди не отрекутся от всех земных благ, до тех пор она будет продолжаться.

Джигит только что собрался что-то ответить, как старик надвинул ниже свой высокий остроконечный колпак и удалился быстрее, чем можно было этого ожидать при его ковыляющей походке.

Смятение охватило всадников, когда из дворца бежали вооруженные люди и окружили отряд.

— Слушайте, воины, — заговорил чернобородый, голощекий бек Музаффар, вооруженный огромным кривым мечом, — вы пришли служить султану Хусейну? Но кто поручится в том, что у вас добрые намерения, что вы не предатели, убивающие из-за угла?

Музаффар замолчал, поглядывая на всадников, на их запыленных, усталых, но сильных коней. После недолгого молчания один из воинов в шлеме начальника сказал:

— Вам поручится за нас господин наш и вождь. Он

<sup>1</sup> Муфтий — законовед, знаток мусульманских законов.

здесь во дворце, — пошел сложить оружие к ногам вашего султана.

— Ваш начальник и вождь сложил уже не только оружие, но и голову. Наш султан не верит тому, кто еще вчера воевал против нас под началом злейшего врага нашего Санджара.

Вздых возмущения вырвался сразу из всех грудей. Люди бросились к коням, собираясь садиться. Но Музаффар остановил их властным движением руки. Потом заговорил громко, повелительно:

— Слушайте волю султана! Вы не уйдете отсюда, пока не найдется храбрец, который согласится промчаться по моему знаку на коне. Вслед ему будет пущена стрела. Если она его не догонит и он уйдет невредимым, — ваше счастье, покатаете с миром. Если он умрет, умрете и вы. Кто согласен?

С минуту длилось молчание. И вдруг Мусабек вышел вперед.

— Я поскачу! — сказал он спокойно и взглянул на бека загоревшимися черными глазами.

— Мусабек, Мусабек согласился... — зашептали воины.

Мусабек подтянул подпругу и вскочил на коня.

— Поскачешь, когда хлопну в ладоши, — сказал Музаффар, криво улыбаясь: он считал, что минуты жизни молодого воина сочтены.

Нетерпеливый конь, почувствовав всадника на спине, бил землю копытом и кусал удила. Через несколько мгновений раздался сухой и четкий хлопок ладони о ладонь. Конь взвился и поскакал. Вслед ему полетела стрела. Почти одновременно прозвучал отчаянный женский крик, и какая-то девушка, стоявшая в толпе, закрыла глаза рукой.

Стрела со свистом прорезала воздух и упала где-то

вдали. Облако пыли, вившееся дальше, говорило о счастливом избавлении молодого воина.

— Ушел! — вырвался вздох облегчения у всех.

— Ваше счастье, — угрюмо произнес бек, — скачите, пока не поздно! Таков приказ самого султана. На мой взгляд, не стоило бы отпускать коней.

Всадники не заставили себя просить дважды, и вскоре только удаляющийся стук копыт и клубы пыли еще напоминали о них.

«Не всадник — птица, — вспоминал Музаффар воина, поскакавшего первым, — а конь под ним — огонь. Жаль, жаль терять его, но у султана Хусейна свои причуды».

При этой мысли бек опасливо оглянулся: даже в мыслях было страшно противоречить султану Хусейну.

\* \* \*

Султан Хусейн, опьяненный победами, забыл на время обиды и помирился с Абу-Саидом. Он даже стал чеканить монеты с его именем. Тем самым Хусейн признал Абу-Саида своим государем. Но это продолжалось недолго. Султану Хусейну было тесно в захваченных им владениях. Ему нужно было кормить большое войско. Среди воинов было немало людей, привыкших к легкой, разбойничьей наживе, людей, жадных и требовательных. Не раз совершали они набег из Мазандерана<sup>1</sup> на Хорасан. И в конце концов мирные отношения с Абу-Саидом были снова нарушены. Войска Хусейна дошли до Себзевара и Нишапура. Правда, военный успех был переменчив. Не прошло и года, как Хусейну под нажимом войск противника пришлось оставить Астрабад.

<sup>1</sup> Область нынешнего Ирана по южному побережью Каспийского моря.

## МУСАБЕК И ДУР-СУЛТАН

Огромная луна повисла над Астрабадом. Длинные черные тени ложились от домов. На высоком крепостном валу прохаживался часовой. Кольчуга ярко блестела при луне. Легкий ветер веял с моря. Кругом все было тихо и спокойно. Вдруг под крепостным валом скользнула женская фигура и застыла, наблюдая за часовым. Он заметил ее и сурово окликнул:

— Кто там? Я сниму голову с каждого, кто с недобрым делом пришел сюда.

Девушка остановилась и, решившись, быстро поднялась к нему. Она вся дрожала под своим покрывалом, окутывавшим ее с головы до ног.

— Это я — Дур-Султан. Я принесла тебе лепешки.

— Ты пришла, храбрая девушка?! Как ты решилась?

— Если бы даже смерть мне грозила за это, я не испугалась бы. Утром я слыхала, как тебе приказали оставить Астрабад.

— Это все похоже на сказку, которую лунной ночью выдумало мое воображение. А ты — пери, спустившаяся с небес.

— Увы, я простая девушка, которую хотят продать в жены купцу из Багдада. Но я скорее умру...

— Уже несколько дней я живу рядом с твоим домом, я вижу тебя в саду и у арыка. Много раз я ловил твой взгляд. Я полюбил твою легкую походку и твой голос, когда ты поешь: «Ой, хитер мой верный конь...» Я люблю твоё имя, Дур-Султан, и даже написал стихи в его честь. А знаешь ли ты, как зовут меня?

— Да, я знаю: тебя зовут Мусабек. Я была в толпе, когда год назад вслед тебе пустили стрелу.

— Это ты закричала так громко, что шум ветра и свист были заглушены твоим криком?

— Я хотела испугать стрелу, и она пролетела мимо тебя. А теперь, когда ты вернулся с войсками султана Абу-Саида, я сразу узнала тебя среди всадников.

Дур-Султан замолчала, и глаза ее над платком, закрывающим нижнюю часть лица, печально смотрели на Мусабека.

— И теперь ты снова уходишь...

— Слушай, Дур-Султан, что я расскажу тебе. Многому я научился за истекший год. Когда Хусейн отпустил наш отряд, я вернулся к себе домой в селение возле Мерва, чтобы снова возделывать землю, как меня учили мои отец и дед. Но я нашел кишлак разоренным. Мой дом, мое гнездо сожжено. Родители и сестренка умерли с голоду. Древний старик, мой дед, и младший брат Салим уцелели после этого урагана. Дед сидел, слепой и нищий, у обломков дувала, который некогда окружал наш дом. Он словно ждал меня, чтобы сказать последнее слово: «Внук мой, сын моего сына, наша земля в древности была счастливей и цветущей; потом ее разорил Чингис-хан, на моей памяти много крови было пролито во времена хромого Тимура. И теперь ее вновь разоряют и жгут. Брат идет войной на брата. Все хватают последний кусок у тружеников. Все жаждут крови и убийства. Мне, старику, суждено было увидеть смерть своих детей и внуков. Когда же аллах смилостивится надо мной и вынет дух из моего жалкого тела? О, горе мне, о, горе! Когда же наш прекрасный Хорасан будет крепким государством и его перестанет раздирать кровавая междоусобица...» Так говорил мой дед. Аллах внял его мольбам, и он умер, положив голову

мне на колени. Мой брат Салим плакал, склонившись к его ногам. Теперь не для кого ему было просить даже милостыню.

Я думал восстановить разрушенное жилище, зажить с братом вдвоем и заняться мирным трудом. Но не успел и нескольких дней пробыть на родном пепелище, как вновь пришли войска Абу-Саида, и меня заставили пойти служить ему. Им нужен мой конь и меч, да и я сам гожусь, пока есть силы. Но Абу-Саид не умеет быть благодарным; я просил разрешения привести в войско моего брата Салима; он хоть и мал, но ловок и силен; он был бы полезен, из него выйдет хороший джигит. Мне был дан ответ: нам щенки не нужны. Ничего не оставалось делать, и я пошел служить в войска Абу-Саида. Салима я устроил в одной хорошей семье под Гератом; он славный мальчик, и за кусок хлеба будет верно служить своим хозяевам. Они хорошо понимают, что такое жизнь бедного сироты, — сами не на золотых блюдах едят. Дур-Султан, если бы я был падишахом, я сложил бы все богатства к твоим ногам. Но я простой воин. У меня только конь и меч. Тебе я отдаю мое сердце, а коня и меч — тому, кто будет воевать за счастье и силу Хорасана. Слушай, я доверяю тебе свою тайну. Если выдашь, меня убьют...

Дур-Султан закрыла лицо руками при одной мысли об этом. А Мусабек, наклонившись к ней, что-то зашептал. Потом протянул ей обе руки и громко сказал:

— Жди меня год, и ты будешь моей женой.

Дур-Султан ответила:

— Я подожду год, чего бы это мне ни стоило. Даже если смерть будет глядеть мне в глаза. Знаешь старую сказку, в которой девушка говорит: «Я вый-

ду за того стрелка-сокола, кто прибыл за мной из дальних стран и кто за тысячу шагов попал в теньгу<sup>1</sup>, кто свалил в борьбе девяносто палванов»<sup>2</sup>. Ты — тот сокол-стрелок, самый сильный, самый храбрый, самый благородный. Иди войей. В бою проверяются мужчины.

### МУСАБЕК ПРИХОДИТ К ХУСЕЙНУ

Широки мутно-рыжие волны Узбая, одного из притоков Аму-Дарьи.

Отряды всадников появились перед рассветом на правом берегу реки. Много дней и ночей шли войска султана Хусейна; они направлялись на север, в Хорезм. Там Хусейн думал обосноваться до тех пор, пока, собравшись с силами, он снова сможет выступить против Абу-Саида.

— Вода, вода! — раздались радостные возгласы передовых.

Желтые воды Узбая казались золотыми от первых солнечных лучей. Шумно располагался лагерь.

Хусейн собрал у себя в палатке всех беков и начальников, чтобы обсудить план переправы через реку. Раздались робкие голоса; кто-то пробормотал, что пробираться через реку опасно, они недостаточно снаряжены для этого и лодок мало. Султан Хусейн резко прервал эти выступления:

— Тимур не останавливался перед подобными препятствиями: он был великий полководец. Кто не рискует, тот никогда не добьется победы. Нас окружают и разобьют, если мы немедленно не начнем переправу. У нас есть бурдюки и кожа. Свяжем лодки. Пусть

<sup>1</sup> Теньга — мелкая медная монета.

<sup>2</sup> Палван — богатырь.

наши войны ищут благоприятное место для переправы. Колесница солнца не пройдет и четверти своего пути, как мы будем на том берегу.

Слова султана Хусейна были приказанием. Беки покорно удалились выполнять волю султана.

Войска расположились на берегу. Чистили коней, чинили упряжь, оттачивали мечи и кинжалы о мокрый, слежавшийся песок. Дымились костры, на которых пеклись лепешки. Некоторым счастливицам удалось в пути поохотиться, и они поджаривали убитых джейранов<sup>1</sup> и птиц.

Несколько усталых, промокших воинов возвращались в свой лагерь, когда навстречу им попался молодой незнакомый всадник на черном арабском коне.

— Я знаю, где тут пережат, — сказал он спокойно и дружески, — я покажу его. Поведите меня к беку.

Всадники переглянулись. Посовещавшись, они согласились на предложение воина, рассчитывая этим умерить гнев своего бека. Все же они спросили:

— Кто ты такой?

— Это я скажу беку.

Вскоре всадники Хусейна вместе с неизвестным воином подъехали к узорчатой палатке, где Музаффар, стоя у входа, нетерпеливо поджидал свой отряд. Он поставил ладонь над глазами и всматривался вдаль. Левая рука сжимала рукоятку огромного меча. Когда всадники подъехали и заявили, что брода они не обнаружили, у бека сверкнули глаза. Время шло, а султан Хусейн не любил ждать.

— Вот этот воин говорит, что он знает мелкое место, но показать его соглашается только беку.

<sup>1</sup> Джейран — дикая коза.

«Где я видел этого коня? — подумал бек. — Да и всадник мне знаком».

— Кто такой? — сурово и подозрительно спросил он.

— Мое имя — Мусабек. Помните стрелу, пущенную мне вдогонку год назад в Астрабаде? Она миновала меня, но теперь я возвращаюсь к вам по доброй воле. Этот год многому меня научил. Абу-Саид не ценит верных воинов. Он не умеет быть благодарным. Когда войска великого султана Хусейна отступили из Астрабада, я тайком последовал за вами. У меня самый быстрый конь в отряде разведчиков.

— Да, конь у тебя хороший.

— Я скакал за вами все время и решил не возвращаться к Абу-Саиду: хочу служить султану Хусейну. Он смелый и сильный. Возьмите меня к себе: я буду верным воином, клянусь аллахом.

Бек о чем-то долго раздумывал, одобрительно поглядывая на всадника.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я беру тебя к себе. Покажи мелкое место.

\* \* \*

В черной палатке с белым верхом на мягких подушках сидел султан Хусейн. В походах он обычно носил короткие синие шаровары и высокие сапоги. Но сегодняшнее утро было прохладным, и поверх легкого шелкового халата Хусейн накинул чапан<sup>1</sup>, отороченный куньим мехом, — дар заезжего купца с далекого севера, переплывшего через Бахра-Хозар<sup>2</sup>. Белая чалма увенчивалась черным пером. Широкий белый пояс ловко охватывал стройный стан. Хусейн целыми при-

<sup>1</sup> Чапан — кафтан.

<sup>2</sup> Так называлось тогда Каспийское море.

горшнями засовывал миндаль в рот и запивал его красным бухарским вином. Рядом на подушке были выложены доспехи: кольчуга, шлем и меч. В углу за низеньким столиком сидел писец и что-то строчил тростниковым пером. Двое слуг недвижно стояли у входа в палатку.

Напротив Хусейна сидел человек лет сорока, с глазами поэта и лбом ученого — эмир Сейид-ака, писавший стихи под именем Кабули. Тонкими пальцами он деликатно брал по одной миндалине и медленно грыз, запивая маленькими глотками шербета.

— Год назад, — говорил Хусейн, — мы переправлялись через эту реку в большей растерянности, чем сейчас. Астрабад снова будет моим — и уже навсегда. Нужны только терпенье и ловкость. Сколько связано бурдюков? А! — И Хусейн по-детски весело рассмеялся. Затем он поднялся и начал, как тигр, бесшумно и легко ходить по ковру.

— Великий султан, — спокойно ответил Сейид. — Вы получите трон. Это так же верно, как то, что солнце каждый день всходит с востока и заходит на западе. Мы обогатим нашу землю и сделаем прекрасным Хорасан; мы присоединим к нему Мавераннахр.

— Ты воспоешь это все, Кабули, в газелях и касыдах<sup>1</sup> в тот день, когда мы прибудем в Герат!

— О, Герат! — мечтательно сказал Сейид-ака. — Герат — столица столиц!

— И таким городом владеет невежда Абу-Саид! — пылко вскричал Хусейн. — Что стало с моим другом, а твоим племянником Алишером? Я видел его в последний раз четыре года назад, когда покидал Меш-

<sup>1</sup> Газель — лирическое стихотворение, написанное двумя стихиями с проходящей насквозь рифмой. Касыда — стихотворение типа оды.



хед. Но в сердце вечно живет образ Алишера. Вот кто призван быть первым поэтом государства. Равно прекрасны его стихи на персидском языке и на тюрки. Он был мальчиком, когда мы расстались, но в нем горел ум государственного мужа.

— Как драгоценный алмаз, он засверкает в короне вашей славы.

— Подай мне еще чашу вина, — повелительно сказал Хусейн рабу и, увидев укоризненный взгляд своего приближенного, весело добавил: — «Если хочешь власти Джема<sup>1</sup>, утреннюю чашу пей!» Это слова из газели Навои, которую он однажды написал для меня. Я исполняю заветы друга, — шутливо закончил Хусейн и неожиданно суровым тоном спросил у пшца: — Переписан ли мой приказ военачальникам? Легче заставить черепаху бежать рысью, чем этих сыновей лени делать что-нибудь быстро!

Лицо Хусейна омрачилось, взгляд стал тяжелым, словно он в этот момент увидел всю тяжесть борьбы, которую приходилось вести, чтобы достигнуть цели.

За легкими стенами палатки послышался шум и чей-то голос воскликнул:

— Перекат найден! Перекат! Доложите великому султану! — В тот же момент отодвинулась коврая завеса, и вошел Музаффар. Он преклонил колени и лбом коснулся земли:

— Великий султан, пришел воин из стана Абу-Саида. Он клянется в верности и уже доказал ее, открыв нам место брода.

— Приведите воина! — приказал Хусейн. Мусабек вошел. Взгляд его темных глаз выражал спокойное достоинство, в движениях не было низко-

<sup>1</sup> В этой строке игра созвучных слов: Джем — имя легендарного героя (персидского царя) и джам — чаша.

поклонства и суетливости. Хусейн одобрительно посмотрел на него.

— Что привело тебя к нам? — спросил он величественно.

— Великий султан, я верю, что вы сделаете народ счастливым. Я был в войсках Санджара и Абу-Саида. Всюду, где властвовали они, лились кровь мужей и слезы женщин, раздавался детский плач. Хорасан истомился в ожидании мирной жизни.

— Но для этого придется еще повоевать.

— Я готов, великий султан, отдать мою кровь и жизнь, мой меч и моего коня. Я ушел из Астрабада, оставив там свет очей моих, девушку, с которой связан словом. Но я вернусь к ней только после победы вашего войска.

— Ну, что вы скажете, Сейид-ака? — спросил Хусейн.

Тот, не спуская глаз, смотрел на Мусабека.

— Этот воин — кровь от крови, плоть от плоти нашего народа. Посмотрите на его глаза, на благородные черты. Ему можно верить, великий султан!

— Будь по-вашему! — сказал довольный Хусейн. — Назначаю тебя начальником передового отряда. Веди через брод!

\* \* \*

И в третий раз Астрабад был захвачен султаном Хусейном. Затем Хусейн взял еще несколько городов. Как вихрь, появляясь то тут, то там, он пересекал огромные пространства, то углубляясь в пустыню, то появляясь на больших караванных путях. Наконец он возымел дерзкую мысль осадить Герат. Много недель продолжалась осада, но Хусейн вынужден был отступить. Он оставил в Серахсе гарнизон под на-

чалством Сейид-ака. Серахс, окруженный со всех сторон, не в силах был сопротивляться. Гарнизон решил сдаться, обусловив сохранение жизни всем осажденным.

Торопясь овладеть Серахсом, Абу-Саид принял это условие, но увидев Сейид-ака, который предпочел ему Хусейна, он забыл данное слово, и бек был убит.

Весть об этой казни скоро дошла до Хусейна. Ее привез, чуть не загнав своего любимого коня, Мусабек, находившийся в гарнизоне.

— Кровь праведных будет отомщена! Я не знаю, сколько раз еще придут зима и лето, но я знаю, что Абу-Саид кончит позорной смертью! — так встретил Хусейн это известие.

Он утвердился в Хорезме, откуда совершал набеги в области, подвластные Абу-Саиду.

Затем на три года военные действия прекратились. Лев готовился к большому прыжку.

### ИЗ МЕШХЕДА В ГЕРАТ

Приближался вечер. Земля еще пылала жаром, отдавая тепло, накопленное за день, но ветерок обещал ночную прохладу.

Два всадника, ехавшие шагом по пыльной дороге, подхлестнули коней.

— Скоро и город, — сказал старик, обращаясь к молодому спутнику, человеку лет двадцати пяти.

— Уважаемый шейх, я слышу это сегодня уже десятый раз, но все еще не потерял надежды доехать, — весело ответил тот, обгоняя старика.

— В этом городе Тайабаде прекрасный караван-сарай. Там мы сможем получить и кусок баранины и блюдо плова.

— Давно я не путешествовал, — весело продолжал молодой человек. — В детстве и юности несколько раз выезжал с большими караванами. Тогда слуги ловили каждое мое желание, и мне оставалось лишь отдаться во власть заботливых рук. А сейчас приходится думать, где бы достать лепешку и жилье.

— Уж не лучше ли быть нищим от рождения и таким же уйти в небытие, так и не узнав власти денег? — ответил старик. — Много раз за свою жизнь я мог разбогатеть. Мой отец был честным купцом, преуспевал в делах и мне завещал то же. Но из всех товаров, которые можно продавать, я избрал сокровищницу человеческой мысли — рукописи ученых и поэтов, — увы, эта торговля не принесла мне богатства. Немало молодых людей, ищущих знания, получали у меня их совсем даром.

— Уж не намекаете ли вы на меня, почтенный шейх Абдаллах? — смеясь, спросил молодой человек.

— Я почел бы за честь назвать вас своим сыном. Но вас ждут богатство и слава, как и подобает человеку такого светлого ума. Я счастлив сопровождать вас в Герат, на вашу прекрасную родину. Мы вместе пойдем к порогу великого поэта Джами<sup>1</sup>.

— Да, если бы не Джами, — задумчиво произнес молодой человек, — вряд ли я решился бы поехать сейчас в Герат.

Так, мирно беседуя, путники незаметно добрались до окраины города. Глиняные строения с плоскими

<sup>1</sup> Джами — знаменитый среднеазиатский поэт (1414—1492).

крышами попадались все чаще и чаще и, наконец, пошли почти в ряд, образуя улицу. Вдоль ее протекал неширокий арык. Через глиняные дувалы вился дымок очагов, дети возились в пыли дороги; женщины в ярких халатах — оранжевых, красных, зеленых — черпали воду из арыка большими медными тазами и осторожно вносили во дворы. Все было мирно в этот вечерний летний час. Как вдруг чей-то возмущенный голос нарушил тишину. Путешественники подъехали ближе. У длинного побеленного дома два человека в рубище, с длинными посохами в руках, в грязных белых чалмах, отчаянно спорили с третьим.

— Этот рабат<sup>1</sup> уже скоро год, как отдан достопочтенным Ахмед-Али для путешественников и паломников, проезжающих в этих местах. Мы сами удостоились милостью аллаха прожить в нем четыре дня в месяце шабана<sup>2</sup>. Кто смеет отнимать вакуф<sup>3</sup>, освященный волей пророка?

— Знать ничего не знаю, — грубо ответил тучный человек, на которого нападали странники. Синий пояс на его зеленом халате, казалось, готов был лопнуть от натуги. — Его милость Ахмед-Али стоит у порога аллаха<sup>4</sup>, а я, его законный наследник, забираю все, что мне принадлежит. Этот дом выстроен им, значит теперь он мой!

<sup>1</sup> Рабат — укрепленный постоянный двор (караван-сарай), выстроенный на торговой дороге.

<sup>2</sup> Шабан — месяц мусульманского календаря.

<sup>3</sup> Вакуф — форма землевладения в мусульманских государствах. Имущество, завещанное собственником общественным и благотворительным учреждениям. Вакуф освобождался от всех налогов и податей.

<sup>4</sup> «Стоять у порога аллаха» — образное выражение, означающее «умереть».

— Но это — вакуф, вакуф! — продолжали неистово кричать странники. — Как нельзя изгнать молящихся из мечети, так ты, нечестивый, не можешь прогнать паломников из этого дома.

Толстяк только отмахнулся.

— Пиши! — коротко приказал он писцу с пером за ухом, почтительно ожидавшему его приказаний. — Пиши: дом на окраине города, из камня и глины...

Но тут неожиданно вмешался молодой человек, подъехавший вместе с шейхом Абдаллахом к месту спора.

— Э, нет! Имущество, обращенное в вакуф, возврату не подлежит: так гласит закон. Ни самому основателю, ни наследникам его. Это достояние всех правоверных, и только государь и главный судья вправе распоряжаться этим имуществом.

Молодой человек говорил спокойно, уверенно, как тот, кто хорошо знает законы. Его скромная, местами заплатанная одежда не скрывала благородной осанки. Под вылинявшей лиловой чалмой выступал высокий крутой лоб. Глаза светились умом и мягкой насмешкой.

Толстяк побагровел. Усы его начали топорщиться. Он нервно крутил кончик своей бороды.

— Стану я слушать всякого бродягу. Ты бы лучше заботился о приобретении собственного имущества! По всему видно, что у тебя и тениги не наберется.

— Ну, если вы не будете слушать меня, то послушаете казия, к которому мы все сейчас и отправимся! — все так же спокойно ответил молодой человек.

— К казию, к казию! — завопили примолкшие было странники. — В этом юноше мудрость мира!

Толстяк попробовал протестовать, но тут вмешался шейх Абдаллах.

— Нет, уж по закону, так по закону. Я, самый старый среди вас, тоже говорю: идите к казию.

В этот день как раз было открытое судебное заседание. Много местных жителей собралось там. Когда спорщики подошли к месту суда, заседание было в разгаре. Молодой человек с интересом всматривался в пеструю толпу. Много времени занял спор о телесных наказаниях. Вынося приговор, по которому обвиняемого должны были высечь, казий долго и пространно говорил о том, что цель наказания есть исправление, а не разрушение.

Казий, немолодой человек, был одет изысканно и даже нарядно. Красиво повязанная зеленая чалма обвивала голову четыре раза, как велела мода, а один ее конец аккуратно спускался над левой бровью. Говорил казий внушительно и степенно.

Уже было выслушано дело о клевете, два дела о воровстве и об отказе от купленной вещи, когда дошла, наконец, очередь до спорящих о судьбе вакуфа.

Внимательно посмотрев на заинтересованных в этом деле людей, казий пришел в некоторое замешательство. Наследник Ахмеда-Али был одним из самых богатых и скупых людей в городе; казию не хотелось с ним ссориться. Он учел все обстоятельства дела и начал пространно говорить о сложности и запутанности данного случая, который требует особого расследования. Толстые щеки купца уже начали румяниться от удовольствия, когда опять взял слово молодой спутник шейха Абдаллаха. С тонким знанием законов и судопроизводства он разобрал весь случай, убедительно доказав правоту паломников.

Под конец своей речи свидетель отметил, что казиям надлежит быстро распознавать, на чьей стороне справедливость, ибо известно, что не должно избирать в казии человека, который сам себе не доверяет. Это очень трудное дело, и недаром пророк сказал: «Кто назначается казем, терпит такую же муку, как животное, которое режут тупым ножом».

В толпе раздались голоса:

— Кто этот смельчак, который так говорит с казем? Кто он, кто он?

Земледелец, стоящий неподалеку от судьи, наклонился к своему соседу, тянувшему его за рукав, и зашептал:

— Это какой-то Алишер, едущий из Мешхеда.

Между тем Абдаллах и Алишер Навои продолжали добиваться справедливости. Разъяренный купец пробовал сослаться на разные способы толкования законов, но был разбит. Решение казия вполне удовлетворило паломников, и они вместе со своими свидетелями вышли из суда.

— Вот в этом рабате мы и заночуем, — сказал шейх Абдаллах. — Я знаю по соседству старика, который изготовит нам вкусный и жирный плов.

Алишер шел в глубокой задумчивости, ведя на поводу своего коня.

— Как далеки мы от правосудия, — сказал он наконец. — Наши судьи за бесценок превращают в ложь тысячи истин и за малую взятку готовы погубить многих.

Через час усталые и голодные путники, расположившись на потертых цыновках, опустошали огромное блюдо плова. Старик, приготовивший его, называл себя другом справедливости; он был среди тех, кто с восторгом слушал речь Алишера на суде.

## СНОВА В ГЕРАТЕ

На рассвете Навои и шейх Абдаллах подъезжали к воротам Герата. Более девяти лет не был Алишер на родине, и сердце у него замирало в груди. Думал ли он, уезжая тогда пятнадцатилетним юношей из отцовского дома, что вернется так не скоро, так много передумав и переиспытав?

Чем ближе подъезжали они к Герату, тем Алишер делался задумчивее и молчаливее. Одному небу известно, что ждет его. Родители умерли, так и не увидев сына. Кто живет в их доме? Кого из близких застанет он в городе? Доходили смутные слухи, что его дяди со стороны матери — эмир Сейид-ака и Мухаммед-Али — находились в стане Хусейна. Оба они были поэтами, писавшими на родном языке. Мухаммед-Али, по прозванию Гариби, был к тому же музыкант и каллиграф. Алишер с гордостью думал о своих дядях. Позже он узнал о трагической гибели Сейид-ака в Серахсе от руки палача после победы Абу-Саида над Хусейном. Многие родственники Алишера были на службе у Хусейна. Казалось, все это не могло расположить Абу-Саида к Алишеру. И все-таки султан дал ему разрешение приехать в Герат.

Много лет Алишер жил мыслью вернуться в родной город. И вот он у его ворот.

При свете утра особенно яркими казались синее небо, листва деревьев и белые красивые дома Герата. Улицы были оживленны. Из всех четырех открытых ворот города тянулись земледельцы, везущие продукты на базар. Они ехали на арбах, вели под уздцы навьюченных ослов, покачивались на верблюдах.

— Мой молодой друг, — обратился шейх Абдаллах к Алишеру. — Где вы намерены остановиться?

Я имею в виду караван-сарай, в котором жил уже дважды. Недорогой и не очень отдаленный от Хийябана, главной улицы города, в самом начале которой живет Джами.

— Не знаю, — в раздумьи ответил Алишер. — Поброжу, посмотрю и дам о себе знать, когда найду пристанище.

— Знайте, что мой кров — ваш кров. Все мое к вашим услугам.

Алишер горячо поблагодарил своего спутника, и путешественники расстались.

Оставшись один, Алишер спешился и, ведя коня под уздцы, с жадностью начал рассматривать все вокруг. Он узнавал знакомые улицы, дома, окруженные садами; как и прежде, величественно возвышалась цитадель Ихтиараддин. Замечал новые площади и здания, деревья, выросшие или постаревшие за девять лет. Постепенно представление о времени стиралось в его сознании, и ему уже казалось, что он совсем не уезжал из Герата. Но на улицах он не встретил ни одного знакомого. И только это напоминало об истекших годах.

Алишера вдруг охватило чувство страшного одиночества, и ему захотелось поскорей увидеть людей. Он подумал: «А не пойти ли мне к прежнему родительскому дому: может быть, там остался кто-нибудь из старых слуг». В это время он подошел к памятной ему медресе Гаухар-Шад-ага, услышал голоса из сада и решил зайти отдохнуть.

— Привет ищущим знания! — обратился Алишер к нескольким молодым людям в полосатых халатах. Они готовили себе завтрак, варили лапшу.

— Привет мирному путешественнику! — хором ответили они.

Алишер привязал своего коня, положил узорчатый джуздан<sup>1</sup> и палку на траву и вдруг почувствовал сильный голод и усталость.

— Позавтракайте с нами, — гостеприимно предложили молодые люди. — А пока отдохните.

По обычаю вежливости они закидали его вопросами: «Здоровы ли вы, откуда, куда идете?» Узнав, что Алишер такой же ищущий знания, они проявили еще большую заботливость. Кто-то предложил ему свой коврик, чтобы было удобнее лежать, кто-то накормил его коня. Алишер начал дремать, но до него доходил весь разговор молодых людей. Они долго спорили о том, какая из наук важнее — логика или риторика. Кто-то нараспев прочитал строки из Низами: «Все скрытое в науках я читал, страниц постигнув тайну».

Другой подхватил эти строки и начал говорить о Низами, о его скромности, гордости, равнодушии к деньгам.

— Об этом рассказывал наш учитель и друг, великий Джами! — восторженно воскликнул молодой человек, почти мальчик, с ломающимся голосом.

Заговорили о Джамии, восхваляли его стихи, благодарство его сердца, остроту ума. И только один недовольным скрипучим голосом вдруг сказал:

— Не понимаю, что вы все находите в нем великого? Поэт, каких много в Герате. Суждения его неинтересны.

— Я думаю, Нахики, что его суждения неинтересны для тебя потому, что он тебя и за поэта не считает.

<sup>1</sup> Джуздан — кожаная папка для бумаг.

Тот, кого называли Нахики, покраснел; его лицо сделалось ярче его оранжевой тюбетейки.

— Все вы прихлебатели у Джамии, а потому и предаетесь низкой лести.

Эти слова вызвали взрыв негодования. Раздались громкие возгласы, смех, угрозы.

— А ну, посмотрим, что сказал учитель о Нахики, — предложил кто-то, успокаивая всех. — Вот книга Джамии; откроем, по нашему обычаю, наугад любую страницу.

— Да, да, посмотрим! — весело согласились остальные. — Но только кто будет открывать? Это должен сделать кто-нибудь со стороны.

— Дайте мне! — сказал Навои.

— Да, да, — обрадовались все. — Пусть новоприбывший откроет книгу.

Алишер сел и быстро открыл объемистую рукопись.

— «Как может смутиться мой ум ревом осла»<sup>1</sup>, — прочитал он.

Молодые люди весело захохотали, а Нахики, разъяренный, направился к зданию медресе, крепко стукнув резной дверью.

Отдохнув и поев, напутствуемый лучшими пожеланиями молодых людей и выражением надежды на встречу у Джамии, Алишер двинулся дальше. Он вышел на Хийябан.

Вся прелесть Герата особенно чувствовалась на этой улице. Вдоль нее шли ряды кипарисов и чинар, соперничавших друг с другом в стройности. Дома вельмож затейливой архитектуры стояли в глубине садов и парков. Сверкали фонтаны, журчала про-

<sup>1</sup> Рев осла — по-персидски — «нахик», что придало смысл, желательный для гадавших.

хладная вода в арыках. Изредка раздавалось чирканье птиц.

Где самое синее небо? В Герате.

Где розы прекрасней, чем щеки красавиц? В Герате, —

тихо про себя напевал Алишер. Он как бы снова обретал свой родной город. Из-за узорчатой калитки сада высунулась тяжелая красная роза. Она склонилась на поддерживающие ее темнозеленые листья. Алишер сорвал розу и, улыбаясь, вдохнул ее запах, потом оборвал шипы, продел стебелек розы за ухо, и она закачалась над смуглой щекой в такт шагу. Он чувствовал себя мальчиком, возвращавшимся из далекой прогулки в горы. Высокие, они полукольцом окружили Герат; прохладой веяло с их круглых вершин. Алишер шел по Хийябану, радуясь тому, что здесь недалеко, у гробницы святого, живет тот, к кому стремится его душа: поэт и учитель Джамии. Алишер знал, что к прославленному поэту часто заходили в дом самые знатные и почтенные люди, даже сам султан; но и люди без роду и племени находили у него почет, ласку, совет.

Солнце палило все жарче, но сплетающиеся над головой ветви деревьев давали густую и широкую тень. Подойдя к улице Мух, Алишер свернул на нее. Он вдруг ясно вспомнил, что это кратчайший путь к бывшему дому отца. Его остановил чей-то гнусавый голос. На углу сидел нищий; страшные язвы покрывали его лицо, и десятки заплат пестрели на его рваном халате.

— Помогите во имя аллаха, — жалобно просил нищий, — у меня жена и дети, голые и голодные, сидят в нашем развалившемся жилище...

Убогий вид нищего тронул Алишера. Он подумал:

«У меня у самого не более теньги, я сейчас не могу раздобыть даже горошины из благ мира, но я молод и здоров и в этом городе еще найду поддержку. Отдам ему теньгу».

— Возьми вот! Накорми семью и попробуй найти работу.

Отдав последние деньги, Алишер вспомнил, что шейх Абдаллах предложил ему помощь, но он тут же отверг эту мысль, решив положиться на собственные силы. Деньги все же нужны были немедленно. Ведь даром никто не даст выпить и глотка воды. Тогда Алишер со вздохом посмотрел на узорчатый кожаный джюздан, последний, сохранившийся подарок султана Бабурра. «Ничего не поделаешь, придется расстаться с джюзданом», подумал Алишер и тут же свернул к рынку.

Он дошел до перекрестка, где соединялись дороги, вливающиеся в Герат. Это было самое кипучее место в городе. Отсюда отходили главнейшие улицы. Алишер с трудом протиснулся сквозь пеструю толпу и боковыми переулками прошел к базару.

В полутемных, крытых рядах шла бойкая торговля. Пройдя лавки медников, литейщиков, гончаров, Алишер остановился перед палаткой с кожевными товарами. Там висели и лежали груды желтых и светлокоричневых сапог из верблюжьей замши, бараньи тулупы, тугие ножны для кинжалов и ножей и многое другое. Острый запах кожи ударил в нос. Алишер присматривался к изящным папкам, кисетам и кошелькам. Но ни один предмет не был украшен столь тонким узором, как джюздан Алишера. Несмотря на то, сколько помятый от времени, он все еще сохранял благородную форму, и кожа его лоснилась, как свежее сало.

Глаза пожилого купца, сидевшего в палатке и попивавшего сироп из китайской пиалы, жадно блеснули.

— Продается?

Алишер мгновение поколебался, потом протянул джуздан купцу. Как тот ни хотел сбавить цену, но он не мог скрыть своего восхищения. Алишер не торговался: ему было жаль расстаться с джузданом, и его не волновало, получит ли он на теньгу меньше или больше.

Продав последнюю вещь, напоминавшую ему о былом, он неожиданно почувствовал даже что-то вроде облегчения и двинулся дальше. Он проходил мимо рядов, где снизу доверху палатки были заполнены привозными тканями, где индийский кашемир соперничал с китайским атласом и пестрыми бухарскими шелками. Старый купец в белоснежной чалме одним мановением головы приказывал мальчику-продавцу развернуть требуемый покупателем товар.

Дальше шла посуда — медная, фарфоровая, глиняная: горы пиал, блюд и кувшинов, прекрасной формы и яркой раскраски.

Алишер быстро проходил по рядам. Его влекли маленькие лавки в конце базара, где рядами лежали рукописи. Там в прохладе и сумраке были рассыпаны сокровища человеческой мудрости, заключенные в тисненные кожаные переплеты. Рядом с этими лавками помещались переплетные мастерские. Алишер оживился и долго смотрел, как растягивал и дубил кожу известный переплетный мастер, подготавливая ее для тиснения. В этих рядах Алишер особенно остро почувствовал себя жителем Герата. Он не спешил, с наслаждением вдыхая запах старинных рукописей.

— Вы видели новую рукопись «Тимур-намэ» Хатифи? — спросил у прилавка пожилой человек, обращаясь к маленькому седобородому старику в огромной чалме врача. Тот пожевал губами и прошамкал:

— Я ищу книги Ибн-Сина. В моем хранилище нехватает знаменитого трактата о врачевании глаз. Исцелители тела интересуют меня больше, чем разрушители его, — сказал он, намекая на Тимура.

В лавку вошло несколько шумных молодых людей. Они наперебой расхваливали новую касыду Джамии. Один из них сказал:

— Сегодня учитель принимает. Придешь, Халибек?

Высокий смуглый юноша в убогом полосатом халате и оранжевой чалме, какие обычно носили ищущие знаний, ответил, поколебавшись:

— Да, я хочу показать ему вот это.

Он вытащил из чалмы воткнутую в нее бумажную трубку, развернул и начал нараспев читать газель. Когда он закончил, все заспорили о двух строчках его стихов:

Жемчужинам мои подобны слезы,  
И, где падут, там расцветают розы...

Кто-то предложил сказать иначе:

Из глаз моих фонтаном слезы-кровь, —  
Они взрастят цветок — жестокую любовь.

— Не правда ли, так лучше? — спросил он, обращаясь ко всем присутствующим.

С ним согласились все, кроме поэта. Тогда Навои подошел поближе и вежливо, но решительно сказал:

— А по-моему, у поэта и по ритму, и по рифме.



и по смыслу хорошо сказано, и менять ничего не нужно.

Все взглянули с удивлением на незнакомого молодого человека. Они громко заспорили с Алишером.

— Что же, если все вы заодно, то мне трудно будет убедить вас. Но я готов побиться об заклад, что настоящий знаток поэзии примет мою сторону. Вы подчинитесь решению такого человека?

— Да, да! — воскликнули все. И лишь предложивший заменить стихи пожал плечами, как бы говоря: «Какой-то незнакомец сует нос не в свое дело».

— Сегодня вечером наш учитель Джамии принимает, — сказал один из самых спокойных. — Соберемся у него и разрешим спор. Приходите и вы, — обратился он к Алишеру. — У поэта Джамии открыт вход для всех, ищущих знаний. Он живет на Хийябане, подле гробницы своего учителя Сададдина Кашгари.

Молодые люди распрощались с Алишером и вышли, а он, просмотрев еще несколько книг и заметив, что стоит приобрести, если у него окажутся деньги, тоже покинул лавку.

До вечера оставалось еще много времени, и Алишер решил, наконец, пройти к дому, где некогда жили его родители. Он с трудом припоминал дорогу. Вокруг выросло много новых домов, и по-иному выглядели улицы. Спрашивать же ни у кого не хотелось. После долгих блужданий он вдруг сразу увидел знакомую улицу и решительно направился к дому.

Калитка была заперта. За высоким дувалом не слышно ни звука. Алишер решил и постучал два раза, сначала тихо, а потом громче.

И вот, как проситель, стою у дверей Отцовского дома, с поклажей своей.

Эти грустные строки мгновенно сложились у него. Солнце опускалось все ниже, и длинные тени падали от Алишера и его коня на белые каменные плиты перед домом.

Стук пришлось повторить. Только после этого за калиткой раздался шаркающий звук шагов, и она открылась.

— Баба-Хашим! — закричал Алишер.

Он мгновенно узнал старика и обрадовался так же, как в далеком детстве, когда слуга нашел его в пустыне. Хашим очень изменился и постарел. Ветхий халат висел на его худых плечах; некогда огромного роста, он теперь казался ниже. Борода стала пепельно-серой. Но единственный глаз смотрел так же остро, как и раньше. Увидев Алишера, Хашим вскрикнул, склонился до земли, потом охватил юношу обеими руками и застыл.

— Велик аллах, хвала и слава! Мне пришлось увидеть радость моих очей, послужить ему перед смертью.

Оторвавшись от Алишера, старик засуетился: привязал коня, повел гостя в дом. Алишеру пришлось выслушать горестный рассказ о смерти родителей, о том, как пришел в запустение дом. После смерти Гиясаддина Кичкине осталось большое наследство, но Алишер, не возвратившийся из Мешхеда, когда в Герате воцарился Абу-Саид, считался изгнанником и по закону не мог получить наследство. Хашим продолжал жить в маленькой пристройке при доме, принадлежавшем теперь какому-то видному чиновнику. Тот оставил старика садовником. Сейчас чиновник со всей семьей выехал в свой загородный дом.

Хашим заохал:

— Сыну моего господина придется ютиться теперь в моей жалкой хижине...

Но Алишер утешил его, говоря, что все эти годы он жил очень скромно и что здесь найдет хотя бы заботу и ласку преданного человека. И он действительно счел удивительным даром судьбы встречу со старым слугой.

### ВЕЧЕР У ДЖАМИ

Вечером Алишер, освеженный сном и помывшийся в бане, переодетый в чистое платье, сбереженное после смерти Гиясаддина верным Хашимом, отправился к Джами.

Он долго ходил перед узорной калиткой сада, стараясь сдержать волнение сердца. Два стройных кипариса как бы сторожили вход в дом. Наконец Алишер решился и вошел вслед за какими-то посетителями. Пройдя под навесом, увитым виноградом, он попал в пустую низкую переднюю. За дверью раздавались голоса. Мгновение поколебавшись, Алишер переступил порог и вошел в скромно обставленное помещение. Там сидело много народа. Среди собравшихся были люди всех возрастов и званий. Судя по костюмам, здесь были знатные вельможи, эмиры в халатах с воротниками, затканными золотом, ученые в огромных чалмах и бедняки в одеяниях из грубой домотканной материи. Алишер увидел и босоногого дервиша с непокрытой головой, в халате, сплошь усеянном пестрыми заплатами. Все обращалось к дервишу очень почтительно, сам же он поминутно наклонялся к пожилому человеку, выделявшемуся своим скромным видом. На нем был кафтан

из бумажной ткани, опоясанный банным полотенцем, и чалма самых скромных размеров.

Алишер обратил внимание на человека, сидевшего в стороне перед низким столиком и выводившего тонкой кистью буквы на шелковой бумаге. Это был каллиграф; он, очевидно, спешил закончить работу.

Разговор переходил от одного к другому. По обычаю, когда говорил один, все остальные умолкали. Много говорилось о войнах; упоминалось имя султана Хусейна, о котором Алишер давно ничего не слышал. «Тигр спрятал когти, — сказал какой-то бек, — надолго ли? Идет молва, что он побывал у хана Абулхайра, которого он поразил своим умением пить не пьянея».

Мешхед не был затронут войной; она прошумела близко, но осталась за его стенами, и Алишер все эти годы больше думал о науках, чем о войнах.

На приход Навои никто не обратил внимания, и вскоре Алишер освоился в большом обществе. Он чувствовал себя естественно и просто. Но все время искал глазами хозяина дома и ни в ком не мог угадать его. Не было среди собравшихся ни одного знакомого лица: шейх Абдаллах не пришел.

Кто-то предложил начать чтение стихов.

— Я думаю, — внушительно сказал бек, — что все согласятся со мной. Среди нас находится историк Абдуссамад Бадахши. Он, как известно, пишет историю царствования нашего великого султана, великолепного и счастливого Абу-Саида. Попросим его прочитать главу из этого произведения, написанного в стихах.

Тот, на кого почтительно обратились взоры, кивнул головой и, не заставляя себя долго просить, при-

ступил к чтению. Он прочитал описание победы над мирзой Санджаром у Серакса. Для многих еще было памятно это событие. Старый бек слушал с особым удовольствием. Когда поэт кончил читать, его бурно приветствовали и стали восхвалять его стихи.

— Я счастлив, что удостоился похвал, — наконец вставил слово поэт. — Но мне хотелось бы услышать, нет ли каких недостатков в стихах, чтобы я мог их исправить.

И тогда взял слово Алишер. Он подробно разобрал достоинства стихов. Все слушали его со вниманием. Но, отметив много хороших и оригинальных мест, Алишер под конец указал на одну ошибку в ритме стиха. Громко и внятно прочитал он сразу запомнившиеся строки. Все были поражены, а сам Абдуссамад Бадахши, восхищенный, подошел пожать ему руку, поблагодарить за внимание к его работе.

— Эта ошибка, молодой мой друг, почти не приметна при переходе одного ритма в другой. Нужно обладать тонким слухом, чтобы сразу обнаружить ее. Я поздравляю собравшихся с новым знатоком поэзии. Как же ваше имя, молодой человек? Скажите, чтобы все могли его услышать и запомнить.

— Алишер Навои.

— Алишер Навои... Алишер Навои... — прошептало вокруг. — Помним...

— Одинаково хорошо пишущий на двух языках...

— Мы надеемся услышать сегодня ваши стихи...

— Где вы находились так долго?

Восклицания сыпались со всех сторон. Но в эту минуту каллиграф, писавший в углу, громко сказал:

— Я кончил. Касыда учителя нашего Джамии

«О седине» переписана начисто. Кто будет читать?  
Вызвался молодой человек со звучным голосом.

Моя голова побелела, как дерево в вешнем цвету.  
Но плод на нем будет не летний, а горькой усталости плод.

Чтец произнес эти слова как бы в глубокой задумчивости, и по мере того, как дальше нанизывались мудрые строки касыды, голос его звучал все более страстно. Он прекрасно передавал ритм стихотворения, построенного сложно и тонко.

Когда чтец окончил, все долго молчали: так сильно было впечатление от этой касыды. Среди собравшихся было много старых или приближающихся к старости людей. Они поражались тому, как тонко переданы их собственные переживания. Молодых людей охватило предчувствие будущего.

После минутного молчания раздался голос Алишера. Он сказал:

— Каждый должен уяснить себе, в чем сила этого стихотворения, чтобы можно было учиться по этому образцу совершенства. Ни у кого из древних властелинов слова я не помню подобной касыды.

И тогда раздался спокойный, тихий голос:

— Я прожил долгую жизнь и тоже написал лишь одну такую.

Это говорил малозаметный пожилой человек, сидевший рядом с дервишем. Так узнал Навои, кто из присутствующих хозяин этого дома, знаменитый поэт Джамии.

Все словно только и ждали, чтобы он заговорил. А Джамии, все время ласково посматривая на Алишера, начал говорить о природе стихов, приводить бесчисленные примеры из древних и новых поэтов разных стран и народов.

Час был поздний, но гости продолжали прибывать. В зале появились молодые люди, с которыми Навои побился об заклад в книжной лавке. Когда хозяин дома замолчал, один из них обратился к нему:

— Учитель, разрешите наш спор.

И молодой человек рассказал, о чем идет речь. Джами задумался, сам нараспев прочитал приведенные строки стихов и сказал:

— Прав тот, кто предлагает оставить, как есть!

— Вы выиграли, — обратился молодой человек к Навои.

Алишер улыбнулся и поклонился Джами. Тот сказал:

— В третий раз сегодня наш молодой гость попадает в цель. Знание и любовь к поэзии — вот основы его суждений.

Уже сменены были догоревшие свечи, а гости все не могли расстаться с теплом этого дома. Наконец пришло время прощания. Когда дошла очередь до Навои, Джами попросил его еще посидеть и отпустил после всех, взяв обещание завтра же притти снова.

Так закончился для Навои первый день пребывания в Герате. Так началась его дружба с Джами.

## В ИЗГНАНИЕ

Султан Абу-Саид, казалось, одобрительно встретил известие о прибытии Навои в Герат. Он распорядился предоставить ему должность и обеспечить всем необходимым. Но приязнь султана неверна и зыбка, как форма облаков при быстро бегущем ветре. Алишер понимал, что стоит Абу-Саиду заподо-

зрить его в дружеском отношении к Хусейну, своему исконному врагу, и узнать, что Алишер неодобрительно отзывается о порядках в Герате, как поэта тут же удалят из столицы. Так оно и произошло. Абу-Саиду донесли, что на одном собрании Навои рассказывал притчу из поэмы Низами «Сокровищница тайн». Некий молодой филин решил жениться и уже высмотрел себе невесту. Отец невесты попросил выкуп за дочь: пять разрушенных сел — пристанище для хищных птиц. Дело происходило в эпоху жестокого султана Махмуда Газневидского, разорявшего своими походами цветущие города и селения. Старый филин, отец жениха, удивился: «Почему только пять? Я могу подарить и пятьсот: пока жив султан Махмуд, разрушенных селений будет много».

Абу-Саид счел эту притчу явным намеком. Как раз в это время честолюбивый султан задумал новые походы; это вызвало новые налоги, и народ роптал. Абу-Саид понимал, что Алишер не может быть ему другом: вряд ли он простит смерть своего дяди Сейид-ака. Распространение таких притч было, по его мнению, началом борьбы.

Султан нашел выход. Вежливо, но решительно, через своего везира, он передал Навои, что лучше всего продолжать учение в Самарканде, правителем которого был в то время сын Абу-Саида султан Ахмед.

— Самарканд полон великолепных медресе, в которых вы сможете углубить свои знания, — сказал везир и сухо добавил: — Я советую ехать поскорее: слишком памятна в Герате ваша дружба с султаном Хусейном.

Навои выслушал приказ спокойно, ответил везиру с достоинством, но в сердце его бушевала буря.

Как обычно, он в тот же день выразил в стихах свое настроение:

Дом души моей разрушен, я отчаяньем согбен...

Жизнь только начинала налаживаться. Он был скромн в своих желаньях: ему нужен был угол для работы, книги, дружеское участие. Все это он обрел в Герате. Дружба с Джами обогатила его. Каждый день рождались новые стихи. Он задумал написать большой труд: «Тяжба двух языков», показать, как богат, гибок, разнообразен язык тюрки. Всеми своими планами он делился с Джами и немало полезных советов получил от него. И вот все это рушится по прихоти султана.

Но...

Размоет ли здание сердца беды и скорби река?..

Навои подавил в себе горечь и обиду; внешне он казался даже веселым.

— Что же, учиться можно и в Самарканде, — говорил он своим друзьям. Он собрался очень скоро, испросив лишь разрешение взять с собой старого Хашима.

### В СТОЛИЦЕ ТИМУРА

Сад застыл в полуденном сне. Звенели пчелы, сидя на чашечках цветов. Лучи солнца едва проскальзывали сквозь густую листву деревьев. Казалось, лень и сон охватили все живое.

Под одной из чинар сидели двое: старик в белой снежной одежде, с белой чалмой на голове, и молодой человек в темном платье. Перед стариком на подставке стояла огромная книга в стальном переплете

Его сосед что-то быстро писал в тетради тростниковым пером. Оба работали сосредоточенно, молча.

— Благословенный день, тишина и прохлада, — сказал, наконец, старик, отрываясь от книги. — Самые трудные, запутанные объяснения к законам воспринимаются сегодня необыкновенно ясно. В такие дни хорошо творить суд. Недаром пророк говорил: «Пусть судья не решает тяжб, когда он в гневе». Ясность сознания — первый залог справедливости. Не так ли, Алишер?

— Вы, ходжа Фазлулла, как всегда, правы. Беседуя с вами, укрепляешься в том, что думал и сам. Я сегодня весь день решаю сложную задачу и никак не могу притти к окончательному определению понятия права. Только тогда можно установить справедливые законы, когда в каждом судебном случае будет ясно, в чем заключается истина и справедливость. А случаев этих столько же, сколько живых людей на земле. Судья должен каждый раз решать по-новому. Потому так трудна и почетна роль судьи. Тридцать дней оставался в сомнении сам Мухаммед, прежде чем решился принять назначение казия.

На тропинке, ведущей к водоему, показался красивый павлин. Распустив свой хвост, переливавший всеми цветами радуги, он выступал так важно, как будто сознавал свою красоту.

— Глядя на это чудо природы, я думаю о том, как она богата. Но человек еще не научился добывать ее богатства.

— От мудрых и праведных правителей зависит сделать эти богатства достоянием всех. Благословение небу, у нас окончились войны, и теперь пора заняться мирными делами.

Алишер промолчал, зная, что это лишь времен-

ное затишье. Он не верил в мирные намерения Абу-Саида, но он молчал об этом: ведь в Самарканде всюду есть уши, которые только и ждут, чтобы было сказано что-нибудь против Абу-Саида. Тогда для мятежного поэта найдется место в любой из тюрем. Нет, лучше пока остеречься высказывать свои мысли. Алишер твердо верил, что придет день, когда можно будет действовать. Пока же — учиться и учиться... Сколько нужно узнать еще!

Ходжа Фазлулла Абуллейси тоже замолчал. Известный ученый, правовед, умный, тонкий знаток человеческой души, он прекрасно понимал, какие чувства владеют его учеником и другом, но никогда не говорил об этом. Он слишком ценил свой покой, свой дом и сад, свои рукописи и книги.

Между стволов деревьев показалась прирученная серна. Она вся насторожилась, когда на тропинке появился слуга. Он нес большое блюдо с едой. Летом ходжа Фазлулла часто обедал в саду. Увидев слугу, Алишер поднялся.

— Мой молодой друг, — обратился к нему Фазлулла, — не согласитесь ли вы разделить со мной трапезу?

Алишер низко поклонился.

— Вы же знаете: дома меня ждет мой верный Хашим, он приготовил обед и, конечно, будет обижен, если я пообедаю не дома. В другой раз, ходжа, я с радостью отведаю блюдо, приготовленное вашим замечательным поваром, — любезно закончил Алишер и ушел.

Ходжа Фазлулла смотрел ему вслед, пока стройная фигура не скрылась между деревьями. Слуга вырезал сочный кусочек из спины ягненка и подал его на лезвии ножа своему господину.

— Отрежь кусок мяса побольше и отнеси Хашиму. Скажи от своего имени, что ты просишь его отведать. Да смотри, не попадайся на глаза его хозяину.

Между тем Алишер весело шел по дорожке сада, пересекая знакомые тропинки. Он прошел в самый конец его, к четырехугольному зданию медресе, за которым виднелась мечеть. Всегда с одинаково радостным чувством Алишер смотрел на легкую стрельчатую арку, с боков которой вырезаны по три неглубокие арочки, украшенные узорами в виде букетов цветов. Изразцовая надпись над входом рассказывала о размерах мечети и называла имя ее строителя. Столбы, украшенные резьбой, казалось, легко несут на себе тяжесть купола. Несколько небольших худжр, расположенных сейчас же за входом в мечеть, выходило на небольшой квадратный дворик. В одной из них жил Алишер с Хашимом.

Алишер омыл руки, вытер их кончиком полотенца, поданного ему старым слугой, и присел на вытертый коврик. Перед ним уже стояла каза с кислым молоком и лепешка. Это и был его обед.

— Слишком гордый человек, важничает, никогда ничего не попросит! — говорили о нем злые языки.

«Настоящий человек, независимый, гордый», думал о нем его учитель ходжа Фазлулла.

\* \* \*

Около двух лет жил Алишер в Самарканде. Он скоро полюбил этот древний город с его замечательными постройками. Проведя в нем два года, Навои еще не успел изучить всех красот Самарканда. Его любимым местом была обсерватория Улугбека: посещая ее, он восхищался величию человеческого ума. С обсерваторной вышки можно было увидеть весь

Самарканд в кольце роскошных садов. В одном из них, в «Саду, открывающем сердце», жил покровитель и друг Навои — дервиш Мухаммед Тархан, женатый на дочери самаркандского султана Ахмеда. Этот сановник славился несметным богатством. Большую часть своих денег он тратил на постройку мечетей и медресе, помогал учащимся и ученым.

Когда тоска по Герату овладевала сердцем Навои, он приходил к самаркандскому хакиму Ахмед-Хаджи-беку и вместе с ним предавался воспоминаниям о Герате.

Их отношения сложились своеобразно. Правитель Самарканда получил секретное предписание следить за словами и действиями Алишера. Между прочим, упоминалось, что Навои пишет стихи; отмечалось также, что он горд, замкнут и своеволен; опасен, так как умеет влиять на людей; коварен, потому что неизвестно, когда и как он своим влиянием пользуется.

То обстоятельство, что Алишер пишет стихи, чрезвычайно заинтересовало хакима: высокомерный правитель Самарканда сам был поэтом, скрывая свои творения под скромным именем Вефай<sup>1</sup>.

При первой их встрече Ахмед-Хаджи-бек, соблюдая законы вежливости, сразу все же провел черту между собою и Навои. Он сухо ему поклонился, жесты его были сдержанны и спокойны. Алишер тоже был сдержан. Бек расспрашивал о Герате, где когда-то был хакимом.

Сначала Алишер отвечал односложно — он скушал. Но вот разговор коснулся поэзии. Собеседники оживились. Желая доказать что-то, Алишер сказал: — Возьмем два бейта из следующего стихотворения...

<sup>1</sup> Вефай — «верный».

И прочел подходящие к случаю стихи Вефай.  
— А вы знаете стихи этого поэта? — с интересом спросил бек.

— Да, я хорошо знаю ваши стихи, — просто, но с достоинством сказал Алишер и как ни в чем не бывало продолжал разговор.

После разговора о стихах бек почувствовал особое расположение к Алишеру, и оно росло с каждой встречей. Он поселил его при медресе Фазлуллы Абуллейси и вскоре почти забыл, что Алишер — изгнанник, находящийся под его надзором.

Часто забывал об этом и Алишер, — так вольно и много писал он в Самарканде; он знал, что всегда найдет отзывчивых слушателей. Их круг все расширялся. Тут оказалось немало людей, жадно внимающих каждому его слову.

Так уже повелось, что всюду, где находился Навои, вокруг него, как звезды вокруг солнца, собирались молодые поэты. Будучи по годам немногим старше их, он направлял их твердой рукой, — для него ясна была цель поэзии. Многие из них под его влиянием научились видеть в поэзии высокий смысл, а не только игру красивыми созвучиями.

## СМЕРТЬ ХАШИМА

Однажды Алишер пришел домой поздно вечером. Мирно светил огонек в худжре, но когда Алишер подошел к дверям, он услышал тихий стон. Беспокойство овладело им. Первый раз в жизни Хашим не вышел ему навстречу.

— Что с тобой, старый друг? — спросил Алишер, увидев Хашима лежащим.

Хашим попробовал привстать, но со стоном оступился снова. Алишер бросился к нему:

— Не вставай, лежи спокойно, я позову табиба.

Хашим покачал головой, отдышался и тихо сказал:

— Не надо. Сейчас ночь, зачем беспокоить людей? Мой час пробил. Я не ропщу, а радуюсь, как и подобает правоверному. Мне давно уже нездоровится...

— Что же ты не сказал мне ничего? Ходил за мной, работал!.. — воскликнул Алишер.

— Ты — зрачок моего глаза, как же было не служить тебе? Меня уже не будет на этом свете, когда придет твоя слава, но я горжусь, что мне, смиренному, дано было пестовать тебя.

Алишер вскочил в страшном волнении.

— Хашим, дорогой мой, может быть, дать тебе какого-нибудь лекарства? Ты ведь мастер готовить их. Сколько раз меня вылечивал... Ты выздоровеешь, выздоровеешь... Как же так?.. Еще утром был на ногах... Я и не знал ничего...

— Не терзай себя. Стар я очень и устал... Так устал... Даже вздоху трудно грудь приподнять. Я уж лучше засну... Только боялся, что не дождусь тебя. Думал: придет он, положу ему голову на колени и умру. Не хотел покидать, но теперь у тебя много друзей. Ходжа Фазлулла — хороший старик, почитает тебя за сына.

— Я принес тебе кишмиш, миндаль... на рынке купил... — сказал Алишер.

— Доброе у тебя сердце. Но помни: не ко всем нужно быть добрым. Я — старик и много перевидал людей, а потому и знаю их хорошо. Не по словам нужно их распознавать, а по делам. Кто говорит много — говорит дурно, кто не смотрит тебе в глаза — лжет: предатель бывает вежлив, а изменник льстив.

Хашим устал от длинной речи и замолк. Алишер жадно ловил каждое его слово. Он с горечью раз-

мышлял: как мало он слушал раньше мудрые речи его!

Все тяжелей дышал Хашим. Он водил руками по одеялу.

— Поверни меня лицом к Мекке.

Алишер вскочил со своего места, подошел к умирающему, присел подле него и ладонями поддержал его голову. Тот едва шептал что-то, потом напряг все силы и почти громко сказал:

— Я верю, что ты будешь славен в веках...

Голос оборвался, и уже больше ни слова не произнес Хашим.

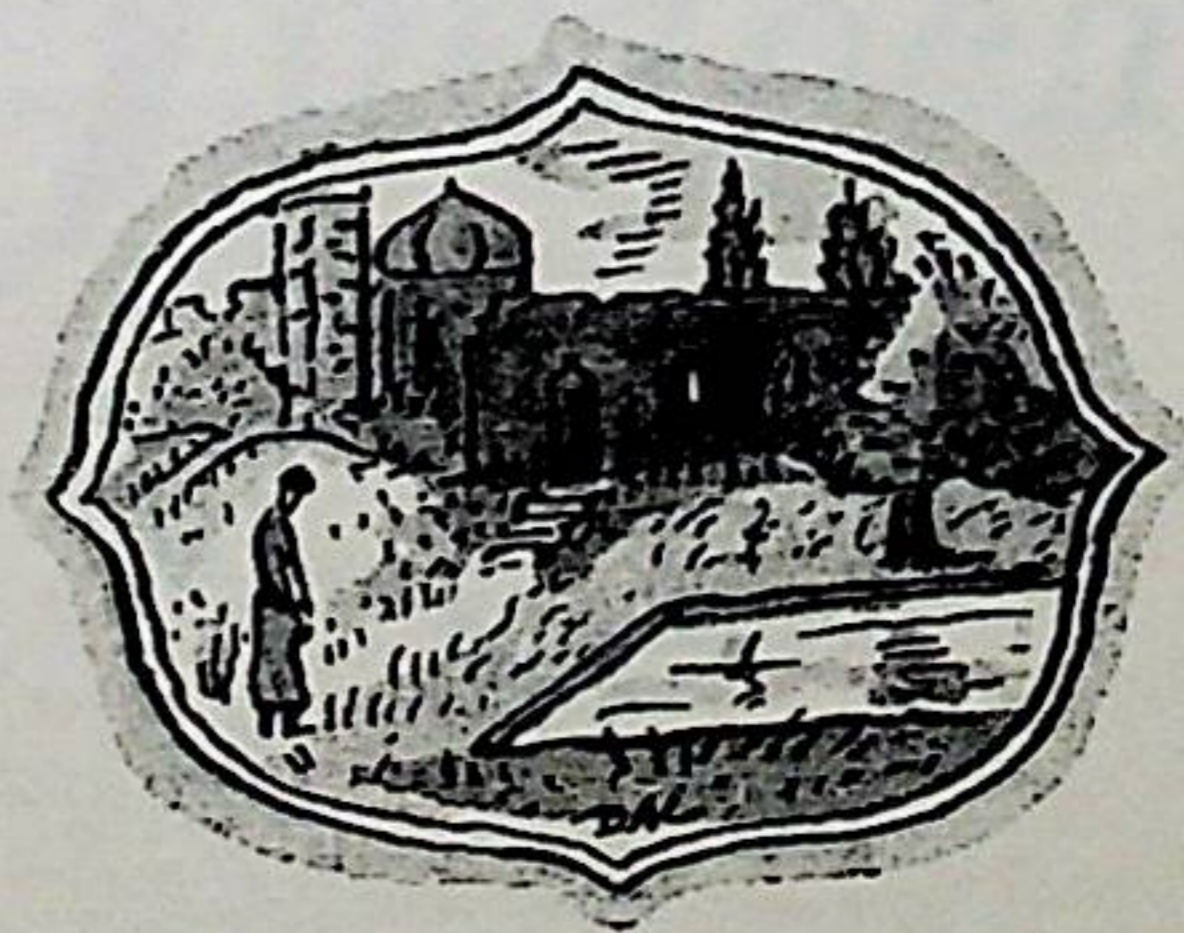
Долго молча сидел Алишер, держа на коленях его голову.

Потом он закрыл ему глаза.

Как ни было полно скорби его сердце, он почувствовал умиротворение.

Мелькнула мысль:

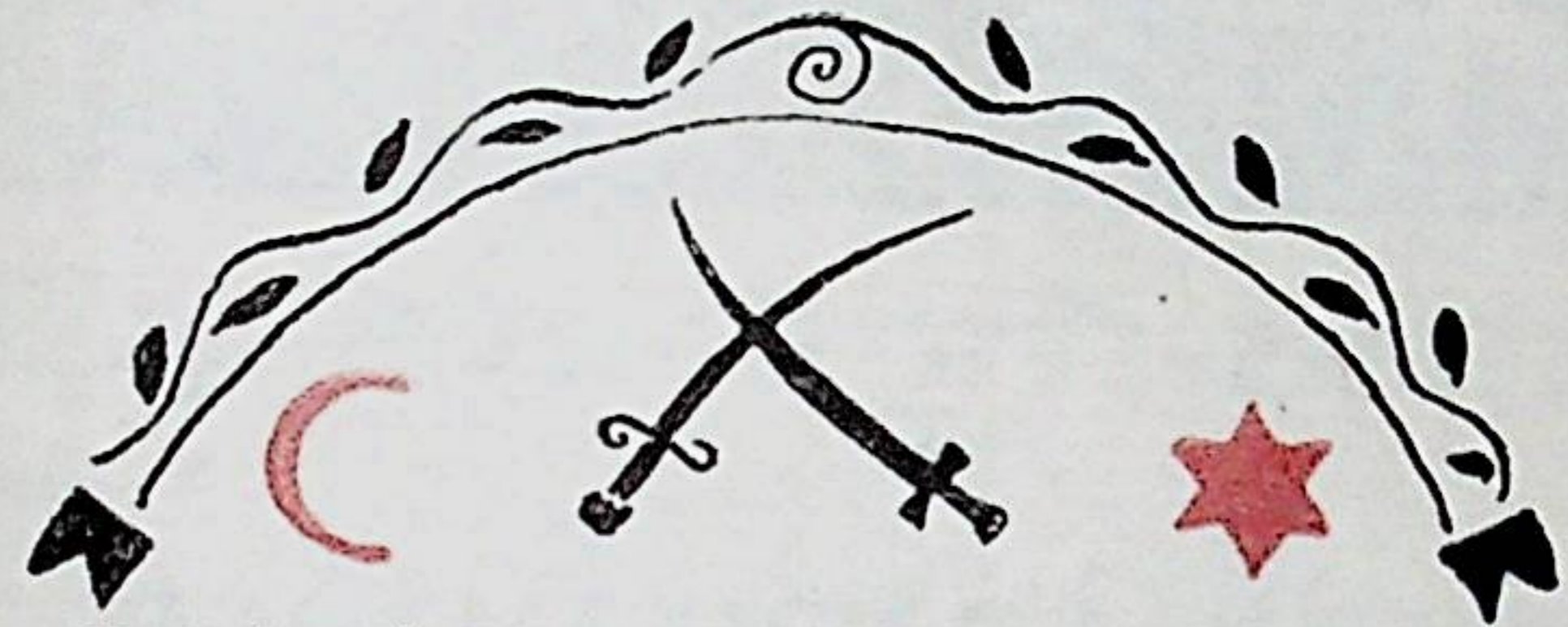
«Вот так бы когда-нибудь хотел умереть и я, — с таким чистым сердцем и ясным умом».





*Если ты человек, не называй человеком  
того,  
Кто не заботится о народе.*

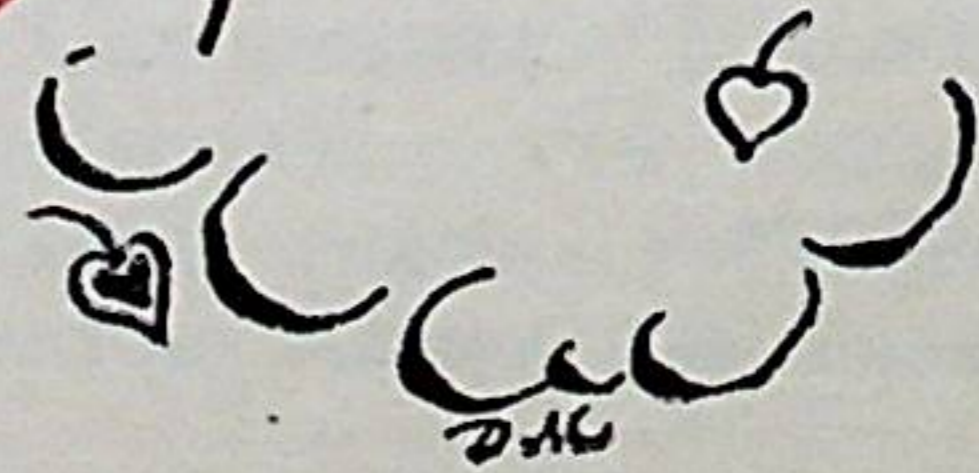
*Н а в о и, Изумление праведных*



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Зрелость





## Первый поход Алишера



Была пятница. Самаркандский султан Ахмед вышел из соборной мечети. Только что закончилась праздничная молитва. Парчевый халат облекал его дородное тело. Из всех сыновей Абу-Саида Ахмед был самым тучным и выглядел старше своих лет. Окруженный везирами и сановниками, он торжественно ступал по гладким плитам. Султан Ахмед был большим щеголем и подавал пример всем вельможам Самарканда. Единственно, чего ему не удавалось добиться, — это сделать стройным свой стан. С каждым годом увеличивался его живот. Однажды султан Ахмед так сильно затянулся, что лопнул пояс.

Султан Ахмед любил гул толпы, приветствовавшей его у входа в мечеть; ему нравилось видеть покорно согнутые спины людей. Он горделиво осматривал великолепное здание мечети Биби-ханым, построенной

Тимуром в честь любимой жены: купол лазоревого цвета, стены, украшенные изразцами и изящными узорными надписями.

В то мгновение, когда султану подвели коня, толпа расступилась, пропуская стремительно скачущего всадника. За его спиной болтался колчан, туго набитый стрелами. Огромная кривая сабля, какие носили воины Герата, свисала сбоку. Всадник, видно, скакал издалека.

— Беда! Беда! — неслось со всех сторон.

Все замерли, когда всадник, спешившись, припал к ноге султана и громко простонал:

— Горе!

Султан Ахмед посмотрел на лежащего перед ним воина и отрывисто приказал:

— Вставай, гонец. Говори.

— Владыка мира, султан Абу-Саид сейчас находится далеко от столицы. Он отправился в поход на страну персов. Все было тихо в Герате. Но неожиданно подкрался враг. Правда, мы укрепили стены, выкопали рвы. Нерушимой крепостью возвышается Ихтиараддин. Но дошли слухи, что враг ведет несметные полчища: в его войсках кочевые узбеки, туркмены и хорезмийцы. О, великий султан, правая рука владыки мира! Нужно спасти Герат.

— Кто враг, посягнувший на столицу? — спросил султан Ахмед.

— Хусейн Байкара, — ответил гонец.

Ахмед-Хаджи-бек и Мухаммед Тархан, стоявшие возле султана, понимающе переглянулись. Они давно говорили о том, что не следовало Абу-Саиду ослаблять новыми походами еще не окрепшую страну. Султан Хусейн выбрал для нападения подходящее время.

Недалеко от свиты султана стоял Навои. Он отчет-

ливо слышал слова гонца. Его сердце забилося часто, когда было произнесено имя Хусейна. В эту минуту он ясно понял, что в глубине души никогда не сомневался в возвеличении Хусейна и ждал этого часа.

Султан Ахмед быстро вышел из оцепенения. Он приказал созвать военный совет.

Через несколько дней пятьдесят тысяч войск двинулось из Самарканда по пустынным, затопленным весенними дождями степям к Аму-Дарье. На соединение с этими войсками шли воины султана Махмуда, брата Ахмеда. В свите султана Ахмеда среди самых приближенных находился Ахмед-Хаджи-бек, а при нем неотлучно — Алишер Навои. Выпускать его из под надзора считалось небезопасным.

— Я не воин, — уклончиво сказал Навои, когда Ахмед-Хаджи-бек предложил ему отправиться в поход.

— Не воин, но знаете, что такое война.

Этот ответ прозвучал, как приказание.

\* \* \*

У реки Мургаб войско Ахмеда сделало привал. Переход по земле, еще не просохшей после частых мартовских дождей, был утомителен.

Султан Ахмед сидел в своей палатке. Дурные предчувствия овладели им. Он был мрачен. Несмотря на то, что время для похода было самое неблагоприятное, все-таки надо было идти: потеря Герата означала угрозу и Самарканду. Султана знобило. Халат, опущенный лисьим мехом, не согревал.

Где-то недалеко раздался страшный крик. Так стонут при вести о чьей-нибудь смерти. Только что султан позвал Ахмед-Хаджи-бека и приказал никого не впускать в палатку.

— Что случилось? Какое безумие овладело воинами? — недовольно спросил султан у Ахмед-Хаджибека.

— Позвольте мне выйти и узнать, — сдержанно проговорил тот, предчувствуя недоброе.

— Идите.

Через несколько минут Ахмед-Хаджибек вернулся в сопровождении начальника лагеря и Навои.

— Пусть говорит Алишер, заведующий моим диваном<sup>1</sup>, — сказал Ахмед-Хаджибек: — он видел своими глазами и слышал своими ушами.

— Пусть говорит, — кивнул головой султан.

Алишер начал спокойно и внятно:

— Всадник в блестящей кольчуге и шлеме промчался на арабском скакуне перед войском. Остановившись на минуту, он громко крикнул: «Абу-Саид пал в бою. Именем султана Хусейна Байкары, повелителя мира, я, Мусабек, говорю вам, воины: остановитесь. Не стоит проливать напрасно кровь. Герата вам не видать».

Алишер произнес эти слова незнакомого воина с каким-то торжеством.

— А! Хусейн хочет запугать нас. Внести смятение в наши войска. Ну, а потом что было?

— Один из воинов пустил в него стрелу, но она просвистела мимо, а отважный всадник ускакал так же быстро, как и появился. Тогда все опомнились и начали оплакивать погибшего султана Абу-Саида.

— Немедленно выступать! — крикнул в запальчивости султан Ахмед.

Но Алишер понимал, что теперь, после смерти Абу-Саида, поход Ахмеда обречен на неудачу.

<sup>1</sup> Диван здесь означает «канцелярия».

## АЛИШЕР И ХУСЕЙН

Герат ликовал. В день байрама город был украшен цветами и флагами. Народ приветствовал султана Хусейна, уже три недели назад победно вошедшего в столицу. Новый султан обещал городу спокойствие, богатство и славу.

Дворец сверкал под лучами весеннего солнца. Вход во дворец был убран знаменами. Выхоленные конские хвосты свисали с кончиков копий многочисленной стражи. Во внутренних маленьких дворах, неожиданных после громадного портала, били фонтаны. Пестрые индийские птички сидели на кривых ветвях карликовых деревьев, вывезенных из Китая. Нарядные павлины и скромные фазаны прогуливались по дорожкам двориков, выложенных голубыми и синими изразцами. Изредка пролетали голуби, потревоженные в своей голубятне. Они были попрежнему любимыми птицами Хусейна Байкары.

То и дело к главным воротам подходили и подъезжали вельможи в сопровождении стражников и рабов.

Гости собирались в большом сорокаколонном зале, украшенном персидскими коврами. Перед маленькими столиками, стоящими полукругом, были раскинuty шелковые подушки. Полукруг завершался возвышением. Оно было покрыто ковром необыкновенной красоты и тонкости рисунка, спадавшим с шести ступенек. Это был трон Хусейна.

Султана ждали с минуты на минуту. Собравшиеся стояли, разговаривая вполголоса. Вдруг словно ветер ворвался в зал. Султан Хусейн шел стремительной походкой воина, не видящего разницы между полем сражения и залом дворца. Развевались полы его ярко-красного, вышитого золотом халата, под которым от-

крывался атласный, затканый серебром кафтан. Сверкали бриллиантовые застёжки и рукоятка его кривого меча, с которым он не расставался ни днем, ни ночью. Больше всего Хусейн гордился своим умением владеть мечом.

Белая чалма из тончайшей кисеи обвивалась вокруг яркой тюбетейки. Над тюрбаном колыхалось белое перо. Шаг султана казался мягким от легких сапог из кожи новорожденного верблюжонка.

Султан Хусейн сел на трон и сделал знак садиться гостям. В тот же миг внесли блюда с яствами, и пир начался.

Отборнейшие жеребята из конюшни Абу-Саида были зарезаны для этого пира: их нежные спинки, зажаренные в масле, напоминали вкусом молодых кур из Маргинана. Тут было мясо и дикой утки, привезенное охотниками из-под Оша, и молодой лани из-под Ферганы. Были горы фруктов: яблоки из Самарканда, гранаты из Ходжента, дыни и сушеный виноград из Мерва. Рекой лились бухарские вина в золотые кубки, очертаниями своими напоминавшие то ладью, то полумесяц. Эти вина считались лучшими в Хорасане, а султан Хусейн хотел иметь все лучшее при своем дворе.

После многих сражений и походов Герат достался ему неожиданно легко, упал, как зрелый плод, в руки. Султаны Ахмед и Махмуд не сопротивлялись. Оба брата встретились под Мургабом, и султан Махмуд, шедший из Герата, рассказал султану Ахмеду, что начальник цитадели перешел на сторону Хусейна Байкары и поднял восстание.

Судьба Алишера решилась сразу. Он попросил Ахмед-Хаджи-бека отпустить его в Герат, а оттуда пришла такая же просьба от султана Хусейна. Али-

шер Навои получил пышные одежды, слуг и лошадей. Ахмед-Хаджи-бек не хотел портить отношений с Хусейном и снарядил его друга со всевозможными почестями. На прощанье он признался Навои с полной искренностью:

— Я теряю лучшего советника в своем поэтическом творчестве.

— Я теряю друга, — коротко сказал, дервиш Мухаммед Тархан.

— Я теряю сына, — мягко произнес Фазлулла Абуллейси и трижды обнял Алишера.

Все самаркандские покровители Навои одинаково радовались, что, наконец, Алишер будет вознесен высоко.

Двенадцать лет не виделись Алишер и Хусейн, но в облике возмужавшего, бородатого воина Алишер сразу различил юношеские черты Хусейна, увидел так же горящие волей глаза. Возраст и положение не позволяли им сохранить дружеское «ты», но в эту первую встречу, оставшись вдвоем, они не стеснялись в выражении чувств. Все чрезвычайно удивились бы, узнав, о чем говорили могущественный султан и известный поэт. В этом разговоре не упоминалось ни о битвах, которыми Хусейн только и занимался все эти годы, ни о будущих делах государства.

В разговор друзей врывались строки стихов, возникали картины воспоминаний, а порой звучал прежний искренний смех. Это Алишер вдруг вспомнил старого муллу из медресе, где они учились, его ярко-рыжую бороду, которую он всегда подкрашивал в черный цвет, его гнусавый голос, его дырявую память, позволявшую ученикам отвечать несколько раз в день один и тот же урок. Потом Хусейн прочитал свои

стихи, о которых Навои отозвался с похвалой, но нашел их чрезмерно изысканными.

Тогда Хусейн попросил Навои прочитать свои стихи. И когда Алишер произнес несколько газелей, написанных в Мешхеде и Самарканде, султан взволнованно воскликнул:

— Я не знаю, что сделаю для мощи моего государства, но одно то, что в нем живет поэт, подобный вам, Алишер, прославит его навсегда.

«Прославит, слава... Он только к этому и стремится», подумал Навои.— «Долгие годы походной жизни, жажда власти и сама власть, наконец, должны были ожесточить Хусейна, сделать его еще более нетерпимым и своевольным. Эти черты были заложены с детства, их можно было умерять постоянным благотворным влиянием. Но где оно, это влияние? Предстоит нелегкое дело — внушить султану, что нужно для блага народа, а значит, и для его собственной славы. Это был главный способ воздействовать на Хусейна — обещать ему славу. Как важно, чтобы рядом с ним были люди с чистыми помыслами и с чистыми руками...»

— Вы задумались, друг мой, — весело сказал Хусейн, — я надеюсь на вашу помощь и в делах государства.

— Да будет так, — ответил Навои, как некогда в юности, когда они расставались в Мешхеде.

## • П И Р

Пир был в полном разгаре. Вдруг Алишер поднял руку. Все обратили взоры к нему.

— Да будет позволено мне прочитать поэму, посвященную султану Хусейну.

Это было первое публичное выступление Навои в Герате. Все слушали, затаив дыхание. Поэма «Хилалия»<sup>1</sup> восхваляла храбрость и силу, призывала Хусейна к мудрому, справедливому царствованию. Навои читал долго: он начал, когда последние лучи заходящего солнца скользили по узорным стенам зала, и кончил при свете внесенных свечей.

— Ой-с! — неслись восклицания.

Джами, сидевший близко от Навои, тут же стихами выразил свое восхищение поэмой.

Возвращение Навои в Герат было радостно сердцу Джами. Он живо помнил их долгие беседы три года назад, и чувство дружбы, не погасавшее во все время разлуки, разгорелось ровным ярким пламенем. Навои снова стал частым гостем в доме своего гератского учителя и друга. Они любили, прочитав вместе одну из поэм Низами, подолгу говорить о смысле каждой строчки ее.

— Вот какие цели надо ставить перед собой: создать нечто подобное великому творению Низами, — сказал как-то Джами.

Эти слова были эхом мысли, которую давно лелеял Навои. Скромно, но твердо сказал он об этом другу. Тот посмотрел на него внимательно и уверенно сказал:

— Я верю в то, что вы создадите великие произведения.

Джами часто любил повторять, что ни одна из ста-

<sup>1</sup> «Хилалия» — «новолунная». Этим образным названием Навои намекает на восшествие нового султана на хорасанский престол.

рых форм поэзии не умирает, если оживить ее новым значительным содержанием.

Навои поверял Джами не только свои поэтические замыслы. Он говорил о том, что Хусейн хочет возложить на него бремя государственных дел. К его удивлению, Джами приветствовал это.

— Чем больше у кормила власти будет благородных мужей, тем скорее расцветет государство.

Об этих словах вспомнил Навои, услышав ответ Джами на свою поэму.

Строки «Хилалии» запомнились наизусть и повторялись то тут, то там. Некоторые из присутствующих тотчас же откликнулись ответными стихами.

— Я вижу, что в Герате попрежнему поэтов столько же, сколько и жителей, — улыбаясь, сказал Хусейн.

— Лучше бы они были все воинами, — ворчливо пробормотал голощекий бек Музаффар, но его голос потонул в громких возгласах.

В каждом новом приближенном султана бек Музаффар видел соперника себе. Чем больше укреплялась власть Хусейна, тем ревнивее становился он: «Это я завоевывал вместе с Хусейном трон, мне и надлежит быть первым при султани». Недаром Хусейн обещал ему отдавать треть всех завоеванных земель: султан умел быть благодарным с теми, кто казался ему нужным.

Человек небольшого роста вошел в круг сидевших, поклонился во все стороны, принял из рук раба гиджак, настроил его и заиграл. Джами наклонился к Алишеру и восхищенно сказал:

— Это Шах-Кули, великий музыкант, он доставляет истинное утешение своей игрой.

Каково же было удивление Навои, когда он вдруг

услышал напев, созданный им самим! Некогда он сыграл его в доме Джами. Теперь Навои понял, что музыкант приветствует его, и бросил ему яркую розу.

Гиджак сменился удом<sup>1</sup>, потом заиграл флейтист, и трудно было в этом соревновании отдать кому-либо предпочтение.

Неожиданно в зал вошел молодой воин, наклонился к уху бека Музаффара и что-то зашептал. «Где я видел этого воина?» подумал Алишер. И тут, словно молния, озарило его воспоминание: берег Мургаба, всадник, сообщивший войску султана Ахмеда весть о гибели Абу-Саида. Теперь, вблизи, этот смелый воин понравился Навои еще больше.

Когда флейтист кончил играть, Музаффар сказал:

— Мусабек привел борцов. Как прикажет великий султан — ввести их?

Хусейну, видимо, уже наскучил пир. При вести о борцах он оживился и приказал немедленно их позвать. Вошли два гиганта, одетые в легкие шаровары, перетянутые широкими поясами, и в короткие войлочные кафтаны. Их бритые головы были обнажены. Широкие скулы и узкие глаза одного из них выдавали монгольское происхождение. У другого были толстые негритянские губы, приплюснутый нос, но более светлая кожа. Они мягко ступали в своих войлочных туфлях с загнутыми вверх носками. Простершись на полу перед султаном, они застыли в позе преданности; потом вскочили по знаку распорядителя борьбы, крест-накрест пожали друг другу руки, сбросили кафтаны. Их умащенные тела лоснились. Борьба началась. По правилам, победитель должен оторвать

<sup>1</sup> У д — двенадцатиструнный щипковый музыкальный инструмент.

своего противника от земли и бросить ее всего размаху так, чтобы тот не мог подняться.

Узкоглазый казался слабее, но после первых же мгновений борьбы стало ясно, что он увертливее. Все следили с напряженным вниманием. У султана Хусейна сжимались кулаки. Он опустил чашу с вином, окропившим красными брызгами белый кафтан. Несколько минут было слышно лишь тяжелое дыхание борющихся. Уже дважды толстогубый подымал узкоглазого с пола, но положить его ему не удавалось. Толстогубый явно утомился, и тогда неожиданно узкоглазый быстро и ловко приподнял огромное тело соперника и с размаху положил на спину. Раздался одобрителный гул, но толстогубый с бешеным напряжением сбросил с себя узкоглазого, рванулся, схватил его и в ослеплении ударил об острый угол нефритового столика, стоящего в стороне. Раздался крик. Тонкая струйка крови потекла на ковер. Толстогубый, все еще не сознавая, что произошло, продолжал яростно прижимать ослабевшее тело к полу.

— Табиб, табиб! — раздались голоса.

Через несколько минут появился маленький человек в большой чалме. Все расступились, давая ему дорогу. Это был знаменитый Низамаддин-Абдалхай. Навои вместе с ним подошел к раненому, спокойно и властно приказал вынести борца в другую комнату.

— Он жив! Он не умер! — раздавались возгласы.

В углу два шейха заспорили о том, считается ли эта смерть благословенной, приравнена ли она к смерти в бою и попадает ли умерший прямо в рай.

Между тем табиб в сопровождении Навои и нескольких слуг остановился подле раненого борца. Кровь покрыла всю макушку, но трещина была так

широка, что сквозь нее виднелся мозг. Узкие глаза пахлевана<sup>1</sup> были плотно закрыты; казалось, он крепко спал. Слуги по знаку табиба сложили несколько кошм и положили на них узкоглазого.

В комнату вошел Мусабек и, поклонившись табибу, сказал:

— Мой хозяин бек Музаффар просит во что бы то ни стало излечить пахлевана.

— Это в руках аллаха. Я приложу все мои знания — вот все, что я могу сделать.

Табиб попросил столпившихся людей уйти и обратился к Навои:

— Я знаю вашу любовь к науке и осведомленность во врачевании... Оставайтесь. Мне, может быть, понадобится помощь.

Прочитав фатиху<sup>2</sup>, табиб приступил к делу. Навои с восторгом смотрел, как ловкие тонкие пальцы врача отделили осколки треснувшей черепной кости, подравнивали маленьким серебряным напильничком острые края. Когда табиб приложил целебную мазь, прикрыл ее свежими листьями ивы и крепко перевязал голову, раненый открыл глаза и застонал.

— Он будет жить! — воскликнул табиб.

В это время султан Хусейн был уже занят новой забавой. Раненый борец перестал его занимать с той минуты, когда, упав, выбыл из игры. Зная, что это любимый раб Музаффара, он разрешил привести к нему своего табиба, имевшего доступ даже в гарем. Но больше он им не интересовался.

А Навои отдал свой плащ, чтобы накрыть дрожащего пахлевана, которого переносили через холодный

<sup>1</sup> Пахлеван — борец, участвующий в состязаниях.

<sup>2</sup> Фатиха — первая сура корана, читающаяся в виде молитвы перед началом какого-либо дела.



дворик. Вернувшись в зал, Навои рассказал султану о проделанной табибом операции. Хусейн воскликнул:

— Это что! Вот он вылечил моего любимого коня.

И султан, отвлекшись от метателей шаров, которые показывали свое искусство, начал рассказывать о чудесах табиба.

## СНОВА ВОЙНА

Улеглась праздничная суета. Герат уже несколько месяцев жил обычной жизнью. Только заметно увеличилось количество строящихся домов. На всех улицах и пустырях валялись груды кирпичей, леса, щепок. Сновали строители с лопатами и пилами. Среди них попадались туркмены и монголы, китайцы и жители Индустана. В Герате сходились бесчисленные караванные пути. Многие люди оседали здесь навсегда.

— Люблю стук молотков, — говорил Хусейн, проезжая по городу в разгар рабочего дня. — Я застрою всю страну новыми домами. Я проведу воду к человеческому жилью из всех рек, протекающих через Хорасан, воздвигну плотины, вырою новые арыки.

Султан Хусейн чувствовал себя творцом этих планов, забывая о том, что они все созданы или подсказаны ему Навои. Но Адишер этого и добивался: он знал, что ни одно дело не делается так рьяно, как то, которое считаешь возникшим по собственному желанию.

Утренний прием начался. Султан Хусейн проснулся мрачным и сразу вспомнил о зловещих вестях, пришедших накануне вечером из Астрабада. Ядгар

Мухаммед, внук Шахруха, поднял восстание, считая себя законным наследником престола.

— Позвать ко мне хранителя печати. Немедленно! — этими словами встретил он слугу, принесшего ему таз для омовения.

— Кто там ждет меня? — спросил он недовольным тоном у везира, пришедшего с бумагами.

— Два хакима — из Себзевара и Нишапура. Приехали установить размер налогов. В их области волнения...

— Дальше, — оборвал Хусейн, сверкнув глазами.

— Один казий, три имама<sup>1</sup>...

— Кто просматривал их дела? Почему их допустили сразу ко мне?

В Хусейне поднималась ярость.

— Вот, — угодливо сказал везир, подавая бумаги. — Их дела давно уже ведутся, я объясню.

— Я буду ждать хранителя печати! — крикнул Хусейн, отодвигая папку с бумагами.

Везир исчез безмолвно и через несколько минут явился в сопровождении Навои.

— Оставить нас одних, не впускать никого, пока не позову, — сказал Хусейн. — Вчера вечером я лишен был радости видеть вас, — обратился он ворчливо к Навои.

Тот, не меняясь в лице, спокойным тоном объяснил, что весь вечер был у Джами, где слушал новую его поэму.

— Много юных поэтов, музыкантов, художников появилось в Герате, но нужно их направлять, — говорил Навои. — Без руки опытной и верной они могут сбиться с пути. Многие из них пьют. Я предло-

<sup>1</sup> И м а м — духовное лицо.

жил бы закрыть половину кабаков. А вот — что особенно важно — многие начинают писать на родном языке. До сих пор от людей была скрыта сокровищница родной речи. Между тем наш язык не менее богат, прекрасен и поэтичен, чем персидский. Божественный Лутфи приветствовал мои детские стихи именно за то, что я уже тогда писал на родном языке.

Султан Хусейн, казалось, не слышал слов Навои. Глубокая морщина прорезала его лоб. Глаза сузились, поблескивая из-под насупленных бровей, слившихся в одну линию. Он распахнул ворот голубой шелковой рубашки. Ему было душно.

— Все это так. Но война еще не кончена. Снова враги пытаются подорвать мою власть. Они стремятся к сердцу страны, к Герату.

Султан Хусейн поднялся с подушек и резко сказал:

— В Астрабаде беспокойно. Восстал Ядгар Мухаммед со своей шайкой.

Навои воскликнул:  
— Ни одного фарсаха<sup>1</sup> земли нельзя отдавать беспутному. Довольно междоусобица разрушала родину. Много крови было пролито для объединения страны, которую раздирали на части, истощали и грабили себялюбивые правители Хорасана.

Глаза Навои зажглись. Ненависть наполнила его сердце при вести о новых смутах в стране.

— Отрадно слышать мужественные речи, — радостно произнес Хусейн. — Вы — моя правая рука. Я посажу вас выше всех, над беками и везирами.

— Султан забыл смиренную просьбу, высказанную мной в дни счастливого детства.

Лицо Хусейна выразило любопытство.

<sup>1</sup> Фарсах — мера длины (6—7 километров).

— Сделать меня своим главным библиотекарем, — объяснил Навои.

Хусейн рассмеялся.

— Помню, помню. Птицы тогда щебетали в саду. Небо Герата было синим, как сейчас, и жизнь раскрывалась впереди, полная забав. Детские мечты... Предстоит новая борьба. Скажите сами, разве вы откажетесь сегодня выступить в бой? А для этого нужно быть облеченным властью.

Алишер пристально посмотрел на Хусейна и третий раз в их жизни сказал:

— Пусть будет так.

### ВЫСТУПАТЬ НУЖНО НЕМЕДЛЯ

Трубы, карнаи и барабаны возвестили сбор войск. В поход против Ядгара выступали самые лучшие и отборные воины, не раз уже бравшие Астрабад. Во главе самого сильного отряда стоял Музаффар. Голощекый бек гордился своей конницей. Она занимала центральное место и была хорошо защищена развернувшейся с флангов пехотой. Позади ехал султан на всроном коне, так же гордо закидывавшем голову, как и его хозяин. Затем следовала семья султана и его двор. По правую руку Хусейна на белом «туркмене» находился Алишер, по левую — главный бек. Со всех сторон их окружала охрана; начальником ее был Мусабек. Шествие замыкалось большим караваном верблюдов, на которых везли палатки, провиант, запасное оружие. Целый штат слуг, табибов, невольников и невольниц сопровождал караван.

Как обычно, сопровождала мужа и Бике-бегум. Но она уже отвыкла от походной жизни: была нервна,

много плакала в пути, раздражала Хусейна своими страхами и причитаниями. Куда исчезли легкость и веселость ее характера?.. Когда-то она встречала Хусейна улыбкой, теперь слезы не просыхали на ее лице.

Когда Хусейн овладел Гератом, она утвердилась в мысли, что кончилась пора его казначества<sup>1</sup>, что теперь он полностью насладится властью и хоть на время прекратит войну. Правда, Хусейн не раз когда-то в припадке откровенности делился с ней своими мечтами о дальнейших завоеваниях, вспоминал своего знаменитого предка Тимура. Но то, что произошло сейчас, совсем не походило на гордые мечтания: приходилось покинуть Герат и отбивать нападения захватчиков, а не захватывать самому. Да и неизвестно еще, чем все это кончится!

— Я думала, что мой муж будет великим султаном, а он все тот же воин-бродяга, которого отогнали некогда от стен Мерва, — запальчиво сказала она однажды во время стоянки войск.

Хусейн вспыхнул от оскорбления и пригрозил Бике, что расстанется с ней и отнимет у нее сына. Это была самая страшная угроза. На Бадиаззамана возлагала она все свои надежды. Чувствуя, что Хусейн охладевает к ней, Бике всю свою нежность перенесла на старшего сына и сумела привязать его к себе. Незамтно восстанавливала она его против Хусейна, рассказывала ему о деде, мирзе Санджаре, и тот, некогда оставленный ею добровольно, выросал в воображении мальчика в благородного, мужественного героя. Иногда, ловко наведя разговор на будущее, она старалась внушить Бадиаззаману, что скоро он вырастет и власть перейдет к нему.

<sup>1</sup> К а з а ч е с т в о — кочевая военная жизнь.

Но до этого было еще далеко, а раздражать Хусейна опасно, и хитрая женщина во-время спохватилась. Распростершись ниц, она просила у мужа прощения, говоря, что думала своими словами раздражить его воинственный дух и быстрее двинуть его к победе.

— Я никогда не нуждался в бабьих советах и помощи, — презрительно сказал Хусейн.

С тех пор их отношения становились все хуже и хуже.

\* \* \*

До Мешхеда войско шло, как на парад: ничто не мешало его продвижению. В Мешхеде стояли недолго. Но Алишер успел навестить Камала Турбати да посетить убогую худжру, где некогда проходила его юность.

— Вы стали знамениты, мой друг, — ласково сказал Турбати.

Соловей Мешхеда сильно постарел, но розы в его саду были все так же прекрасны. Навои в задумчивости сорвал и долго вертел в руках одну из них, пока бродил вместе с хозяином по тропинкам его сада. Ни одного слова не было сказано о войне. Вновь, как когда-то, говорили они о стихах, о значении и силе слова. Навои не раз замечал, что в его обществе и государственные деятели и ученые мужи переводили разговор на поэзию. Старому Турбати, всю жизнь прожившему за стеной своего сада и продолжавшему и в старости воспевать любовь, это пристало более всего. Навои и сам хотел забыться. Он был благодарен старому поэту за этот недолгий отдых.

А потом, верхом на коне, он медленно двинулся по пыльной улице к своему прежнему жилищу. Вдох

приподнял его грудь, когда он проезжал мимо дома, где жила когда-то девушка, полюбившаяся ему. И, как всегда при воспоминании о ней, тут же возникло желание писать стихи.

Знай: в моем смущенном сердце образ твой всегда  
живет,  
Словно солнца отражение в глубине смятенных вод.

Он почти произнес эти слова. И дальше в лад шагу коня стала складываться газель, завершившаяся отточенной мыслью, как и подобает газели:

Счастлив спящий на прекрасной женской ласковой руке.  
Навои, твоя подушка — твой кулак из года в год.

Не раз после встречи с этой девушкой пламя любви опаляло его сердце, но никогда не пришлось ему узнать глубокого полного счастья — любить. Он часто вспоминал слова отца: «Войны и путешествия уготованы ему судьбой...» Да, сначала была бедность, ученье, жадное познание мира и его чудес, потом переезды, изгнание, возвращение домой и теперь война, от которой он не мог стоять в стороне. От него во многом зависело счастье народа. И Навои чувствовал свою ответственность за судьбу людей. А впереди высилась главная цель, затмевавшая все остальное. В сердце Алишера дышало, гудело, пело огромное, еще не вылившееся в слова творчество. Он знал, что все написанное до сих пор, что пробивалось в легких или страстных газелях, торжественных касыдах, писавшихся от случая к случаю, было только началом, только первыми ступеньками к далекой вершине. Он должен рассказать миру такие вещи, которые помогли бы жить и понимать, во имя чего человек живет. Рассказать это нужно самыми верными, самыми точными словами. И хотя бы это было так же трудно,

как достать рукой до звезды, он должен сделать это, ибо он чувствует в себе силы для создания великих творений. «Низами, великий Низами! Вот с каким titanом предстоит ему вступить в единоборство. Но если уж отвечать на творения великого поэта, то нужно стремиться к вершинам, а не плестись по низине...» «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун»... Сегодня их судьба была бы иной. Вот об этой иной судьбе героев, воспетых великим азербайджанцем, и нужно рассказать. Дойти до сердца людей, вызвать их смех и слезы, страх и надежду, любовь и ненависть...

Мысли обо всем этом так поглотили Алишера, что он не заметил, как конь, все ускоряя шаг, миновал уже черту города. Спускался вечер, становилось прохладно, и Алишер стал подгонять коня. Вскоре он был уже в лагере и, оставив седло, быстро прошел в палатку к султану Хусейну. Воспоминания о нескольких часах, проведенных в Мешхеде, закатились вместе с солнцем, которое в это мгновение уже опускалось за черту горизонта.

\* \* \*

По велению султана войско немедленно двинулось дальше.

За Мешхедом разведчики, уезжавшие далеко вперед, встретили небольшой вражеский отряд. Те двигались беспечно, не подозревая, что войско Хусейна так близко. Хусейн созвал большой военный совет. Разведчики сообщили, где находятся войска Ядгара, и тогда Музаффар заявил:

— Я полагаю, что пора выступать. Но предварительно необходимо послушать, что скажет звездочет. Нам предстоит решительная битва, нужно приурочить

выступление ко времени благоприятного расположения небесных светил.

Султан Хусейн тревожно и внимательно прислушивался к предложению Музафара. От войн он устал, а миром и властью насладиться вдоволь не успел. Что ждет его? Был отдан приказ привести звездочета.

Алишер Навои внимательно посмотрел на собравшихся. Он увидел загорелые в походах, обветренные, суровые лица бэков, сильные руки и ловкие тела. Он видел в глазах решимость и отвагу.

— Я прошу победоносного султана разрешить высказать свое мнение, — сказал Навои.

Каждое слово Алишера звучало убедительно и сильно.

— Вряд ли будет польза от промедления. Пока звездочет прочитает книгу неба, потом переведет это на язык земли и определит благоприятный час для выступления, уйдет много драгоценного времени. Между тем враг приближается. Неужели мы будем сидеть сложа руки, если звездочет предскажет, что час еще не настал?.. Какой смысл дать зарезать себя, как баранов?.. Каков бы ни был ответ звездочета, мы не можем больше задерживаться. Каждый настоящий воин согласится со мной, я в этом не сомневаюсь.

Одобрительный гул раздался в палатке. Только Музаффар бросил недружелюбный взгляд на Алишера. Он еще больше озлобился, когда султан Хусейн, приказав передать звездочету, что тот может не приходить, назначил час выступления.

В ночной тиши слышны были храп коней, бряцание оружия, голоса, отдававшие приказание.

У селения Чинарон произошла встреча с войском врага. В сумраке рассвета было ясно видно расположение частей. Султан Хусейн сам руководил боем.

Иногда он советовался с Музаффаром или же с Алишером, который решил не оставлять их одних. Подозрение против Музафара проникло в сердце поэта. Но сейчас Музаффар действовал по всем правилам военного искусства. К тому же преимущество было на стороне войск Хусейна. Навои оказался прав: враг был ошеломлен неожиданностью встречи. Ветер победы коснулся знамен султана Хусейна.

Стройная фигура всадника в чешуйчатой кольчуге появлялась всюду, где грозила опасность. Неуязвимый Мусабек наслаждался боем. К тому же каждый шаг приближал его к Астрабаду, куда стремилась душа. Смятые войска Ядгара отступили, открывая Хусейну свободный путь на Астрабад.

И как раз в это время прискакал гонец, сообщивший грозную весть: «Герат охвачен восстанием».

## ВОССТАНИЕ В ГЕРАТЕ

В Герате давно уже было неспокойно. Обещания султана Хусейна установить мир в стране не сбылись. Не все знали о причинах новой войны, и недовольство росло. Война требовала денег. Султан Хусейн мало заботился о том, как их добывать. Он считал, что для этого достаточно отдать распоряжение чиновникам казначейства.

Чиновники Хусейна, ведавшие казной, — ходжа Убайдуллах, ходжа Кутбаддин и ходжа Низамаддин Бахтиар — казалось, только и ждали отъезда из столицы султана и главного его советника эмира Алишера. На тайном совещании они договорились обложить население новыми налогами.

— Что мы видели у Хусейна до сих пор? — начал свою речь самый влиятельный и старший из них. —

Мы, мозг и око аллаха на земле, должны влачить существование наравне с прочими слугами султана.

Войны и без того истощили страну. Но жадные чиновники не пощадили никого: медники и литейщики, кузнецы и плотники, пекари и мясники, земледельцы и ситовщики — все должны были нести свои последние гроши в их бездонные карманы. Чиновники действовали от имени Хусейна, ссылаясь на его приказ.

— Шайтан Хусейн прилетел к нам, он съедает нас, — говорили матери, глядя на истощенных детей.

В Герате, что ни день, происходили беспорядки. Каждый пустяк служил поводом для волнений.

Однажды на одной из улиц рухнула стена. Зашибло насмерть ребенка, игравшего подле нее, ранило двух других. С воем из-под груды кирпичей выкарабкалась кошка, оставляя позади себя кровавый след. Пожилой ремесленник перематывал намокшую от крови чалму.

На месте происшествия в смятении толпился народ. Был прохладный мартовский день, дул раздражающий ветер. Пронзительно стонала мать, держа на руках окровавленное бездыханное тельце ребенка. И вдруг раздались нечеловеческие крики. Это присутствующий здесь дервиш впал в исступление: он кружился с бешеной быстротой, подпрыгивал и кричал. Возбужденные этими выкриками люди тоже стали кричать. Рухнувшая стена словно открыла народу возможность выразить свое недовольство.

— Вот так когда-нибудь рухнет здание проклятого дивана<sup>1</sup>! — вопили какие-то чернобородые мужчины, потрясая длинными худыми руками с пальцами, по-

<sup>1</sup> Д и в а н — государственный совет; в другом значении — сборник стихов.

крытыми пятнами краски. Это были красильщики кожи, отдавшие не далее как сегодня утром сборщику налогов все деньги, заработанные за последнюю неделю.

— Проклятые чиновники разоряют нас!

— Смерть им!

В это время к месту события подошли стражники, привлеченные неумолкающим шумом. На лету услышав отдельные выкрики, они поняли, что тут бросаются угрозы властям, и стали хватать первого попавшегося.

Толпа начала разбегаться, но в руках стражников осталось несколько человек. Среди них успокоившийся уже дервиш, какой-то забредший в эту часть города христианин, повязанный зуннаром<sup>1</sup>, и мальчик лет четырнадцати, состроивший гримасу есаулу. Это был Салим, брат Мусабека. Он возмужал и сильно похудел. Как раз сегодня он приехал из деревни в Герат, чтобы продать последние запасы сушеной дыни и купить муки. Ему доверяли его хозяева, он был для них сыном, они вместе переносили нужду и тяготы жизни. А что еще так сблизжает людей, как не совместно перенесенные лишения?

Салим помнил, как пришел к ним десятилетним мальчиком. Он был худ, мал ростом, и его целый год выдавали за девятилетнего, чтобы не платить подушную подать, которую брали с каждого, достигшего десяти лет. Хозяевам Салима и без того приходилось туго: своих притеснителей, сборщиков налогов, они же принуждены были кормить; да не только их: дань получали и те, кто составлял окладные листы, и чи-

<sup>1</sup> З у н н а р — веревка вместо пояса, которую носили не мусульмане.

новники, распределяющие воду, и даже те, кто вел запись и учет урожая.

Задержанных повели в зиндан<sup>1</sup>. По дороге дервиш затеял богословский спор с христианином. Он горячо доказывал справедливость своего учения: надо только сильно хотеть, и человек может добиться осуществления любой своей мечты. Вот потому-то он впал в иступление при виде рухнувшей стены: он уже давно видел, как она клонилась в сторону улицы и в конце концов упала. Так вот, если даже мертвая стена добилась осуществления своего желания, то он, живой человек, конечно, добьется. Поэтому дервиш довольно весело шел в зиндан: он верил, что это не надолго. Стражникам слышалось что-то подозрительное в словах дервиша — какие-то недозволенные желания...

— Эй ты, остроколпачный, помолчи, а не то придется тебе просить прощения с веревкой на шее.

— Ах, пусть твоя ярость в черную землю уйдет, — пробормотал дервиш и замолчал.

Салим плакал от детского страха, но к страху примешивалась и доля любопытства: посмотреть зиндан.

Любопытство совершенно рассеялось, когда его привели туда. Человек страшного вида и огромной силы распределял, кого куда поместить. В воздухе стояли женские вопли. Это жены неплательщиков налогов сопровождали своих мужей до самого зиндана, таща за собой детей, плача и причитая. С крепко связанными руками за спиной приводили людей, заподозренных в том, что они мутят народ. Каждого споткнувшегося или упавшего поднимали ударами палки. Салим, целый день ничего не евший, при виде этой картины покачнулся и сам чуть не упал. Ему помогла

удержаться лишь мысль о том, что его ждет, если он упадет. И только дервиш с христианским монахом продолжали какой-то длинный богословский спор. Они договорились уже до того, что дервиш для доказательства своей правоты уговаривал подняться им вместе на самый высокий минарет Герата и, взявшись за руки, спрыгнуть оттуда. Он верит, что, так как правда на его стороне, аллах не даст им разбиться, а если окажется прав христианин, то христианский бог сделает то же самое; таким образом, им ни в том, ни в другом случае ничего не грозит.

У христианского монаха не было столь твердой уверенности в заступничестве бога, да и все равно приходилось отложить решение этого вопроса до того, как они будут свободны.

Этот день был только началом волнений, которые, раз вспыхнув, становились все грознее и грознее.

Через несколько дней после падения стены недалеко от того места вечером собрался народ вокруг заезжего проповедника. Он рассказывал длинную притчу о бегстве пророка из Мекки в Медину, о наставлениях Мухаммеда властелинам. Он распалялся все больше и больше. От рассказов о Мухаммеде он перешел к более близким делам и начал поносить разбойников на больших дорогах, от которых честным людям житья не стало; он закончил свою речь словами из «Бустана» Саади: «В стране, где явились разбойник и тать, шахское воинство бабам подстать».

Из толпы кто-то крикнул:

— Он говорит верно! Где наше войско? Сражается невеждою с кем!

— Недаром пророк повелел султанам, — подхватил проповедник, — быть защитниками слабых и бед-

<sup>1</sup> Зиндан — тюрьма.

рых. А тот, кто лишь о своей славе заботится, тот недостоин высокого сана.

Два учащихся медресе, с любопытством остановившиеся недалеко от сборища, переглянулись.

— О! Да не этот ли проповедник завез «Книгу смутьянов» в Герат? Смелый человек! Но выступить так на площади довольно опасно, — сказал один другому на ухо.

— Когда толпа разойдется, подойдем к нему, поговорим отдельно. Хочешь? — ответил тот. — Мне еще непонятно, к чему это все клонится. — Этот юноша был помоложе, застенчивее; его одежда несколько отличалась от той, что носили в столице.

— Видно, что ты недавно в Герате. Здесь давно несладно. У каждого тут своя голова на плечах, никто чужой жить не хочет, а отдавать заработанное честным трудом, вернее, быть ограбленным, тоже никому несхота; вот все и прислушиваются к речам умных людей, чтобы знать, как им поступить.

— Ну, так недолго и в зиндан угодить.

— А если всем сообща да с камнями в руках, то можно и зиндан уничтожить...

Услышав это, младший быстро оглянулся, и на его юном лице появилось выражение страха. Сын захудалого бска, не прославившего себя ничем ни в боях, ни в мирной жизни, он все свои надежды возлагал на то, что преуспеет, служа смиренно и покорно сильным мира сего. Ему как-то показали «Книгу смутьянов», и больше всего его пугало, что кто-нибудь узнает об этом.

— Сейчас не время быть трусом, — досадливо сказал старший. Он не хотел терять дружбы этого товарища, так как у него можно было призанять при случае деньги. Сам же он мог только изредка зарабо-

тать немного, сочиняя стихи на случай; но он не любил этого делать; он, как скупец, берег свой стихотворческий дар, рассчитывая в будущем получить от него большие барыши.

Разговоры, подобные этому, слышались все чаще и чаще. В толпе появлялось все больше ремесленного люда и земледельцев, открыто выражавших недовольство. И, наконец, разразилось восстание.

\* \* \*

В этот день рынок представлял необыкновенное зрелище: народу было много, но лавки были закрыты. Собирались кучками люди. Всюду были видны взволнованные лица, руки, возмущенно поднятые кверху, словно требующие справедливости у неба.

Среди нарастающего глухого ропота слышались возбужденные голоса вожаков. На одном возвышении стоял человек в серой от пыли чалме, в косо брошенном бумажном балахоне. Он тряс непомерно длинными худыми руками, призывая:

— Слушайте, правоверные, то, что я видел собственными глазами. Я иду издалека, прошел через пустыни и горы, видал разных шахов и правителей; всюду царит беззаконие. Но из всего, что я видел, больше всего потрясло меня зрелище пловцов на берегу Персидского залива. Они бросаются в гущину вод и ныряют за жемчугом, который добывают со смертельной опасностью для жизни. Немало их гибнет при этом, и за этот адский труд купец им платит по пятнадцати дирхемов. Вместо несметных богатств, которые они могли бы выручить, продав этот жемчуг сами, они получают жалкие медяки, а богатство идет купцу. Глупцы те, кто дает себя обирать! Долго ли вы будете терпеть самовластие шайтанов-чиновников?



Долго ли за право честно трудиться и торговать вы будете отдавать последние дирхемы в счет налогов, идущих неведомо куда?

Речь проповедника разъярила сердца слушавших. Толпа издала вопль, прокатившийся далеко за пределы рынка. Женщины в домах распростерлись ниц, ожидая чего-то страшного.

В воздухе как бы носились искры, раздувавшие пожар. Эта речь уже не была похожа на туманные слова дервишей, выступавших там и сям на городских площадях. Человек в серой чалме продолжал:

— Где султан, призванный сеять добро и насаждать справедливость? Он поручил вас, как стадо овец, пастырям, чтобы они защищали вас от волчьих зубов. А пастыри-то и оказались самыми жадными волками, рвущими вашу печень на части. Где они, эти пастыри?! Сидят в денежном управлении и считают ваши денежки, облитые кровью и потом! Решайтесь, правоверные, идите и выгоните оттуда этих негодяев.

Вслед за этим проповедник сошел с возвышения и твердым шагом, увлекая толпу за собой, направился через рынок к дивану.

Все наспех вооружились: копья, палки, камни, кирпичи — все годилось. Глаза людей сверкали решимостью. Это была волна, которую уже ничто не могло остановить. Даже стражники, попытавшиеся было противостоять толпе, отступили, решив не затевать до поры до времени кровавых стычек с разъяренным народом.

Люди двигались по направлению к дивану. К ним присоединились окрестные поселяне, приехавшие, как обычно, в город на своих мулах и конях. Многие из них, впрочем, знали, что в городе что-то готовится, и заранее решили принять участие в волнении.

Столпившись у дивана, народ начал выкликать:  
— Эй, выходи сюда, адская собака, достойная смертной кары! Бога ты не боишься и не стыдишься народа!

В окнах дивана промелькнуло несколько испуганных лиц, быстро исчезнувших в глубине помещения. Среди них ближе всех подошел к окну ходжа Убайдаллах. Он был в ловко повязанной пышной чалме, кончик которой опускался на левый глаз, чтобы незаметно было, что ходжа кривой.

— Выходи, одноглазый шайтан, мы тебе подобьем и второй глаз.

Двери в здание дивана были наглухо закрыты, но что могло устоять перед натиском многосотенной толпы? Пока одни напирали на ворота, другие начали бросать камни и комья земли в окна.

Наконец ворота подались, и толпа двинулась во внутренний двор. Первые вбежавшие во двор заметили высокого человека, который, пригнувшись, чтобы казаться ниже, закрыв лицо рукавом нарядного халата, старался проскользнуть незамеченным и слиться с толпой. Но что-то знакомое почудилось в его осанке: не раз приходилось видеть чванливого ходжу Убайдаллаха, горделиво проезжавшего по улицам Герата.

— Рвите его в клочья, развейте его прах по ветру! Не видеть мне неба, если это не ходжа Убайдаллах!

С этими словами кричавший левой рукой сорвал балахон с лица ходжи, а правой, державшей кирпич, со всего размаху ударил его по лицу.

\* \* \*

Султан Хусейн еще не остыл после боя. В кольчуге и шлеме, с мечом в руках он встретил гонца из Ге-

рата. Яростью зажглось его сердце, когда он узнал о восстании. Один из везиров, написавший донесение, старался разжечь гнев султана против народа, воровавшегося с кирпичами в здание государственного казначейства. Он призывал гнев аллаха на головы восставших, но даже в этом пристрастном донесении можно было прочесть, что чиновники превысили власть и народная ярость была оправданной.

Султану Хусейну нельзя было возвращаться сейчас же в Герат. Исход войны зависел от его присутствия в войске.

— Единственный человек, которого можно послать в Герат для разбора дела, — это эмир Алишер. Как ни горестно нам расставаться, но придется сделать так, — сказал Хусейн.

Алишер внимательно несколько раз прочитал донесение из Герата. Перед ним все яснее рисовались причины восстания.

— Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе. — Навои с гневом произнес эти слова, которые уже не раз говорил Хусейну.

В глубине души он считал, что Хусейн сам способствует разжиганию жадности и стяжательства в своих чиновниках, но нельзя говорить об этом. Только добрым примером нужно воздействовать на султана.

— Мне понятно, что недостойные попросту грабят народ. При этом они действуют от вашего имени, разжигая ненависть против вас. Они — ваши враги.

Обнажились, как обычно в гневе, острые зубы Хусейна; казалось, он хочет ими загрызть виновника. Ему было решительно все равно, грабили народ или нет его чиновники, — ему нужны были деньги, и он не желал знать, где их берут. Но восстание? Пусть будут наказаны все, кто способствовал ему! Кто б это

ни был! Хусейн понимал, что только Алишеру можно доверить это дело, он знал, как велико влияние поэта на народ. «Большой ум и большое сердце, — думал он о нем. — Это очень редко соединяется вместе. Он найдет нужный мне выход».

— Хорошо, пишите все, что считаете нужным. Я подпишу.

Музаффар заметно повеселел, узнав, что Алишер уезжает в Герат. А Навои оставил подробный план дальнейшего похода и просил Хусейна, не слушая ничьих советов, действовать по собственному усмотрению.

— Не в первый раз мне приходится усмирять Астрабад, — сказал Хусейн. — Вспоминаю свои боевые годы. Мне знаком каждый камешек на пути, а в самом городе есть немало моих друзей, которые помогут нашим войскам. Сейчас главное — добиться спокойствия в Герате. Прошу, поторопитесь. Я хочу, чтобы вас сопровождала надежная охрана.

Рассветало. Мулла, обратившись лицом к Мекке, совершал намаз. Торжественна и грозна была картина молящегося на поле брани войска.

Молитва окончилась. Словно ветер прошелестел, когда встали с земли тысячи воинов. Началась утренняя суматоха. Чистили оружие, подвязывали перья к стрелам, кормили коней.

В одной из палаток лежал раненый. У него только что извлекли стрелу из верхней части ноги. Он стонал и корчился от боли; бороздки и крючья стрелы глубоко вошли в мякоть. Табиб ловко надел металлическую трубку на выступающую из тела часть стрелы, двинул ее глубоко в рану и осторожно потянул вместе со стрелой. Раненый застонал громче, но стрела подавалась. Трубка закрыла выступающие бороздки, отде-

ляя их от тела своей гладкой поверхностью. Затратив немало усилий, табиб в конце концов извлек стрелу. Ловкие руки слуги табиба перевязали рану, и воин попробовал подняться.

— Осторожно, осторожно... Врач не бог, он исцеляет, но не сразу! — закричал табиб.

— Где Мусабек? — раздались голоса за входной дверью в палатку.

Тогда раненый вскочил и, слегка прихрамывая, бросился к дверям. Он не слышал воплей табиба.

— Кто зовет Мусабека? — кричал раненый. — Я тут. Проклятая стрела! Столько раз миновала меня и, наконец, в последнюю минуту добралась до моего тела. Но я уже здоров. Кому я нужен?

— Наш господин Музаффар назначает охрану для сопровождения эмира Алишера в Герат. Вам поручено быть ее начальником.

— Оставьте его, он ранен! — вопил табиб, стараясь заградить своим телом Мусабека.

— Оставьте меня, я здоров! — воскликнул Мусабек. — Я могу сесть на коня, что ж еще нужно джигиту?

Мусабек мечтал приблизиться к Навои; он поклонялся ему как поэту. Втайне он сам писал стихи, которые рассчитывал когда-нибудь показать эмиру Алишеру.

Музаффар, в свою очередь, считал Мусабека своим человеком, которому можно поручить надзор за соперником.

Музаффар все острее ненавидел Навои. Бек понял, что Алишер презирает внешнюю форму власти, но тем опаснее казался он Музаффару. Султан доверял Алишеру и под его влиянием мог отвернуться от Музаффара. Честолюбивый бек хотел бы избавиться от

Навои, но так, чтобы остаться вне подозрений. Навои вряд ли мог быть убитым на войне: он не принимал непосредственного участия в боях. Другое дело — Герат, охваченный восстанием; там легче погибнуть. Вот почему Музаффар обрадовался, узнав о решении Хусейна отправить туда хранителя печати.

— Вам не грозит нападение по дороге, — говорил он, напутствуя Мусабека. — Всюду, где прошли войска султана, царит мир и расположение к нам, но в Герате... Ты понимаешь? Случайный кирпич, брошенный в голову эмира, может навсегда лишить его света жизни, а нас — света его очей, — многозначительно сказал Музаффар, стараясь не смотреть Мусабеку в глаза. — Мы назначаем крепкую охрану, но никто не будет виноват в случае подобного несчастья.

Мусабек понял тайную мысль Музаффара, но тут же прогнал ее от себя. Бек просчитался: более преданного слуги для Навои, чем Мусабек, трудно было сыскать.

Навои волновался, покидая Хусейна. Он боялся, что в его отсутствие Хусейн сделает неверный шаг, но он понимал, что быть сейчас в Герате еще важнее. «Э-э, храбрый не дает слабых ударов, а опрокидывает сразу, — подумал он о Хусейне. — Не мне учить его воевать, — он воевал без меня двенадцать лет и достиг своего. Но Герат... Все пропало, если народ перестанет верить султану. Нужно все сделать для блага народа, пока султан еще слышит голос разума...»

Присмотревшись к Мусабеку, Навои узнал в нем того воина, который полгода назад, на берегу Мургаба, возвестил войскам Ахмеда о смерти Абу-Саида. «Храбрый воин и прямой человек», подумал Навои, встретив открытый взгляд черных глаз. Алишер несколько раз заговаривал с этим воином и всегда по-

лучал умные и дельные ответы. Особенно хорошо Мусабек разбирался в военных делах.

— Что, если Ядгар, выгнанный из Астрабада, повернет потом в наш тыл? — спросил как-то Навои.

— Собака никогда не пойдет по следам тигра и льва, — с горячностью ответил Мусабек. Потом добавил задумчиво: — Только бы не было собаки в собственном стане.

«Умен и честен, — снова подумал Алишер. — Хотелось бы оставить его при себе навсегда».

Однажды вечером по дороге в Герат Навои услышал, как Мусабек поет старинную песню:

Ой, хитер мой верный конь!  
Ты его камчой только тронь,  
В воду он пойдет и в огонь.  
Нет ему опасных путей,  
Равных ему нет лошадей.

Эту песню не раз пел старый Хашим. Навои долго слушал молча, боясь спугнуть певца. Когда тот кончил, он спросил:

— Кто научил тебя этой песне?  
Мусабек вздохнул.

— Мне пела ее девушка, лучше которой нет во всем мире. Я променял свою любовь к ней на войну. Думал, что право на любовь нужно завоевать, как завоевывают землю. Но годы идут, а я все не могу вырваться к ней. Вот и теперь. Шли мы в Астрабад, и сердце мое сжималось: застану ли ее там, ждет ли она меня, жива ли? Встретил я ее в Астрабаде, когда был еще в войске Абу-Саида. Прошло восемь лет, тогда ей было пятнадцать. Но я не имел ничего, кроме коня и кольчуги. Я — воин, и дело мое — война. Я ушел от Абу-Саида, потому что верил Хусейну. С тех пор я скитаюсь, воюю и жду. Может, счастье и придет. Ведь

она сама мне сказала: «В бою проверяются лучшие мужчины».

— Счастье твое придет, — ответил Навои. — И не является ли счастьем само ожидание его?

Эти слова пришлись по сердцу Мусабеку. Он повторил их, когда пришло время собираться в дальнейший путь. Завтра утром должны были прибыть в Герат.

А Навои долго еще думал об этом разговоре, о любви храброго воина к девушке, и мысли его перешли к давно задуманной поэме о великой любви, той, которую Низами запечатлел в своей поэме «Лейли и Меджнун». Но не только о любви хотел рассказать Навои. Он стремился показать, что нельзя принуждать к браку, что люди должны следовать велению сердца, что убить чувство — это значит убить человека. Он любил своих героев и видел их живыми. Когда он думал о них, у него сразу начали складываться строки стихов. Но как далеко еще было до того, чтобы начать писать такую большую вещь! Не только «Лейли и Меджнун» хотел написать Навои, но все пять поэм в ответ на пять поэм Низами. «Хамса», — когда же?! Разговор с Мусабекком о любви поднял со дна души все эти мысли и мечты.

И кто бы подумал, что государственный муж, едущий со столь важным поручением в столицу, в этот миг полон мыслями и стихами о любви!

На дороге все чаще попадались путники, всадники и караваны, двигавшиеся из Герата. Навои окликнул пожилого, степенного человека, ехавшего шагом на невысокой лошадке впереди нескольких верблюдов, навьюченных тюками.

— Достопочтенный, что слышно в Герате?

— О, господин, — почтительно сказал всадник, приложив руку к сердцу. — В столице больше нет

покоя. Я издалека вез свои товары, но повернул обратно, узнав, что творится в городе. Честному купцу нечего там делать сейчас. Гератские ремесленники возмутились и расправились с чиновниками. А я уезжаю подальше от греха. Мои товары везде пригодятся...

### ФИРМАН<sup>1</sup> СУЛТАНА

По Герату распространилась весть о прибытии Навои с фирманом султана. Город выглядел необычно: лавки были закрыты, многие улицы казались вымершими. Люди заперлись в своих домах. После нападения на казначейство восстание сурово подавлялось: городские власти приняли свои меры. Вооруженные стражники бросали в зиндан участников восстания и всех заподозренных в сочувствии к нему. У властей не было твердой уверенности, что восстание не повторится: в каждом доме притаились недовольные.

В пятницу утром глашатаи объявили, что эмир Алишер, хранитель печати и правая рука султана, выступит в главной мечети после соборной молитвы. С утра потекли по улицам толпы людей. Казалось, что в городе праздник. Но резкие возгласы, гневные взгляды говорили о том, что брожение не улеглось, что малейшая неловкость, неосторожное слово могут опять вызвать кровавую стычку.

Никогда еще Герат не видел такого скопления нищих: в рубище, босые, с непокрытыми головами и свисающими длинными волосами, они пронзительно выкрикивали молитвы, воздевая худые руки к небу.

<sup>1</sup> Фирман — указ.

Мастера цехов выделялись в толпе степенным видом и добротной одеждой. Их руки, привыкшие к работе, были празднично сложены на животе. В Герат прибыли и окрестные земледельцы; они медленно ехали по улице на верблюдах, ишаках и лошадях. Были в толпе и предатели, сторонники Ядгара. Они нарочно сеяли смуту. Вся эта пестрая, разноголосая толпа направлялась к соборной мечети, которая была переполнена.

Народ затих, как только на мимбар<sup>1</sup> взошел стройный человек среднего роста, в темном халате, с небольшой черной бородкой, обрамляющей лицо. Это был Навои. Он внимательно смотрел на столпившихся людей, на их лица, взбудораженные, враждебные, выжидающие, и особенно ясно понимал, что в эту минуту многое должно решиться. Нужно вызвать доверие к султану Хусейну; сейчас только это облегчит дальнейшую возможность действовать для блага народа. Он помолчал, сдерживая всех одним своим взглядом, потом заговорил спокойным, ровным голосом:

— Я прибыл в Герат прямо с поля битвы по велению султана Хусейна Байкары. Великий султан хочет сделать народ свой счастливым и богатым; он хочет справедливостью добиться процветания страны; он стремится оказывать помощь каждому, кто в ней нуждается.

Торжественно звучали слова Навои под сводами мечети. Это были его мысли, его мечты, обращенные к народу от имени султана. На мгновение замолкнув, Навои обвел присутствующих глазами и продолжал:

— Почему же покой столицы нарушен? Кто вино-

<sup>1</sup> Мимбар — возвышение в мечети, с которого священнослужитель произносил проповеди.

ват в происшедшем? Государственные мужи, недостойные своего звания. Власть султана подобна громадному шатру, крыша которого опирается на столбы. Худо, если эти столбы подгнили.

Навои заговорил страстно, изменив прежнему спокойному тону:

— Люди, которым была поручена забота о Герате, оказались грабителями. Вместо того чтобы обогащать народ, они набивали собственные карманы. В строительстве государства бывают тираны и защитники справедливости: одно дело, когда свинья взрыхляет почву, и другое — когда это делает крестьянин. Тот возделывает землю, а свинья своим рылом губит возделанное. Чиновники Герата совершили губительное деяние, обложив народ неправильными налогами. Они непрочь сожрать, как саранча, все, что попадется на их пути. И они будут сурово наказаны. Пусть народ знает их имена. Это ходжа Убайдаллах, ходжа Кутбаддин, ходжа Низамаддин Бахтиар.

Слова падали, как камни. Лица людей осветились радостью.

— Так вот с чем приехал к нам доверенный султана!

— Пусть живет многие лета эмир Алишер!

Одобрительные возгласы неслись со всех сторон. И тогда Алишер поднял руку и в полной тишине прочел фирман султана Хусейна:

— «Наше Абулгази султана Хусейна бехадура слово.

Да будет ведомо всему народу столичного города Герата...»

И дальше шли обещания снять все неправильные налоги, наказать виновных, освободить участников восстания. Радостный гул покрыл последние слова

фирмана. Навои кончил, поднял бумагу высоко вверх и посмотрел вокруг. Его внимание привлек высокий худой старик в зеленой чалме, с лиловато-седой бородой, громко воскликнувший:

— Справедливому всегда будет место на земле и на небе. Я, старик, кланяюсь вам, молодой человек.

И этот поклон простого ремесленника обрадовал Навои больше, чем если бы ему поклонился сам султан.

Мир был восстановлен. В праздничном настроении народ расходился по многочисленным улицам Герата. Среди людей, чувствовавших себя особенно счастливыми, был Мусабек, поклявшийся мысленно, что отдаст, если нужно, жизнь за эмира Алишера, проявившего к нему столько внимания. К тому же в этот день произошла его встреча с братом. Салим, оказывается, улизнул из-под носа тюремщика, прежде чем его бросили в тюрьму. Услышав о собрании в мечети, он прибежал туда и сразу узнал Мусабека. Братья решили не расставаться, и Мусабек испросил разрешения у эмира Алишера взять его с собой.

— Он юркий и быстрый, он будет ходить в разведку.

### В САД ЗАГАН ЛУЧШЕ ОТПРАВЛЯТЬСЯ НОЧЬЮ

Народ был доволен султаном, но жало ненависти пронзило сердца многих вельмож. Свергнутые чиновники имели большую родню, немало бексов насчитывалось в ней. Потерять расположение бексов было очень опасно: на них держалась военная мощь.

Разбив Ядгара, султан Хусейн вскоре вернулся в Герат и был радостно встречен народом. Но под внешним спокойствием в городе скрывалось брожение. Обиженные вельможи тайно связались с Ядгаром, по-

сылали ему письма с выражением преданности и согласия поддержать его.

Под видом купцов с караванами из Герата было отправлено много переодетых наемных воинов. Они посланы были на помощь Ядгару: им надлежало провести его к Герату не по главным, хорошо охраняемым путям, а боковыми тропами.

Город внезапно оказался в окружении врагов. Войска Ядгара подошли к столице. Когда это стало известно Хусейну, оставался свободным один лишь выход из города. Султан вызвал к себе Навои.

Летний вечер тихо угасал. Неподвижно стояли деревья в дворцовом парке. Хусейн повлек Алишера в тенистую аллею и взволнованно сказал:

— Только что мне донесли, что отряды Ядгара подступают к Герату с трех сторон. Среди наших беков оказались предатели. Они сняли нашу разведку. Ядгара просто привели сюда по расчищенному пути. Сейчас мы можем выйти только через юго-западные ворота. Если будем медлить, то, возможно, потеряем и этот выход. Но я не боюсь. Клинок моего меча уже осветил своим блеском весь мир. Я могу принять сражение в Герате. Думаю, что мы выдержим и осаду. Вопрос: стоит ли? Вот о чем я прошу вас подумать вместе со мной.

Навои живо ответил:

— Я предвидел возможность предательства. Но любовь и признание народа гораздо важнее, чем ненависть нескольких подлых изменников. Как сейчас действовать?.. Я считаю, что лучше осаждать, чем быть осажденным. Мы уйдем из Герата сейчас же, и наша поспешность вызовет у врага впечатление, что мы слабы. А мы, собрав силы и выбрав удобное время, нанесем ему верный удар.

— Мне хочется поскорее раскрыть слово Ядгара, позорящего наш род, и все же я найду силы сдержаться. Я готов склониться к вашему решению. Призовите беков в зал совещаний, но так, чтобы никто из них не знал, для чего их собирают.

В небе зажглись уже первые звезды, когда беки пришли на совет. Хусейн принимал их одетым в боевые доспехи, опираясь на меч, готовый к бою. Все переглянулись, увидев наряд султана. Хусейн остро всмотрелся в лица и сразу заметил отсутствие трех крупных военачальников.

— А! — закричал он. — Псы поджали хвосты и бегут к своему новому господину, купившему их жалкой подачкой.

Затем Хусейн объяснил бекам, зачем он их созвал, и закончил так:

— Вам, пришедшим сюда, говорю: кто будет служить мне верой и правдой, тот может быть уверен, что с ним я разделю добычу и славу по справедливости. Кто же не чувствует ко мне доверия, пусть немедленно покинет меня. Я отпущу; я не боюсь никого!

Тогда вышел вперед старый бек, хорошо помнивший еще отца Хусейна, не раз пировавший в их доме в былые годы, и сказал:

— Мы принесем клятву на коране. Если мы изменим своему слову, пусть небо жестоко покарает нас. Если же не веришь, то — вот меч. — Бек отстегнул свой тяжелый меч, срезавший не одну вражескую голову. — Убей нас.

Среди явившихся беков был Музаффар. Он стоял сумрачный, подавленный. Противоречивые чувства владели им. Его ненависть к Навои возросла. После выступления в мечети Алишер стал знаменит. Народ называл его «благословенным», «совершенным», «сре-

дотоцием достоинств», «светочем разума», «приютом сердца» и «садом жизни». Музаффар злила скромность, с которой Навои принимал свою славу. Ему было бы приятнее, если бы тот зазнался. Но, с другой стороны, Музаффар не хотел расставаться с Хусейном. Они провели вместе все боевые годы. Музаффар честно служил Хусейну, и султан сдержал свое слово: барласский бек получил под Гератом несколько прекрасных участков земли; там уже начал разбивать сады и строить дворцы. Помешала война с Ядгаром. Музаффар презирал мятежного царевича, он не верил в прочность его победы, и это тоже было одной из причин, по которой он не хотел расстаться с Хусейном.

Музаффар твердо произнес слова клятвы.

Через час в ночном сумраке войска Хусейна покидали Герат.

— Я знаю Ядгара. Лукавый, изнеженный, он не удержится долго в Герате, — говорил Хусейн, прислушиваясь к топоту конницы, идущей впереди. Твердой рукой сдерживая фыркающего коня, султан наклонился к Навои и продолжал:

— Он пьяница и грабитель, слабый и жадный человек.

— Да, такой не должен быть правителем государства, — уверенно сказал Навои.

\* \* \*

Султан Хусейн со своим войском укрепился в местности Меймене. Воины часто ходили в глубокую разведку по направлению к Герату. Вскоре стало известно, что Ядгар объявил себя султаном; его восше-

ствие на престол было пышно отпраздновано. Хусейн вскипел, когда узнал об этом, но Навои настаивал:

— Нужно выждать еще, прежде чем ринуться в бой. Пусть народ сам увидит, к чему приводит управление Ядгара.

Музаффар, узнав о том, что Ядгар объявил себя султаном, поступил совсем иначе: он повсюду говорил о необходимости скорейшей осады Герата, повторял, что промедление может быть воспринято зазнавшимся врагом как трусость. А в глубине души он начал колебаться: если действительно власть Ядгара утвердится, не перейти ли к нему?

Однажды из разведки вернулся Мусабек.

Был ранний утренний час. Мусабек стремительно подошел к двери в спальню султана и сказал рабу, стоявшему на страже, что ему необходимо увидеть султана немедленно. Огромного роста слуга, вооруженный кривым мечом и длинным кинжалом, встал на пороге комнаты:

— Не пройдешь.

— Я скорее уберу тебя из этого мира, чем отступлю, — гневно сказал Мусабек. — Промедление в минуту может погубить все дело.

— Не могу пропустить тебя, — повторял слуга. — Утром первым к владыке мира входит великий бек Музаффар.

При этом имени вся кровь бросилась Мусабеку в лицо: он давно подозревал бека в предательстве. Неизвестно, чем кончился бы разговор с слугой, но в эту минуту вошел Навои.

Заря покрывала полнеба, и муэдзин<sup>1</sup> поднялся на

<sup>1</sup> Муэдзин — лицо, возвещающее с минарета о начале богослужения.



минарет. Нужно было спешить, каждую секунду мог притти Музаффар. Мусабек бросился к Навои и что-то быстро ему прошептал.

— Да, — сказал Навои, — лучше всего будет, если вы сами сообщите об этом султану, прибавив, что никто, понимаете, никто об этом еще не знает. Скажите, что я пропустил вас к нему; я шел по важному делу, и прошу тотчас же после вас принять меня, — подчеркнул Навои.

Мусабек проскользнул в дверь, бесшумно открытую перед ним по знаку Навои. И в то мгновение, когда она закрылась, с противоположной стороны в комнату вошел Музаффар. Навои поспешил ему навстречу; они обменялись обычными поклонами, и Навои предложил ему выйти в сад.

— Око вселенной, великий султан, дурно спал эту ночь. Мне известно, что таиб запретил сегодня нарушать его покой.

Музаффар зло сверкнул глазами и, поклонившись, молча ушел.

Навои посмотрел на розовеющее небо; его лицо тоже порозовело от утренней свежести. Строки стихов рождались сами собой: «Здесь люди забывают мир и забывают боль утрат...» Хотелось взять в руки перо и писать. Но призывали дела, требующие немедленного участия. Навои вздохнул и, все еще улыбаясь чему-то своему, прошел в покои султана.

Хусейн, как всегда в минуты волнения, крупными шагами ходил по ковру. Едва дослушав приветствие Навои, он горячо заговорил:

— Ходят слухи, что воины Ядгара в Герате творят беззаконие. Но не в этом дело. Мирза Ядгар Мухаммед предается удовольствиям, пьянству, играм. Для этого ему нужны большие деньги, кото-

рые его наемники забирают, у кого им вздумается. За неповиновение они убивают. Храбрый Мусабек, наш разведчик, переодевшись в платье мясника, побывал в Герате; заходил в дома, кабаки и мечети; бродил подле тюрьмы и даже пролез на дворцовую кухню. Власть Ядгара колеблется. Нужно немедленно выступить в поход. Настало время. Позовите сюда Музаффара!

— Да, пора, чтобы подданные, порученные вам аллахом, освободились из когтей страдания, великий султан, — начал Навои спокойно. — Все, что вы говорите, это чистое золото правды, но если бы вы не говорили даже со мной об этом, было бы еще лучше.

Хусейн нервно погладил щеки и бороду смуглой рукой в перстнях и бросил на Навои подозрительный взгляд.

— Каковы причины столь усиленной осторожности? — резко спросил он.

— Необходима крайняя бдительность. Вся задача в том, чтобы застать врага врасплох, пока он не соберет силы. Вас ли, султан, мне учить этому...

— Да, но Музаффар... — Хусейн замолк под вдумчивым взглядом Навои. И тут впервые сомнение в Музаффаре охватило султана Хусейна.

После этого разговора Музаффару был отдан приказ срочно собирать войска. Хусейн сам следил за сборами. Настойчивые расспросы Музаффара о цели похода он оставил без внимания. А уж, если Хусейн чего-нибудь не хотел говорить, его никак нельзя было заставить.

Отдохнувшие и повеселевшие воины радовались ковому походу.

— Кровь застоялась в жилах, пора ее разогнать.

— Наши стрелы заржавели...

— Конь мой забыл, как летать по холмам и долинам...

Воины чистили кольчуги, броню для коней, прилаживали расписные, украшенные бляхами седла. Особенно нарядны были кони в сотне Мусабека. Он никогда не забывал своих всадников, доставал для них все самое лучшее, но требовал от своего отряда беззаветной храбрости и преданности, сам подавая им пример. Когда собралось войско, Мусабек осмотрел ряды. Он знал, что в каждой сотне есть надежный человек, который сообщит о предательстве, если заметит его.

Двигались быстро, бесшумно. Барабанная дробь была запрещена, чтобы ни единый звук не возвещал о прохождении войск. Хусейн за весь путь не проронил ни слова. И только, когда явился посланец от Бике-бегум и сообщил, что она дурно почувствовала себя от быстрого передвижения, он сказал:

— Пусть остается там, где ей сделалось дурно. Легче будет и нам двигаться, не слыша женских криков.

Но упрямая султанша, услышав такой ответ, наперекор воле Хусейна, двинулась дальше, призывая аллаха в свидетели своей горестной жизни.

Так дошли до селения Ленгербукан. Скрывать далее цель похода было невозможно. Хусейн созвал совет беков и везиров и посвятил их в свое намерение взять Герат. Это вызвало бурное одобрение всех. Начали обсуждать, когда лучше это сделать: днем или ночью. Первым взял слово Музаффар.

— Прежде всего нужно обезвредить непокорного мирзу Ядгара и его приспешников, живущих в саду Заган. В полдень, когда все дома пусты, а люди спасаются от зноя в парках у фонтанов, нужно ворваться туда, занять дворцы и захватить всех в плен.

Предложение Музаффара понравилось многим.

Но тогда заговорил Навои:

— Это предложение неправильно, и я удивляюсь, что его сделал такой опытный воин.

Музаффар вспыхнул и дернул себя за кончик черной бороды. Беки и вельможи зашептались, склоняясь друг к другу.

— Я хотел бы просить объяснения этим словам! — запальчиво крикнул Музаффар.

— Умный понимает смысл слов, — ответил Навои словами старой поговорки и продолжал, постукивая перстнем о ларец с бумагами, стоявший перед ним. — Лучше отправиться в сад Заган ночью, когда все спят. Днем нас заметит любой бродяга и донесет Ядгару. Захватчик успеет собрать войско. Это повлечет за собой лишнюю кровь. Не стоило соблюдать такую осторожность, чтобы нарушить все в последнюю минуту. Нет. Под страхом смерти все должны хранить тайну до ночи. А тогда внезапно войти в сад Заган. Предположим и другое, мало возможное: враг сможет дать отпор; тогда ночью, под завесой мрака, нам легче будет скрыться, спасти жизнь наших воинов и свою.

Одобрительный гул голосов встретил это предложение. Хусейн присоединился к нему и приказал распределить обязанности. Рядом с Музаффаром сидел Али Сании, хитрый вельможа и плохой поэт. Алишер не раз сурово критиковал его стихи. Сании во время речи Навои шептал что-то Музаффару. Когда беки распределили свои места в предстоящем походе, он сказал притворно-сладким голосом:

— Завтра в бою, когда ударят в мечи, станет всем известна сила руки эмира Алишера.

Все поняли злую шутку Сании, намекавшего на то, что Алишер обычно в боях не участвовал.

Навои с достоинством молчал, но про себя твердо решил: «Сании будет наказан». Когда Алишера волновали мелкие человеческие чувства, он всегда призывал на помощь разум, чтобы их уничтожить. Но тут, унижая его достоинство, Сании хотел повредить общему делу.

### МЕЧ НАВОИ

После совета в Ленгербукане были выделены восемьсот отборных всадников. Им надлежало занять Герат. Коня мчались с необыкновенной быстротой. Пики всадников казались чашей деревьев или черным железным дождем. Музаффар и Навои скакали по обеим сторонам Хусейна. Музаффар был увлечен походом и снова видел впереди только одну цель: завоевать Герат. «Султан Хусейн поймет, наконец, кто настоящий воин, — кичливо думал он. — Нам нужны воины, а не дервиши».

С наступлением вечера всадники пошли значительно тише. Местность стала холмистой. С обеих сторон поднялись горные кряжи. Часто приходилось пробираться гуськом.

Хусейну было известно, что здесь, в одной из пещер, вырытых в горе, живет старый шейх Баба-Хаки. Он приказал всем остановиться, а сам, никому не говоря ни слова, двинул своего коня шагом к пещере шейха. Навои догадался, куда поехал султан: они не раз говорили о мудром Баба-Хаки, который живет

на перекрестке войн и бедствий, сохраняя спокойствие души и мудрость ума.

Над пещерой нависла скала.

Хусейн спешился и хотел, нагнувшись под темным сводом скалы, войти в пещеру, но тут на пороге показался сам шейх. Восьмидесятилетний высохший старик держался еще прямо. Зимой и лето ходил он в одном и том же грубом шерстяном платье и войлочной шапке. На босых ногах с кривыми от старости пальцами вздулись вены. Сухие, корявые руки сжимали высокий посох. В глубоко сидящих темных глазах светилась живая мысль. Некогда шейху принадлежали многочисленные отары овец и плодородная земля в долине реки Мургаб. Он все роздал и с молодых лет довольствовался самым необходимым.

— Мир вашему дому, — почтительно сказал Хусейн, целуя руку старику.

— Войди, падишах, я ждал, что ты придешь. Новые войны истощают страну. Когда же будет конец этому? — сурово спросил старик.

— Видит аллах, я не хочу воевать. Но шакалы, недостойные носить имя потомков Тимура, разоряют страну. Жалкий Ядгар при помощи изменников захватил власть в моей столице и растаскивает вместе с наемниками наши богатства, грабит и притесняет народ. Благословите, отец, на священную битву с врагами.

Баба-Хаки произнес молитву и благословил Хусейна.

Султан, радостный и благодарный, склонился к руке старика, вскочил на коня и, полный уверенности, поскакал к своему войску.

Глубокой ночью в местечке Джуздук-Чашма, подле самого Герата, снова остановились.

— Хорошо бы послать в разведку верных людей. Нужно раздобыть «языка», — предложил Навои.

Вызвался Мусабек, всегда готовый выполнить все, что связано с опасностью. С ним поехало еще двое джигитов. Они очень скоро вернулись, поймав человека, едва державшегося на ногах.

— Герат спит, — сообщил тот и свалился в пьяном сне.

— Вот опора Ядгара, — презрительно молвил Хусейн.

Решено было войти в Герат с четырех сторон сразу. Всадников разбили на отряды.

Под защитой ночи бесшумно вошли в город. Стражники у ворот не успели крикнуть, как им сдавили шею и заткнули рты. Мягко цокали копыта коней по пыльным улицам Герата. Мирные жители крепко спали, а если кто и просыпался от неясного шума, то тут же засыпал, подумав: «Э, чего только в Герате не бывает! Лучше и вида не подавать, что слышишь».

Ночью раскрылись чашечки бесчисленных цветов, пахнувших сильно и нежно. Ветер покинул сады, и деревья стояли в аллеях, как недвижимые стражи. Звезды подчеркивали черноту ночи. Давно замолкли нестройные пьяные голоса и музыка, несшиеся из дворца в сад Заган, где Ядгар веселился со своими приближенными. В эту темную августовскую ночь Ядгар был спокоен. Незадолго до того его тетка Паянда-Султан-бегум, властная, решительная женщина, управлявшая вместо него Гератом, призвала колдуна, предсказавшего: пусть боится лунных ночей; в темную ночь ничего дурного не случится.

В полной тишине подъехали всадники Хусейна к дворцовому саду Заган. Там спали многие вельможи. Почти всех их удалось схватить и связать бесшум-

но. На женской половине дворца поднялся крик; но и женщин успокоили, пообещав им жизнь, если они замолчат.

Оставалось войти во дворец султана, стоящий на высоком холме и окруженный крепкой стеной.

— Там, должно быть, таится опасность, — сквозь зубы пробормотал Музаффар. — Никто не отважится пойти туда сейчас. Надо ждать рассвета. Каждый камень может быть засадой. Герат теперь наш, и мы можем спокойно ждать.

— Герат наш, но опасность растет с каждой минутой, пока мы не взяли Ядгара, — сказал Навои, и голос его прозвучал сурово.

Хусейн молча ждал. Он предоставил своим бекам самим решить, кто первым поднимется во дворец.

— Наши воины отважны, — громко заявил Музаффар. — Никто не посмеет обвинить их в трусости. Но решится ли кто-нибудь из них подняться вверх?

Воины молчали. Тогда Навои обратился к Хусейну:

— Я прошу позволить мне подняться во дворец.

— Вы пойдете один? — беспокойно спросил Хусейн.

— Если придется — пойду и один, — ответил Навои.

Он сошел с коня, передал его находящемуся рядом с ним нукеру, вынул меч из ножен и, опираясь на него, как на палку, медленно начал подниматься вверх.

— Вот теперь мы увидим, как он действует мечом, — ехидно шепнул Сании Музаффару.

— Молчите, — раздраженно отмахнулся тот.

Он понял, как много выиграл Навои в глазах Хусейна и всех воинов своим смелым поступком. Почти

тотчас же за Навои последовали нукер Кул-Али, пешотинец Хаджи-Али и Мусабек.

Когда они поднялись, дворец был объят тьмой и сном. В огромных залах они натыкались на ковры и подушки, опрокинутые кувшины. Только в одной из комнат было светло.

Даже при тусклом свете двух догоравших свечей можно было заметить, как хороши ковры, украшавшие комнату. На ковре спала красивая девушка, полуприкрытая атласным одеялом. Огромная шкура леопарда лежала у подножья широкого ложа.

На шкуре, лицом вниз, спал человек. Он держал в руке кубок в форме полумесяца, как бы подавая его кому-то. Кубок слегка наклонился, и красное вино забрызгало голубой ковер, покрывавший ложе. Там лежал красивый молодой человек. Его яркокрасный халат из бухарского шелка был заткан золотом. Бриллиантами усыпаны кольца и огромный султан его чалмы, сбившейся набок. Круглые нежные щеки порозовели. От длинных ресниц на них ложилась тень. Большая пушистая кошка, свернувшись, спала у его ног. Навои тут же понял, что это и есть Ядгар.

— Тише, — шепнул он сопровождавшим. — Нужно схватить их и обезоружить раньше, чем они просятся.

Когда Ядгар увидел, в чьих он руках, он задрожал. Лицо исказилось. Вся красота его исчезла. Навои не пожелал вступать с ним в переговоры. Его охватило чувство гадливости: «Вот этот хотел владеть Гератом!»

— Повесить ему на шею колчан и саблю, как полагает побежденному, — коротко приказал он войнам.

Ядгар упирался, пробовал протестовать, кричал, что он потомок Тимура.

— Тот, кто сеет смуту, достоин самой низкой участи, — только и ответил ему Навои.

Ядгара приволокли к ногам коня султана. Хусейн смотрел сверху на свсего мятежного родственника, на его круглые от страха глаза, на испачканный в пыли нарядный халат.

Занималась заря. В ее свете можно было видеть белые дома Герата, круглые площади, стройные минареты. Навои глубоко вздохнул: «Вот он снова в своем городе, в родном Герате, за который готов отдать жизнь. Здесь, недалеко, стоит дом, в котором протекло его детство... Там в конце Хийябана живет учитель и друг — Джами... Хотелось бы сделать этот город прекрасным, великим...»

— Ну что же, — сказал Хусейн, — пора возвестить народу, что султан Хусейн вернулся с победой. А этого... — Хусейн мрачно посмотрел на Ядгара, — убить, как собаку.

Рука война, получившего приказание, была крепкой, как сталь его клинка. Голова Ядгара покати-лась, оставляя позади себя струю крови.

— Показать голову народу, — приказал Хусейн. — Пусть знают, что такая участь постигнет всех мятежников.

В тот же день по тайному приказу Паянды-Султан-бегум был казнен колдун, предсказавший Ядгару спокойствие в темную августовскую ночь.

## ПЕРВЫЙ ВЕЗИР

Февральское, нежаркое солнце встало за окном. Окна спальни Навои выходили на восток. Навои

очнулся после короткого крепкого сна. Накануне до глубокой ночи длился пир в его доме по поводу назначения его первым везиром.

Незадолго до этого события у Навои с Хусейном произошел разговор.

— Разве я и так не служу султану и народу? — спросил Алишер.

— Всякое служение должно быть облечено властью, — возразил Хусейн.

— Но и поэт борется со злом. А у вас есть помощник — барласский бек Музаффар, он ведь из того же племени, что и Тимур.

Лицо Хусейна омрачилось, взгляд узких черных глаз сделался колючим. Руки нервно перебирали янтарные четки.

— Я устал от его притязаний. Нужно уравновесить его власть. Более подходящего человека, чем вы, нет.

Разговор был окончен. Противоречить далее — значило навлечь на себя гнев Хусейна. К тому же власть давала больше возможностей заботиться о народе.

Через несколько дней вышел указ о назначении Алишера везиром. Двери его дома в этот день совсем не закрывались; во всех комнатах и в саду толпились люди, пришедшие поздравить нового первого везира. Тут было много друзей, но были и недруги, прикрывавшие лживыми улыбками свою зависть и ненависть. Особенно остро воспринял это назначение Музаффар, боявшийся, что теперь султан не станет отдавать ему треть всех земель; он знал, что Алишер будет отвоевывать их для народа. Может быть, в этот день и началась у Музаффара болезнь печени, которая вскоре свела его в могилу. Все же барласскому беку не только пришлось явиться в дом Навои, но и

присутствовать при вручении сопернику подарков султана.

Хусейн послал Алишеру синий, шитый золотом халат везира и белоснежную чалму.

Навои с достоинством облачился в новые одежды, торжественно приложил к лицу фирман султана о назначении и, свернув его трубкой, всунул в чалму. Так он должен был, по обычаю, пронести фирман три дня.

Сославшись на болезнь, Музаффар вскоре удалился к себе. Постепенно разошлись и все официальные гости. Навои остался в кругу друзей. Сам Джами почтил его своим присутствием.

До глубокой ночи сидели они, изошряясь в сочинении стихов по случаю торжества.

— Пожалуй, довольно стихов, — сказал, наконец, Навои. — Дадим нашему слуху насладиться музыкой.

И пир закончился музыкой.

\* \* \*

Когда Навои был готов идти в диван, ему подвели нового коня. Старый охромел, участвуя в праздничных скачках. Мусабек, который теперь управлял всеми именьями Навои, долго выбирал лошадь для своего любимого хозяина. Один конь, прекрасный с виду аракалак, быстро слеп от солнца, другой терял способность бежать, если его резко останавливали на ходу, третий был низкоросл. Наконец Мусабек выбрал гнедого коня — любимой масти Навои.

В диване почти все были в сборе, когда явился Алишер.

Он не хотел приходить первым, чтобы его не запо-

дозрели в желании подчеркнуть, что он правая рука султана.

Держался он просто и вежливо, как всегда. Большинство присутствующих оказывало ему подчеркнутое почтение.

Султана Хусейна пришлось долго ждать. Он с раннего утра следил за полетом голубей. В тот момент, когда забава ему уже прискучила, показался ястреб; огромный черный хищник налетел на белоснежную стаю. Но голуби оказались хитрее: они взлетели высоко в небо, так что снизу казались роем мух. Ястреб сделал несколько усилий подняться так же высоко и, не достигнув цели, улетел, свирепо размахивая крыльями.

Хусейн не мог оторваться от интересного зрелища, и лишь когда голуби вернулись живыми и невредимыми, ушел во дворец. Весь еще полный впечатлений от недавней забавы, он весело осмотрел собравшихся, окруживших везира кольцом.

«Ну, прямо ястребы и голубок, — думал он, и сейчас же поправил себя: — Нет, какой он голубь? Во все он не голубь».

Навои тоже внимательно осматривал всех. Это были люди, с которыми ему отныне нужно было вместе управлять страной. Вот, например, ходжа Салим, человек непритязательный, любивший на праздниках петь застольные песни и пить кучук<sup>1</sup>. Вот Мезид-бек. Вот знаменитый Омар-бек, некогда конюший Абул-Касима Бабура, энергичный и волевой, но скупой и жадный; лестью всегда можно было купить его расположение. А вот милый сердцу Навои Хасан-ибн-Ардашир, назначенный беком в тот же

<sup>1</sup> Кучук — напиток, напоминающий бузу.

день, что и он везиром. Навои относился к нему с сыновней почтительностью и называл его лучшим из всех. Хасан-ибн-Ардашир писал стихи и больше всего любил науки и литературу. В молодости он много пил и веселился, но теперь наслаждался лишь вином чистой поэзии и дружбой с Джами и Навои.

А вот Музаффар. «Чего он хочет? — думал Навои, глядя на сумрачное лицо, на голые морщинистые щеки везира. — Во время войны с Ядгаром я смотрел сквозь пальцы на его колебания в верности Хусейну. Посмотрим, что будет дальше...»

Мысль о предстоящей борьбе придавала силы. Сейчас, пока Хусейн еще с ним, нужно сделать поскорее все то хорошее, что задумано. Султан переменчив, кто знает, что завтра взбрдет в его голову, кто станет его любимцем. Слишком уж много сложного в управлении государством. Для счастья народа надо уметь порой отказываться от собственного блага. Надолго ли хватит доброй воли у Хусейна?.. Да и есть ли она у него?

— Какие дела будут предложены сегодня нашему вниманию? — торжественно спросил Хусейн.

Музаффар степенно начал докладывать. Быстро были просмотрены проекты построек новых медресе. Мысль об этом принадлежала Навои, и в докладе Музаффара чувствовалось тайное несогласие. Он не говорил прямо, но пытался опорочить зодчего. Когда он замолчал, Навои взял слово:

— Я знаю этого зодчего. Он немало способствовал славе Герата и еще послужит нам. Чертежи правильны, нужно немедленно приступить к стройке. У этого зодчего к тому же есть обладающий многими умениями сын, тоже бывший строитель, ныне поэт, по прозвищу Беннаи. Это одаренная семья, ее нужно поддержать.

Все согласились с Навои. Далее рассмотрели два спорных судебных решения, потом перешли к назначению на новые должности. Султан Хусейн издал приказ о новом правителе Мешхеда. Приказ должны были подписать все везиры.

Первым подписывал по рангу новый везир — эмир Алишер. Наступила волнующая минута. Семья Алишера была из высшей чиновничьей знати, служившей роду Тимура, но по происхождению ниже, чем большинство присутствующих. У каждого промелькнула мысль: «А теперь он над нами глава. Навои будет первым ставить свою печать на приказах султана».

Алишер читал в мыслях везиров с поразительной ясностью. Музаффар, мрачно улыбаясь, передал ему фирман. Навои усмехнулся, очень изящным почерком вывел в самом низу свою подпись и поставил печать; ниже уже никто не мог расписаться. Этим он показал, как противно ему всякое местничество, как презирает он внешнюю форму власти. Хусейн, все время ожидавший необычайного от Навои, посмотрел на всех торжествуя. Фирман переходил из рук в руки и, наконец, дошел до Хасан-ибн-Ардашира. Тот сказал:

— Теперь каждый будет считать за честь ставить свое имя ниже всех.

И небрежным своим почерком вывел подпись рядом с подписью Навои.

### ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК

В гератском саду Навои многое напоминало сад самаркандского друга и учителя Абуллейси. И прозрачный водоем, и розовые клумбы, и перепутанные

тропинки, уводящие неизвестно куда. Теперь, когда миновали годы бедности, Навои охотно воскрешал воспоминания о лучшем, что было когда-то. Он навсегда сохранил любовь и преданность к Абуллейси за ласковое участие, за знания, которыми тот так щедро делился с ним. Навои рад был каждому случаю оказать своему учителю какую-нибудь услугу. И тот, в свою очередь, вечно о ком-нибудь заботившийся, часто обращался к Навои. Большой частью просьбы его сводились к тому, чтобы Навои оказал гостеприимство какому-нибудь паломнику, направляющемуся из Самарканда в Мекку через Герат. Получив письмо от Абуллейси, Навои сразу же отдавал распоряжение готовить помещение для гостей. И уж непременно каждый из вкусивших гостеприимство Алишера, попав в его сад, восхищенно восклицал: «Как все напоминает здесь сад нашего учителя!»

— Да, я сохраняю о нем добрую память. В его саду я узнал многое о человеке и его законах. Ходжа Абуллейси научил меня великой истине:

И что бы ни приключилось, улыбкой встречай беду.  
Познавший судьбы упорство упорнее стал во сто крат».

Эти строки были написаны Навои в бедственные дни. Он повторял их очень часто и себе и другим; они побуждали к действию, вызывали желание творить. С этих строк началась его дружба с человеком, который принес ему много радости своими талантами, но и много горя своим дурным характером.

Навои любил прогуливаться незамеченным по улицам Герата, послушать, о чем говорит народ, посмотреть, как он живет. Строительство новых зданий все разрасталось. Не было ни одного пустыря, где бы не воздвигался дом. То это богатый вельможа умножал



свой владения, то это сооружалась новая мечеть. Но больше всего строилась школ; больниц, караван-сараяв, которыми Навои решил застроить город.

Седобородые старики, юноши с едва пробивающимися усами, коренастые крепкие мужчины, взваливающие на спину огромные мешки с кирпичами или длинные деревянные доски, с раннего утра до вечерней молитвы работали на строительстве. Со скрипом подъезжали к месту стройки высокие двухколесные арбы, подвозя дерево, краски, камни...

Иной раз на улицах Герата можно было встретить и слона. Грустно опустив хобот, но не теряя своего достоинства и в рабстве, он переносил на спине огромные мраморные плиты. Тут же, поднимая еще большую пыль, проезжали всадники и текла пестрая людская толпа.

Однажды Навои, остановившись, долго наблюдал за штукатурами, которые орудовали своими лопатками так же бойко, как орудовали и их языки. То и дело слышались крепкие шутки, ругательства, относившиеся ко всем и ни к кому. Порой в их речь врывалась вдруг стихотворная строчка. Навои узнал среди них и свою газель, сильно перевернутую, правда. Усмехнувшись, Навои вспомнил случай, некогда бывший с Хусейном. Султан любил в первые месяцы своей власти проходить по улицам Герата переодетым в одежду дервиша, чтобы узнать, что говорят о нем в народе. Однажды шел он мимо такой же стройки и услышал искаженные строчки своих стихов. Со свойственной ему горячностью он подошел к свежештукатуренной стене одного дома и начал камнем царапать штукатурку. «Что ты делаешь, сын змеи? — завопили штукатуришки. — Зачем ты портишь этот

новый дом?» — «А зачем вы портите мои стихи?» — ответил Хусейн, и тут же прочитал их, как надо.

Неподалеку от достраивавшегося здания рыли землю для фундамента новой стройки. Сухая земля с трудом поддавалась лопатам. Работавшие подбадривали себя выкриками и проклятьями. По их запыленным смуглым лицам и шеям катился пот. Тут же прохаживался невысокий молодой человек в небрежно повязанной белой чалме, как видно, начальник строительства. Он привлек внимание Навои своим умным лицом, живыми острыми глазами. Он брезгливо смотрел на работавших и быстро отдавал распоряжения; до Навои донеслось:

— Глубже, глубже копайте. Какой высоты минарет строится, такой глубины и яма роется. Запомните!

И он начал подробно объяснить, как лучше работать. Он говорил точно и понятно для простых людей, часто вставляя в свою речь острую шутку на самом бойком гератском наречии. Такие шутки позволяли себе обычно лишь те, для кого не было никаких тайн ни на улице, ни в питейных домах. Его острый язык вызывал улыбку, сгонял усталость с лиц, и работавшие живее принимались за дело. Вот на чей-то вопрос он ответил в рифму, так что получился остроумный бейт, вызвавший всеобщее восхищение. Бейт быстро подхватили. Те, кто стоял рядом, передали его работавшим поодаль. Остроумная рифма заставила смеяться всех. Тогда Навои, обращаясь к автору нежданно родившегося бейта, сказал:

— Однако в Герате, как я вижу, стихи создаются на лету, за любым делом.

Молодой человек резко повернулся к Навои и стал всматриваться в него своими острыми черными глаза-

ми; две морщинки у губ придавали язвительное выражение его улыбке.

— Да, искры поэзии носятся здесь в воздухе, отлетая от такого столба пламени, как вы, эмир Алишер.

В этот момент какой-то каменотес с грузом на спине, проходя по земляной насыпи позади молодого человека, задел локтем его чалму.

— Эй, эй, поосторожней там! Твои руки недостойны касаться моей головы.

— Напрасно горячитесь так, — вмешался Навои, — ведь этими руками строится дом.

— А не будь этой головы, был бы ли он выстроен, — немедленно отпарировал молодой человек.

Навои рассмеялся.

— Да, одно дополняет другое. Так все в мире многосторонне. Как говорит Аристотель... Но, впрочем, это несправедливо, — перебил он сам себя, — вы меня знаете, а я вас нет. Хотелось бы узнать ваше имя и звание.

В голосе Навои было столько расположения, лицо его было так приветливо, что даже колючий взгляд молодого строителя стал мягче.

— Охотно, эмир, отвечу вам на это. Меня зовут Кемаль-ад-Дин-ибн-Мухаммед-ал-Хереви. Я зодчий и сын зодчего.

— Как говорится, ремесло отца сыну свойственно. Но такому, как вы, молодцу и тысячи ремесел к лицу, — пошутил Навои.

— Смею думать, что я также поэт. Мой тахаллус<sup>1</sup> Беннаи. Зовите меня этим коротким именем, эмир Алишер.

<sup>1</sup> Та х а л л у с — поэтическое прозвище, соответствующее современному понятию — псевдоним.

Между тем солнце садилось. С минарета раздался знакомый возглас, призывавший к вечерней молитве. Работы кончались. Вечер обещал прохладу.

— В моем доме готов ужин, — сказал Навои. — Не откажите разделить его со мной.

И Беннаи с неожиданной для себя самого охотой согласился.

Они медленно двинулись, с наслаждением вдыхая вечернюю прохладу. Беннаи был разговорчив и кроток, как никогда. Он говорил о том, как трудно ему живется, о том, что он не любит своего ремесла, потому что голова его полна стихами. Он, как одержимый, всегда что-нибудь сочиняет. В его рассказ то и дело врывались строчки стихов, и Навои был поражен виртуозным мастерством молодого поэта. Попутно Беннаи выказал много знаний по разным наукам, о которых заходила у них речь. Он жаловался и на своего отца, скупого, недоброго человека, который требовал, чтобы сын бросил учение в медресе. Беннаи приходилось урывками, после трудного дня на строительстве, слепить глаза над книгами, которые с детства были его страстью. Вот тут-то Навои и привел строки своей газели:

И что бы ни приключилось, улыбкой встречай беду.  
Познавший судьбы упорство упорнее стал во сто крат.

Трудно рассказать, что сделалось при этом с Беннаи. Он проявлял восторг так же необузданно, как и желчное недовольство.

— О, эти слова будут всегда моим наставлением! Эти стихи прекрасны, хоть и написаны они по-тюркски...

Беннаи осекся, почувствовав, что совершил бестактность. Но уже были сказаны те первые слова, которые

потом послужили к их непримиримой вражде. А сейчас впереди еще были долгие дни расцветающей дружбы и горячего покровительства Навои талантливому молодому человеку.

\* \* \*

Беннаи стал частым гостем в доме эмира Алишера. Навои так увлекся талантами и умом молодого гератца, что закрывал глаза на его дурной характер. Беннаи был зол от природы; к тому же жизненный путь его был усыпан острыми камнями.

Он был горд и упрям, не любил, когда ему покровительствовали, видя в этом снисхождение. Чрезмерно подозрительный, он часто усматривал коварство там, где его не было. Злые шутки и колкости служили Беннаи средством самозащиты и постепенно вошли в его манеру разговаривать. Но к Навои на первых порах он почувствовал лишь горячее влечение. Такое искреннее чувство он испытывал в первый раз в жизни: слишком явно было благородство души эмира Алишера. Их соединяла страстная любовь к поэзии. Их долгие разговоры в саду напоминали Навои его собственные беседы с Абуллейси в Самарканде. Блестящие успехи Беннаи в поэтическом искусстве восхищали его руководителя. Каждый день был отмечен каким-нибудь новым произведением ученика. Навои огорчало лишь то, что Беннаи был равнодушен к музыке. Говорил, что ничего в ней не понимает. Его худощавое бледножелтое лицо смешно морщилось, когда речь заходила о музыке. Навои пробовал увлечь его красочным описанием инструментов, рассказывал об их голосах так же поэтически, как если бы он рассказывал о пении гурий в райских садах. Он играл ему сам, искусно исполняя трудные мелодии на раз-

ных инструментах; наконец, он показывал ему музыку собственного сочинения. И не уставал объяснять красоту и значение музыки.

— Умный с одного слова поймет, невежде и тысяча впрок не пойдет, — лениво усмехаясь, сказал как-то Беннаи, прослушав длинные рассуждения своего наставника и друга.

Навои тогда впервые вспыхнул:

— Поэт, не понимающий музыки, — поэт только наполовину.

С этого дня он больше не заговаривал с Беннаи о музыке и вскоре уехал надолго с султаном Хусейном в Мерв. Хусейн любил иногда потешить свое честолюбие, приезжая в Мерв как властелин. Он непременно брал туда с собой Бике-бегум; наслаждаясь воспоминаниями юности, он заставлял ее снова рассказывать сказку о талисмани, запрятанном в куполе древней мечети.

У Навои были свои намерения относительно Мерва. Некогда этот город, стоящий на путях каравана, славился своими оросительными каналами и плодородной землей. Потом он не раз подвергался разрушению, и земли вокруг иссыхали от жажды. Навои задумал восстановить разрушенное, провести новые оросительные каналы.

Уезжая, Навои предложил Беннаи поселиться в его доме, располагать его библиотекой. Простились они дружески.

\* \* \*

В Герат Навои вернулся ранней весной. На рассвете подъехал к саду. Утренняя роса еще сверкала в траве и на цветах. Где-то в глубине сада раздавались звуки флейты. Мелодия была незнакома, но как-то

удивительно сочеталась с ясным утренним настроением. Она не была веселой, но от нее исходил покой и раздумье, какое охватывает человека, успешно закончившего трудное дело. Навои быстро пошел на звук. «Кто может играть так рано? — любопытством подумал он. — Неужели ненавистник музыки Беннаи позволяет кому-нибудь здесь играть?»

Пока он шел навстречу музыке, мелодия успела измениться: она стала быстрой, словно конь, шедший шагом, вдруг перешел на рысь. Музыка становилась все слышней и слышней, она звучала на тополевой аллее, куда свернул с тропинки Навои. И вот неожиданное зрелище предстало его глазам: на траве, прислонившись к толстому стволу дерева, сидел Беннаи в яркозеленом халате и, полузакрыв глаза, с увлечением играл на флейте. Навои давно привык к неожиданностям со стороны Беннаи, но тут его охватило радостное изумление. Он бросился к нему с протянутыми руками, и глаза Беннаи были ярче обычного, когда они пожимали друг другу руки. За несколько месяцев молодой друг эмира успел не только выучиться играть на флейте и на струнных инструментах, но даже начал заниматься композицией.

— Это лучший подарок в моей жизни! — воскликнул Навои.

В этот день в их дружескую беседу не ворвалось ни одно злое слово.

\* \* \*

Казалось бы, Беннаи должен был испытывать неугасимую благодарность к своему учителю и другу. Навои оказывал ему тысячи разных знаков внимания и заботы. Он ввел его во дворец, о чем молодой человек, несмотря на свое показное презрение к силь-

ным мира сего, мечтал давно. Но с некоторых пор подозрительность и злость снова овладели сердцем Беннаи. Молодой поэт, завистливый от природы, чувствовал превосходство Навои, его искренность, его бескорыстие. Он во всем завидовал эмиру. «И я бы мог быть знаменит и богат, как Навои; я одарен не менее его», думал он, видя всеобщее уважение к поэту. Беннаи злило также то, что Навои, писавший на языке тюрки, который Беннаи не признавал достойным для высокой поэзии, в то же время прекрасно владел и персидским стихом. У Беннаи пропадало основание говорить, что Навои пишет на языке «грубых землепашцев», потому что не умеет писать по-персидски.

Все чаще и чаще возникали между ними споры. Сначала это были легкие разногласия по какому-нибудь пустячному поводу. Но с течением времени Беннаи начал разрешать себе злые отзывы о своем учителе и становился уже совсем дерзок, когда речь заходила о тюркской поэзии: «Сам султан пишет на языке мужиков!» крикнул он как-то в запальчивости.

И все же Навои прощал строптивому другу его резкость, считая ее игрой в остроумие. «Ну что ж, — думал он, — Беннаи трудно отказаться от злых шуток, да и жизнь его была нелегка...» Навои порой даже тщила эта злость, и он принимал участие в пикировках.

Как-то ему показалось, что Беннаи стал лениться. Он решил подогреть его честолюбие.

— Удивительно, — сказал он, — имея такой дар к стихосложению, вы пишете так мало стихов и тратите время без всякого смысла.

— Что вы, эмир! — запальчиво ответил Беннаи. — Очевидно, вам изменяет память! Не-далес как вчера

вечером я сочинил двадцать стихотворений, пока сгорела свеча в два ахчака<sup>1</sup>.

Навои помолчал, глаза его прищурились, как всегда, когда он собирался пошутить:

— Ну, таким стихам, какие вы вчера сочинили, цена один ахчак за сотню.

Однажды вечером у Алишера собралось большое общество. Вечер был удачный, оживленный; много было разговоров и споров насчет вспыхнувшей борьбы между шиитами и суннитами<sup>2</sup>. Большинство из гостей Алишера иронически относилось к этим спорам духовенства. С восторгом передавали из уст в уста слова Джамии, сказанные на-днях в тесном кругу друзей: «Мне надоела эта грызня, меня тошнит от нее».

Всякому другому за такие слова не сносить бы головы. Но так высок был авторитет Джамии, столько было у него защитников и друзей, что даже самый злостный враг не решился бы причинить ему зло.

Когда разговор заходил о Джамии, то ему уже не было конца; каждый хотел поведать о чем-нибудь, что сам слышал от учителя. Много смеха вызвал рассказ об одном гератском щеголе, который, гоняясь за новшеством, надевал на себя все, что завозили купцы из разных стран. В последнее время на базаре в Герате появились очки, привезенные из Ференгистана<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Ахчак — мелкая медная монета. Намек на то, что свеча была очень тоненькая.

<sup>2</sup> Шииты и сунниты — представители двух течений мусульманской религии.

<sup>3</sup> Ференгистан — так называли тогда на Ближнем и Среднем Востоке страны Запада.

Купцы уверяли, что эти стекла возвращают зрение слепым, а зрячие начинают видеть лучше. Ученых они заверяли, что те смогут прочесть полуистлевшие рукописи; художникам говорили, что краски заиграют богаче и ярче; чиновников убеждали в том, что уж никто из их подчиненных не решится подсунуть им неправильно составленную бумагу. Так или иначе стекла покупали все. Никто не знал, как с ними обращаться, и люди, прекрасно видевшие до сих пор, начинали жаловаться на то, что строки книги расплываются перед глазами, когда они смотрят сквозь эти стекла.

— Слепцы, — сказал Джамии при виде двух молодых людей, напяливших ради моды очки на нос, — им мало не видеть дальше своего носа двумя глазами, они прибавляют еще два, чтобы мир казался им просто искаженным.

На весь Герат славился повар эмира Алишера. Редко кто в его доме отказывался от угощения, и даже шейхи, известные своим пренебрежением к пище, не оставались безучастными, когда слуги подавали на глиняных блюдах искусно зажаренные спинки джейранов, таявшие во рту.

В этот вечер, когда гости насытились, началось соревнование талантов. Рядом с прославленными на весь Хорасан поэтами и музыкантами выступали молодые люди, чьи имена были неизвестны. Иногда одного одобрительного слова Навои было достаточно, чтобы на следующий день о новом даровании узнавал весь Герат. Каждая удавшаяся строка встречала восторженный отклик собравшихся.

Глаза Навои весело поблескивали. Вечер проходил дружественно, и вдруг словно бес вселился в Беннаи. Началось с того, что слуга не поставил перед ним ча-

ши с винэм. Это произошло совершенно случайно; слуга тут же исправил свою ошибку, но подозрительный Беннаи подумал, что с ним уже не считаются. Эта мелкая оплошность слуги прошла для всех незамеченной, но Беннаи начал вымещать свою злобу на гостях Навои, главным образом чтобы доставить неприятность хозяину. Старому беку он напомнил неудачное сражение; молодого поэта заверил, что из него ничего не выйдет; знаменитому шахматисту сказал, что он играет посредственно. Самому Навои прочитал его стихи в своем переводе на персидский язык, ядовито добавив:

— Теперь ваши высокие мысли обрели истинную сущность, они выступают в достойной одежде.

Навои промолчал, оставив до более удобного времени ответ на эту больно задевшую его колкость.

К концу вечера всем гостям были розданы богатые подарки: тут были нарядные шелковые халаты, бархатные кафтаны; кому досталась богатая чалма, а кому — золотой пояс, украшенный драгоценными камнями. Беннаи же была преподнесена исполненная замечательным каллиграфом глава из «Гулистана» — «О смирении». Беннаи понял намек и разозлился еще больше.

Когда гости начали расходиться, Навои предложил своему другу остаться. Собрав все свое спокойствие, он долго убеждал Беннаи обуздать свою надменность и самомнение. Он говорил наставительно, с легким оттенком покровительства, чего Беннаи в последнее время уже совсем не переносил.

Во время этого разговора кошка, мурлыча, терлась о согнутое колено Беннаи, и он небрежно ласкал ее за ухом. Когда Навои на мгновение умолк, Беннаи медленно, растягивая слова, сказал:

— Счастливая кошка: она озарена лучами милости эмира, но не обязана выслушивать его назидания...

Навои промолчал и на эту колкость, но понял, что трещина между ними становится все глубже. И позже, когда Навои хотел восстановить в памяти, с чего началось их охлаждение, он прежде всего вспомнил этот вечер и этот разговор, вдруг с очевидной ясностью раскрывший, что у Беннаи при всем его уме и талантах была мелкая душа.

И все же тяжелым ударом оказался для него внезапный отъезд Беннаи из Герата. Этот отъезд был похож на вызов или на бегство. Это и был вызов. Беннаи это сделал нарочно. Он хотел создать впечатление, что его преследовали. Уезжая, он всюду распространял слух о своей ссоре с «всесильным эмиром», как он называл Алишера. Он уехал к туркменскому султану Якуб-беку, который покровительствовал искусствам и наукам и рад был появлению столь известного поэта при своем дворе.

«Гордость — вот что питает эту душу», думал глубоко опечаленный Навои. Он продолжал любить строптивного ученика, скучал без его шуток, смеха, стихов. Но больше всего его огорчало, что такой умный человек, как Беннаи, ослепленный злостью и завистью, не понял глубины и искренности его чувства.

Добрый душу отдал в жертву — думал друга обрести,  
Но пред добрым — враг смертельный. Знай: людской коварен  
род.

Не ему ли Алишер поверял свои заветные мысли? Казалось, что он обрел человека, который понимал его с полуслова. Не ему ли рассказывал он о горечи разочарований, которую приносит измена друга? Любовь к другу незыблема, как Ихтиараддин. Как слушал эти слова Беннаи! Быть может, единственный раз

в жизни Навои заметил тогда слезы в его глазах... И вот теперь Беннаи предал их дружбу, предал бессмысленно, грубо; обрек себя на изгнание, став придворным поэтом туркменского хана. А Навои хорошо понимал, что значит для жителя Герата надолго расстаться с родным городом.

## ДЕНЬ НАВОИ

«Сколько в пустынях ни было мертвых, бесплодных земель, все были призваны к жизни: на них провели каналы и водопроводы — от Мургаба до Мерва около тридцати фарсахов бесплодной пустыни и у Серахса — около двадцати пяти. Эти полосы заселены, так что превратились в одну».

Навои с огромным удовольствием читал эти строки из донесения своего главного управителя, который совершал объезд по стране. Прошло несколько лет после того, как Навои сказал: «На местах солончаковых не должно остаться ни пяди, которая не была бы превращена в поля и сады».

«Нужно поехать самому посмотреть все это», подумал он. Он вдруг ясно представил себе голубой купол мечети в Мерве, видимый на расстоянии одного дня пути от города. «Вода. В ней наша бедность и наше богатство», подумал Навои и окликнул писца, сидевшего в дальнем углу комнаты.

— Запишите для памяти: срочно обследовать, как идут работы по прорытию арыка из родника Чашмаи Гулистан для доставки воды в Мешхед. Я сам проверю его измерение.

Навои представил себе пыльный, иссохший Мешхед цветущим, нарядным городом. Да, много было сделано за эти годы для государства; не пора ли цели-

ком заняться поэзией? За делами едва успеваешь написать несколько бейтов в день.

— Шейх Абдаллах спрашивает, примет ли его эмир.

— Я просил впускать шейха в любое время дня и ночи ко мне, не спрашивая.

Навои встал и сам вышел навстречу старому другу, сопровождавшему его некогда из Мешхеда в Герат.

— Как земля радуется восходу солнца, так мое сердце замирает в груди при виде вас, — сказал Навои. — Вы теперь редкий гость в моем доме. Но книги, которые вы присылаете мне столь любезно, всегда напоминают о вас. Сборник индийских басен, присланный вами вчера, поглотил всю мою ночь: начав читать первую страницу, я не мог уже от него оторваться до утра. Я прочитал все.

— Удивительное дело! — воскликнул шейх Абдаллах. — Точно такой же случай произошел с нашим учителем, с Джамии. Когда я прислал ему эту книгу, он признался на другой день, что прочел ее всю сразу.

Улыбка удовольствия заиграла на губах Навои. Он всегда радовался, когда находилось что-то общее между ним и Джамии.

Шейх Абдаллах сильно постарел; совсем белой стала его борода и заметно дрожали руки. Навои усадил его рядом с собой на ковер. Перед ними поставили угощение. Зная вкусы шейха, Алишер приказал принести ему длинную трубку.

— Я всегда говорил, что Алишер Навои воспарит высоко. А я вот становлюсь стар, руки дрожат. — Шейх Абдаллах добродушно усмехнулся. — И все же Джамии предпочитает, чтобы я переписывал его

рукописи. Недавно один неуч взялся переписывать творения учителя; сделал много ошибок!.. Джами исправил; рукопись была сильно измарана. Посмотрев на испещренные поправками страницы, Джами пошутил: «Я сделал с его писанием то, что он натворил со смыслом моих слов».

Навои рассмеялся.

— Я хочу повести вас сегодня в мою библиотеку, показать нечто интересное. Из Ференгистана в Герат привезли ящик, который показывает время. Мой библиотекарь Мухаммед-Накаш взялся сделать сам такой же. Это великое изобретение.

В комнату вошел чиновник городского управления; он взволнованно заговорил:

— Позвольте нарушить покой везира.

— Говорите, — доброжелательно сказал Навои.

— Постройка больницы на улице Солнца приостановлена. Строители оставили камни и леса. Их всех заставили уехать за город строить новую дачу везиру Сании.

Этот ловкий везир давно был на примете у Навои. Помимо личной неприязни, которую Алишер Навои всегда старался подавить, он знал, что Сании добился своего положения темными делами. Его удачи начались с того, что он достал превосходных туркменских коней для личной охраны Хусейна. Ходили разные слухи о том, как достались Сании эти кони; поговаривали даже о том, что это был выкуп разбойничьей шайки, получившей потом возможность безнаказанно скрываться. Но Хусейн, довольный подарком, пресек разговоры об этом, сказав, что у завистников всегда длинные языки.

Сании вел дела, главным образом связанные с торговыми людьми. У Хусейна появились диковинные

заморские вещи. А сам Сании разбогател необыкновенно.

Услышав о том, что Сании строит новый дом за городом и для этого снимает людей, занятых строительством больницы, Навои нахмурился и сухо спросил:

— Кто осмелился отдать такое распоряжение?

Навои говорил спокойно, но угроза звучала в его голосе.

— Везир Сании. — Чиновник боязливо оглянулся и добавил шопотом: — Он заставил зодчего заявить, что проект постройки больницы неправилен и что в этот проект внесены исправления несведущей рукой.

Исправления вносил Навои.

— Кто зодчий? — все так же спокойно спросил Алишер.

— Масуд, отец поэта Беннаи.

— И он сделал такое заявление?

— Сделал, ваше величие.

— Зодчего отстранить от работы. Строителей вернуть на места, больницу достроить в кратчайший срок. Я сам буду следить за постройкой. Сотни больных ожидают места, где их будут лечить, а вельможа, забывший звание человека, строит роскошную дачу для себя одного. Сании, Сании, теперь ты не уйдешь от наказания, — сказал Навои как бы про себя. Потом оживленно обратился к шейху Абдаллаху: — Все дома в Герате будут обновлены, а на берегу реки Инджилъ мы воздвигнем новый квартал. Я посету сегодня место строительства, прошу вас сопровождать меня. А сейчас пойдем в мою библиотеку.

Уходя, Навои напомнил слугам, что на обед приедет султан Хусейн. Он возлагал на эту встречу особые надежды.

В библиотеке их встретил ходжа Мухаммед. Он под-



вел их к большому ящику. В нем стояла человеческая фигура, вырезанная из дерева; человек держал в руках палку, перед ним лежал барабан. Шейх Абдаллах восторженно ахнул.

— Подождите, — сказал ходжа, — сейчас он покажет время.

В эту же минуту фигура пришла в движение, и деревянный человек ударил несколько раз в барабан. Навои с волнением отсчитывал удары.

— О, как поздно! — воскликнул он. — День наполовину прошел, а я и четверти дел, назначенных на сегодня, не выполнил.

С этими словами он повлек шейха за собой.

\* \* \*

Они шли по пыльным улицам Герата и вспоминали, как много лет назад въехали вместе в этот город в поисках новой жизни. Кто мог подумать тогда, что скромный юноша в заплатанной одежде станет первым везиром Хорасана, правой рукой султана, знаменитым поэтом!

Они шли по берегу Индижилль, где застраивалась целая улица новыми зданиями. Стук молотков, переключка строителей, даже пыль, стоявшая в воздухе, доставляли Навои истинное наслаждение. Его все чаще и чаще называли теперь «друг созидания» и «сад жизни».

— Цель нашего пути не здесь, — сказал Навои, ловя восхищенные взгляды шейха Абдаллаха. — Мы пойдем к могиле великого Касималь-Анвара; там воздвигается здание, где будут жить и учиться поэты.

Навои часто вспоминал, что первые строки стихов, заученные им в раннем детстве, принадлежали именно этому поэту.

Они свернули в сторону от широкой улицы и через некоторое время пришли на площадку, затененную высокими кипарисами. На ней лежали груды белого камня, которым славился Герат. Среди работающих выделялся высокий сильный каменотес; он легко и изящно перетаскивал огромные глыбы. У него было скуластое лицо благородной формы, узкие, чуть раскосые глаза, величественная осанка. Навои обратил на него внимание шейха Абдаллаха.

— Я иногда прихожу сюда нарочно посмотреть, как он работает. Смотрю, как художник на натуру. Таким я представляю себе Фархада-строителя. Мудрый друг, я все больше одержим мыслью ударить пятерней в пятерню Низами; написать пять поэм в ответ на его «Пятерицу». Только время, время! Где взять его? Сейчас я думаю о Фархаде и Ширин.

— Вы хотите сказать — о «Хосрове и Ширин»? — удивленно перебил шейх Абдаллах.

— Нет, я хочу сказать то, что сказал. Низами и Хосров Дихлеви воспевали иранского шаха Хосрова. Немногими словами рассказывали эти поэты о Фархаде. А, по-моему, он-то и есть настоящий герой. Он борец и труженик, пылкий, благородный. Для счастья Ширин он прорывает каналы, строит дворцы. Ширин любит его. А Хосров хочет силой взять ее, покорить ее страну и свободный народ. Фархад борется с Хосровом, он погибает в неравной схватке, но сила духа торжествует. Я прежде всего воспую народ в этой поэме. Таково мое намерение. Я не хочу идти проторенными путями.

Навои замолчал, не досказав, что задумал еще описать женщин, умеющих управлять государством, храбро защищающих его, любящих науку и искусство, верных, преданных и бескорыстных. Давно

рисовался перед ним образ такой женщины; он верил, что они должны быть такими, но с грустью думал, что ему не пришлось повстречать ту, которая была бы совершенной. И это, может быть, одна из причин, по которой он не знал прочного счастья любви.

Шейх Абдаллах тоже думал о чем-то своем, и так молча ушли они от могилы Анвара. Бросив последний взгляд на полюбившегося ему каменотеса, Навои увидел, как тот устало вытирал пот со своего смуглого лица.

\* \* \*

Султан Хусейн приехал к обеду рано. Слуги внесли огромные кувшины с вином, которые султан всегда привозил с собой: в напитках ему никто не мог угодить. Хусейн любил обедать у Навои. Ему никогда не было скучно с поэтом, и потом ему нравился его повар. Они виделись ежедневно, иногда даже по нескольку раз. Но эти встречи проходили в деловой обстановке, на приемах или во время шумных пиров, когда не было возможности поговорить друг с другом так, как хотелось бы. Только изредка Хусейн приезжал к Навои, как равный к равному. В последнее время эти встречи стали реже, хотя Навои попрежнему был советчиком во всех делах султана. Он распределял часы его занятий и молитв; он читал все указы перед тем, как султан повелевал их обнародовать. И все же у Хусейна появились новые друзья. Подобострастно льстя султану, они использовали свое положение для устройства собственных дел, не только не заботясь о государстве, но даже действуя ему во вред.

Навои давно ждал удобной минуты, чтобы поговорить об этом с Хусейном. Он пробовал воздейство-

вать на него разными способами. Зная, что Хусейн падок до шуток, он пускал в ход и это острое оружие. Как-то, высмеивая льстецов, он сказал:

— Ведь если великий султан скажет среди ясного дня, что сейчас темная ночь, то льстец не только поддакнет, но и прибавит: «даже и звезды видно».

Хусейн громко захохотал на эту шутку и часто вспоминал ее впоследствии.

Среди новых приближенных султана Алишера особенно беспокоил перване<sup>1</sup> Мадждаддин, в котором он видел самого серьезного своего соперника и врага при дворе. Хищный, алчный, властолюбивый Мадждаддин в один год с Алишером получил высокое назначение: его обязанностью была передача личных распоряжений султана. Пока еще влияние Алишера на Хусейна было сильнее, но превосходство эмира не давало покоя Мадждаддину, и он только искал случая принизить поэта. Это был человек, не терпевший равных с ним по власти. Если ему протягивали палец, он хватал всю руку, нередко отсекая ее. Так цеплялся он за власть — и достиг ее. Он умел добывать деньги, выжимая их из народа. А Хусейн мало интересовался способами их добычи, — была бы цель достигнута. Нельзя было отказать Мадждаддину в уме, но это был ум, видевший прежде всего дурное в людях. Он был резок и нетерпим. Таким он был и у себя дома. Жены и дети в его присутствии трепетали.

«Мадждаддин знает слабые места Хусейна, — думал Навои, — он умеет доставать деньги... Пока еще рано говорить с султаном об этом».

Обед был вкусный и обильный. Хусейн всегда ел много, а у Навои ему все казалось особенно вкусным.

<sup>1</sup> Перване — управитель дворца.

Сам хозяин лишь понемногу пробовал от всех блюд, но охотно пил вино, привезенное Хусейном. В соседней комнате играли на ченге<sup>1</sup>; тонкая палочка в искусных руках музыканта извлекала из натянутых струн приятную мелодию.

— Нравится ли вам, султан, произведение Беннаи?

— А, вы все же сделали из него музыканта! — сказал, смеясь Хусейн.

— Я всегда считал, что музыка — его призвание, хотя и стихи его очень хороши. Как жаль, что из-за своеволия он отвернулся от своих друзей!

— Я всегда удивлялся его дерзости. Вы дарили его вниманием; мне же известно, что он позволял себе неуместные шутки по отношению к вам. А знаете ли вы, что он вернулся в Герат? И ведет себя необузданно, попрежнему. Не далее как сегодня мне доложили, что он покрывает своего осла каким-то диковинным потником и называет его «потник Алишера».

Лицо Навои ничем не выдало боль, которую причинили ему эти слова; он даже усмехнулся.

— Беннаи горд и упрям. Он боится чужого превосходства, потому он и брыкается, как необъезженный конь. Но, несравненный во всех науках, он заслуживает большего внимания. Мне же он мстит именно за то, что я оказываю ему покровительство.

Он говорил это и внутренне повторял про себя: «Беннаи здесь, Беннаи снова здесь», — и радость в нем боролась с печалью. Он круто перевел разговор на другое.

— Султан Хусейн, я хотел поговорить с вами о Сании. — Глаза Алишера потемнели, и голос стал резким. — Он посмел приостановить строительство на

<sup>1</sup> Ченг — музыкальный инструмент, типа арфы.

улице Солнца. Дело многих месяцев он хотел сорвать в один день. Слишком много позволяет себе этот торгаш в одежде вельможи. Я отставил от работы строителя Масуда за то, что он, как неверный пес, выполнил приказание Сании и усладил рабочих. Я надеюсь, что вы, султан, обуздаете дерзкого негодяя.

Султан Хусейн разъярился.

— Довольно этого самовластия! — воскликнул он. — Строительство Герата должно прославить в веках Хусейна, как некогда прославили Тимура постройки в Самарканде. Я давно со всех сторон слышу жалобы на Санию и решил не допускать подобной дерзости. Слава аллаху, умер Музаффар, накрывши немало из того, что принадлежит мне, а теперь этот мелкий человек хочет взять свою долю. Нет, клянусь пророком, он получит свое...

При упоминании о Музаффаре Навои быстро взглянул на Хусейна. В памяти поэта живо возник образ голощекого бека, снедаемого честолюбием и завистью. Чем выше поднимался Навои, тем угрюмее и желтее становился стареющий бек. Он немало препятствовал широкой и мудрой деятельности Алишера. Он подавлял своим угрюмым видом и мрачными предсказаниями Хусейна. Смерть Музаффара принесла истинное облегчение и султану и Навои.

Слуги внесли жирную баранью спину. Алишер подумал: «Хорошо бы послать кусок этого вкусного мяса Джамии».

— Эй, ходжа Дихдар, — крикнул Навои, — вы отправитесь сейчас к Джамии и отнесете ему кусок бараньей спины. Дайте мне перо и бумагу.

Вымыв в розовой надушенной воде руки и тщательно обтерев их, Навои быстро написал по-персидски несколько строчек стихов. Затем молча протянул ли-

сточек Хусейну; тот прочитал и одобрительно закивал головой. Стихи вместе с бараниной были отправлены Джамии.

— Как хорош наш Джамии! — сказал Хусейн. — Я жду каждого его нового стихотворения, как птицы, прилетающей из сказочных краев. Он помогает мне и в мирной жизни и в бою.

— Да, поэт — это тот же воин. Только вместо дротика он взял в руки перо.

— Алишер, вы, я вижу, в последнее время часто пишете стихи по-персидски.

— Я хочу доказать наперекор мнению своих врагов... — Навои запнулся и не назвал Беннаи, — что в совершенстве владею персидским, но пишу на родном языке, чтобы сделать поэзию достоянием всего народа. Я выпущу сборник, посвященный Джамии, состоящий весь из персидских стихов, и пусть тогда заткнут глотки все враги и завистники. А придет время, и я напишу книгу о двух языках, где докажу по всем законам науки, что на языке тюрки может быть создана такая же богатая поэзия, как и на персидском. О, если бы можно было оставить заботы о государстве, заняться только поэзией...

Хусейн сделал вид, что не слышит слов Алишера. Но Навои решил во что бы то ни стало в этот день, когда они, наконец, смогли поговорить наедине, рассказать обо всем, что накопилось у него в душе: и о стремлении отдавать больше времени творчеству и о том, что не нравилось ему в поведении султана. Это надо сделать незаметно, так, чтобы смелость была принята за смирение. Вдруг дерзкая мысль сверкнула в мозгу Алишера. Он медленно перелистал несколько страниц рукописи, взятой им из ниши.

— Я давно хотел прочитать султану эти новые

строки из моей поэмы. Не угодно ли сейчас послушать?

Хусейн, благодушно настроенный, выразил горячее желание. Навои покачал головой и, как бы вслушиваясь в ритм стиха, начал читать по-узбекски:

Сверкает пиршественный твой чертог,  
Здесь утвердился рай и тот бы мог,  
Здесь ткань ковров из душ людских свита,  
В рубин и пурпур кровь перелита,  
За счет народа позолота здесь,  
Живет в камнях его забота здесь.

По мере того как он читал, его голос становился громче, в нем клокотала страсть. Он приказывал, издевался, угрожал. Нельзя было остаться равнодушным при звуках этого голоса, и султан Хусейн понял намек: он увидел в этих стихах предупреждение, но не захотел в этом признаться даже самому себе.

— Превосходные стихи, недаром вас еще в детстве называли «двужыким». Но к чему все эти ужасы? Не лучше ли писать о любви, о красавице и о вине, утоляющем сердечную боль...

Навои посмотрел пронизательным взглядом на Хусейна, налил полный кубок вина и, почтительно поклонившись, подал ему.

— Султан Хусейн, а вы? Я давно не читал ваших стихов.

Хусейн отпил вина, глаза его загорелись.  
— Я пишу, когда влюблен. Лучшие мои стихи посвящены Бике-Султан-бегум. А теперь... — султан Хусейн мрачно помолчал, — я ее ненавижу. И давно хотел вам сказать... Я окончательно решил развестись с этой женщиной.

— Но... — начал Навои.  
Хусейн перебил его и заговорил быстро, со страстью:

— Она помешалась на власти. Все время заявляет, что она — дочь великого Санджара. Подумаешь, великий! От великого у него только имя. Он попал, как ягненок в пасть Абу-Саида. А теперь она настраивает против меня моего сына. Бадиаззаман смеет дерзить мне. Нет, нет и нет! Плохая жена в доме — это ад уже на земле. Я с ней разведусь. Она получит дворец там, где пожелает; я установлю за ней надзор и избавлюсь, наконец, от вечного нытья и притязаний. Она все равно не умеет быть настоящей султаншей: легкомысленна и слабовольна.

Навои был против этого развода. Он видел, как постепенно вражда проползет между отцом и сыновьями, как разрушенная семья станет, быть может, причиной раздоров в государстве. Эти доводы он не раз высказывал султану, но он понимал, что сейчас уговаривать Хусейна бесполезно.

Долго еще сидели Хусейн и Навои, мирно беседуя. Вскоре вернулся ходжа Дихдар от Джамии. Он был возбужден и весел; очевидно, прославленный поэт вознаграждал посланца, доставившего подарок и письмо от Навои.

— Вот, господин, ответ от Джамии и его дары.

С этими словами ходжа Дихдар передал бархатную шапку, тонкое полотенце и записку. Навои прочел вслух:

— «Посылается шапка тому, кто сбросил венец величия с головы, и кусок холста, чтобы обтирать руки, омывшему их от мирских дел».

«Замечательно, — подумал Навои. — Учитель попал в точку. Теперь легче будет начать разговор...» И Навои вторично громким голосом прочитал записку Джамии.

— Что это значит, эмир Алишер? — стараясь казаться спокойным, спросил Хусейн.

Навои выдержал пристальный взгляд султана и сказал:

— Я иногда говорю учителю то, что не далее как сегодня высказал и вашему величию: хотелось бы все свое время отдавать творениям литературы, а для этого пора уйти с поста везира.

Хусейн подумал с раздражением о содружестве Навои и Джамии. Старый поэт был неприкосновенен в ореоле своей праведности и славы, но не слишком ли он вмешивается в дела государства? Когда-то Хусейна неприятно поразили слова Джамии, сказанные им Навои перед одним из военных походов: «Старайтесь воспрепятствовать, насколько возможно, этому походу, а если это не удастся, сообщите мне письмом». Навои, конечно, и не догадывается, что эти слова стали известны Хусейну. Он не мог знать, кто именно из многочисленных слуг в его доме был придворным доносчиком.

— Вы нужны народу и славе Герата, эмир Алишер. Помните это прежде всего, — значительно произнес Хусейн.

— Поэты тоже нужны народу, — настойчиво сказал Навои.

Но Хусейн уже не слушал его, он досадливо отмахнулся: не слишком ли много поучений для одного обеда? Он залпом выпил кубок и сказал:

— Где каллиграф Султан-Али?

Навои послал за ним в библиотеку. Через несколько минут вошел юноша дивной красоты и, склонившись, протянул только что законченную рукопись.

— Хорош, как всегда, — покровительственно сказал Хусейн. — Мне бы хотелось, чтобы ты приступил

к надписям на стенах моего загородного дворца в «Саду, украшающем мир». Чья рука еще может сделать это, как не рука того, кого сам Азхар Герати назвал «царем каллиграфов»?

— Вместе с ветром, который принесет утро в «Сад, украшающий мир», явлюсь туда и я.

— Ты выражаешься, как поэт, — усмехнулся Хусейн.

— Он — поэт! — воскликнул Навои. — Скоро все узнают, что лучший из лучших каллиграфов Герата пишет прекрасные стихи.

— В обществе Навои даже кипарис, заглядывающий в это окно, станет поэтом, — весело сказал Хусейн. И Навои понял, что сейчас он забыл все полученные сегодня уколы.

Когда Султан-Али был отпущен, Хусейн тоже встал. Обед был окончен. К главному входу дома Навои были поданы носилки с высоким позолоченным балдахином. Султан Хусейн отбыл.

\* \* \*

В сумерки явился Мусабек. С тех пор как Алишеру были возвращены все поместья и дома, какими владел его отец, эмир сделал Мусабeka главным управителем всех своих земель. Он, храбрый воин, знал нужды земледельцев и был превосходным хозяином; земля давала урожай, и люди богатели на ней. Мусабек любил повторять: «Сеятели зерна дают жизнь всем. Великое благо — помогать этому труду». Навои часто получал сведения о том, что богатства его приумножились.

На этот раз Мусабек привез вести, которые требовали немедленного решения.

— Господин мой, благородный эмир! Наместник

султана Хусейна в Себзеваре пожелал сделать в крепости большой запас зерна. Очевидно, для того, чтобы быть всегда готовым снабдить войско. Во всей области нет лишнего зерна, но у нас имеется в этом городе превосходное хранилище, где лежат ваши главные запасы. Наместнику доложили об этом. Они просят дать это зерно взаймы и обратились ко мне. Я сказал, что нужно доложить эмиру; как он решит, так и будет.

Навои видел, как запылено и устало лицо Мусабeka, и ласково спросил:

— Ну, а как бы ты поступил?

Мусабек помолчал, потом твердо ответил:

— Если для воинов, я бы дал, — и быстро добавил: — взаймы.

Навои рассмеялся.

— Подай перо и бумагу.

Он начал писать:

«Клянусь аллахом, если бы вместо каждого зернышка пшеницы были жемчужины, я бы не пожалел их для такого дела».

— Вот поешь, отдохни и с этой запиской скачи в Себзевар. Конь твой не устал? Ты недаром поешь: «Ой, хитер мой верный конь...» Есть новые стихи, Мусабек?

— Есть.

— Хорошо. Оставь их. Поговорим в следующий раз. Сегодня вечером я обещал быть у Джамии. В Себзеваре скажи, что я достану еще зерна, если понадобится.

\* \* \*

Прошли года, а собрания у Джамии были попрежнему многолюдны. В этот вечер собралось особенно мно-

го народа. Всем хотелось послушать Беннаи, вернувшегося после долгого отсутствия. Многие соскучились по его певучим стихам. Навои со смешанным чувством решился на эту встречу. Его благородное сердце готово было простить все, но сверлила мысль: «Кому я оказал преданность и верность, от того увидел сотни невзгод».

Навои всегда терпеливо обуздывал эти порывы, стараясь разумом повлиять на строптивного. Он не терял надежды на примирение. Потому-то он решил встретиться с Беннаи у Джамии.

Беннаи в первые дни своего возвращения в Герат колебался, пойти ли ему к Навои. Он почти было решился уже сделать это, как узнал в этот день, что отец его отстранен от работы по приказу эмира. Это распалило его. Тогда он явился к Джамии, подчеркивая этим, что Навои для него уже не существует.

Выражение лица Беннаи стало еще более желчным. Изящно жестикулируя, пересыпая свою речь острыми шутками, он привлекал к себе всеобщее внимание. Беннаи сидел рядом с Джамии, как и полагается почетному гостю, впервые после долгой разлуки появившемуся в этом кругу.

Алишера все встретили громкими радостными приветствиями, но его кольнул острый, неприязненный взгляд Беннаи.

После первых же приветствий Навои обратился прямо к Беннаи, стараясь ласковым тоном и любезностью согнать недовольное выражение с его лица.

— Расскажите нам, Беннаи, в чем достоинство туркменского правителя Якуб-бека.

Беннаи, полузакрыв глаза, обдумывал, как начать. Потом лицо его приняло еще более злое выражение.

— Я могу рассказать об этом очень кратко. Вели-

кое достоинство Якуб-бека состоит в том, что он не пишет стихов на языке тюрки.

Глаза Навои стали ледяными, и особое величие появилось во всей его осанке.

— Рот Беннаи полон змеиного яда. Это погубит все его таланты и его самого.

— Я не боюсь угроз! — крикнул Беннаи, но его голос потонул в возгласах возмущения, раздавшихся со всех сторон:

— Гнев аллаха падет на дерзкого Беннаи!

— Отравлен воздух, которым он дышит...

Беннаи увидел, что он в полном одиночестве. Даже те, кто любил его шутки, теперь отвернулись от него.

Джамии что-то сказал ему внушительно и строго. Через несколько мгновений Беннаи покинул дом поэта.

А гости еще долго сидели, слушали музыку и стихи. Навои читал в этот вечер по-персидски, и его без конца просили читать еще и еще. Он был даже весел, загадывал головоломные загадки в стихах, на которые отгадавший должен был отвечать в стихах же. Кажется, ничто не нарушало безмятежности его души.

Домой он вернулся поздно. С крыши его дома, где он любил проводить вечера, город был виден далеко вокруг: стройные кипарисы, чинары и тополя и между ними — белеющие дома. Уже повеял ветер зари. Навои глубоко вздохнул, сбрасывая с себя усталость. Он думал, как много надо сделать еще. Ведь он едва приступил к главной своей работе.

Пускай пронижет правды пламень твой слова, —  
Заставят стать водою камень твой слова.

Он быстро записал эти строки, и это было последнее, что он сделал в этот день.

## ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВО ДВОРЦЕ НА ПРИЕМЕ

После полуденной молитвы в соборной мечети султан Хусейн со всеми везирами, эмирами и знатными вельможами прошел во дворец. В этот день ждали посла от Якуба — султана туркмен, с которым давно уже установились мирные отношения. Все собралось в тронном зале в ожидании Хусейна. Здесь должна была произойти церемония встречи посла. Слышны были разговоры, приветствия. Почтительный тон часто прикрывал скрытую неприязнь и даже ненависть. Алишер горько усмехнулся, наблюдая за этой игрой. У него самого было много врагов. И чем дальше шло время, тем их становилось больше. Ему не могли простить близости к султану Хусейну. При Алишере нельзя было увеличивать налоги и класть их себе в карман. А если деньги нужны были самому султану, эмир Алишер не раз давал их из собственных средств.

Алишер смотрел на вельмож и читал их мысли. Вот стоит ненавидящий его Мадждаддин. Он теперь был лишен звания везира и оставался при дворе в должности лишь управителя дворца. Смещение произошло после того, как выяснилось, что Мадждаддин занимается хищением казны. Обвинение было непреложно, но Хусейн сравнительно мягко отнесся к Мадждаддину. Перване был присужден к уплате шестидесяти тысяч динаров, и ему было запрещено вмешиваться в дела дивана; однако султан Хусейн сохранил за ним должность управителя дворца, так как ценил его умение доставать вещи, вина и лошадей. Мадждаддин затаил жгучую ненависть против своих разоблачителей, причем главным виновником он считал Навои.

А вот Низамалмульк, подобострастно-вежливый,

тихий, но под благодушной внешностью скрывавший злость и лисью хитрость. Некогда он был казием недалеко от Герата; это с ним Алишер так удачно поспорил во время своего первого путешествия из Мешхеда в Герат. С годами он не потерял склонности к изысканным нарядам: его халаты славилась яркостью красок, его манера повязывать чалму была законом для модников. Правда, и в этом Алишер имел преимущество. В Герате так тщательно следили за тем, что надевает любимый всеми эмир, что когда однажды у него болели зубы и на улице он повязал лицо голубым платком, на другой день все модники сделали то же самое.

В противоположность Мадждаддину Низамалмульк был очень нежным семьянином. Больше всего его беспокоила судьба сыновей, которых он старался устроить лучше и повыше.

Низамалмульк и вида не подал, что узнал в приближенном султана и знаменитом поэте бывшего скромного юношу. Низамалмульк ненавидел Мадждаддина, но и к Навои относился недружелюбно.

«Таковы они все, — с горечью думал Навои. — Они подают руку честному человеку, мечтая в то же время отрубить ее».

Его взгляд с удовольствием остановился лишь на благообразном, добродушном лице везира Афзаладина. «Хороший, честный человек, — говорил о нем всегда Навои. — Если бы в Герате было больше таких, можно было бы избежать многих зол». Высокообразованный везир был хорошим собеседником, и Навои проводил с ним немало часов, обсуждая, как вести дела государства.

Хусейна все еще не было. Навои продолжал всматриваться в знакомые лица. Когда он увидел Сании,



надёвшего сегодня огромную нарядную чалму, в его глазах зажегся гнев. Вор и насильник Сании был ему ненавистнее всех. Он горячо желал всех бед этому потерявшему всякий стыд сановнику.

В это время открылись резные двери, и вошел Хусейн в пышных одеждах, в сопровождении свиты. Все поклонились до земли. За окном раздались звуки карнаев, означавшие, что караван посла приближается. Через несколько минут слуги, сгибаясь под тяжестью груза, внесли девять огромных сундуков с подарками от туркменского султана. Хусейн посмотрел в загоревшиеся жадностью глаза везиров. Он подозвал ближайшего нукера и отдал ему какой-то приказ. Все в это время выстроились в два ряда по обеим сторонам дверей, чтобы приветствовать посла, как только он войдет. И вот тогда, в наступившей тишине, нукер подошел к Сании и ловким ударом сбросил чалму с его головы, так что она размоталась и повисла у него на шее. Сании стал белее кисеи. Всенародное оскорбление означало полную опалу. Хотя Сании никто не любил, но все вздрогнули от неожиданности. Каждый подумал, что и его вот так же внезапно может постигнуть кара. И лишь Навои, брезгливо усмехнувшись, сказал, обращаясь к Хусейну:

— Вы облегчили тяжесть его головы, пожалуй, не мешает облегчить и тяжесть его шеи.

Хусейн громко рассмеялся и сказал:

— И это будет сделано в свое время.

В эту минуту вошел посол, одетый в красное с золотом, в высоком тюрбане.

Сании увели. Во время церемониала приветствий Алишер вспоминал искаженное лицо Сании, когда чалма скатилась с его бритой головы. Он увидел, что

Хусейн не забыл их недавнего разговора об алчном вельможе, а в последнее время султан не так уж часто наказывал тех, кто этого заслуживал.

## МОГИЛА СВЯТОГО АЛИ

...Да, султан не так уж часто внимал советам Навои во всех случаях жизни. Змея охлаждения все чаще проползала между ними.

Недовольство султана накапливалось сначала незаметно. То какой-нибудь услужливый придворный доносил Хусейну слова Навои, осуждавшего излишнюю дворцовую роскошь; то, напротив, речь шла о том, что Навои слишком много тратит неизвестно на что.

Работа шла во всем государстве. Навои стремился на всех дорогах поставить рабаты и караван-сарай для купцов и путешественников; выстроить побольше школ, больниц и медресе; прорыть арыки, чтобы напоить землю; сохранить от разрушения ценнейшие памятники старины, помогать ученым и поэтам. Все это требовало постоянного надзора, упорного труда и больших средств.

Султан Хусейн нуждался в деньгах. У него была огромная семья, и все его сыновья унаследовали расточительность и любовь к роскоши. Деньги уходили быстрее, чем их можно было добыть. Недовольство Хусейна росло. Ему казалось, что Навои со своими делами поглощает все средства государства. Одно дело — строительство в Герате. На это Хусейн сам ничего не жалел. Но зачем проводить воду в какую-то отдаленную деревню или строить лишние рабаты на большой дороге? Об этом не раз, улучив удобную ми-

нугу, говорил ему Мадждаддин. Это же нашептывал враг Мадждаддина Низамалмульк. Одинаковые мнения двух ненавидящих друг друга людей казались Хусейну особо убедительными. Мадждаддин, как управитель дворца, часто имел возможность беседовать с Хусейном наедине, и он использовал эти беседы для восстановления своего влияния. Он знал слабые места Хусейна и великолепно научился ему угождать.

Привычка к власти, любовь к наслаждениям с годами уводили Хусейна от прежних благих намерений — приносить добро и сеять справедливость. Он пил все больше, обрюзг и заметно постарел. Как только в соборной мечети кончалась молитва, он начинал пировать. Каждый день при дворе были какие-нибудь новые развлечения: то скачки, в которых принимали участие лучшие кони Герата, то состязания в стрельбе из лука, то борьба.

Вокруг Хусейна собралось много хитрых, корыстолюбивых людей. И Навои чувствовал, что уже не имеет прежнего доступа к сердцу султана. Он всегда предвидел это, но надеялся, что султан поймет, как важно для пользы государства то, что делает эмир. «Он поймет, — думал Навои, — что строительство школ и медресе важнее мелких дворцовых интриг за власть». Но Хусейн понимал это все меньше. Его все чаще начинали тяготить постоянные советы Алишера: «Хочешь добра — пребывай с добрыми!»

Прошло то время, когда Хусейн и слышать не хотел о том, чтобы освободить Навои от должности везира. Теперь Алишеру удалось настоять на своем.

Противоречивые чувства владели Хусейном, когда он давал согласие на просьбу Навои. Он вдруг испытал ужас при мысли, что лишится его помощи. Поэтому,

отпустив эмира от управления делами, он все же настоял, чтобы Навои остался его личным советником, исполняющим те обязанности, которые необходимы в то или иное время. Таким образом, и сняв с себя сан везира, Навои не ушел окончательно от дел. Он согласился на это, чтобы не отдавать народ окончательно во власть хищных, жадных чиновников.

А случаев хищничества и злоупотреблений было немало. Жители Герата долго помнили историю с гробницей Али.

В Герате был праздник. Султан Хусейн недавно вернулся из Балха. Там в торжественной обстановке была освящена открытая недавно могила святого Али. По легенде, она была разрушена во времена нашествия Чингис-хана. Открытие ее спустя два века казалось Хусейну счастливым предзнаменованием. Вернувшись в Герат, он роздал богатые подарки войскам и народу в честь радостного события.

Толпы людей, веривших в чудеса, устремились к новой святыне. Вокруг могилы выросло селение с базаром, банями и караван-сараями. Для чиновников открылись новые источники обогащения: торговцев и доверчивых паломников облагали огромными налогами.

Навои хорошо знал как делаются подобные открытия святых мест. Какой-нибудь ловкий человек в поисках наживы сообщал, что он открыл могилу святого. И хотя всем было известно, что святой никогда не был в этих местах, выдумке охотно верили те, кто мог извлечь из нее какую-нибудь пользу. Так было и с могилой Али. Средства, затраченные на подарки и оплату чиновников, были огромны.

Не прошло и года, как в самом Герате никому не

вѣдомый арбакеш заявил, что он открыл новую гробницу того же Али.

— Именем человека мудрого и праведного торгуют, как орехами на базаре. Сколько может быть могил у Али? — возмущался Навои, когда было устроено празднество по поводу нового открытия.

Вскоре Навои узнал, что арбакеш вознагражден по царски. Поговаривали, что наибольшую сумму дал Мадждаддин, у которого всегда находились деньги для дел, казавшихся ему выгодными.

Но голос разума дошел вскоре до большинства людей. Предприимчивому арбакешу пришлось попросту бежать из Герата. После этого не раз еще возникали слухи об открытии могилы Али в окрестностях Герата, и тогда султан Хусейн окончательно убедился в наглой лживости этих сообщений. Он приказал строго наказывать виновных в распространении слухов. Несколько человек было всенародно высечено на площади.

На это зрелище потекли такие же толпы, как год назад на празднество по случаю открытия могилы Али.

На следующий день после наказания преступников Навои раньше всех пришел на прием к Хусейну. Он хотел поговорить о происшедшем, с тем чтобы урок не пропал для Хусейна даром.

Хусейн радушно встретил Навои.

— Падишах, вы хорошо спали? — дружески спросил Алишер.

— Да, я доволен, что лжецы, действовавшие именем пророка, наказаны по заслугам.

Алишер не удержался, тонко улыбнулся и сказал:

— С этого надо было начать, когда зашла речь о

первой могиле. Средства, истраченные на нее, потекли в бездонные карманы многих мошенников.

Хусейн нахмурился.

— Ну, это еще не доказано.

— Если султану будет угодно, я могу с полной ясностью раскрыть эту проделку, как раскрыл все последующие.

— С каких это пор вы, эмир Алишер, приписываете себе заслуги другого? — спросил Хусейн. — Вот бумага Мадждаддина, в которой он подробно и обстоятельно рассказывает обо всем, происшедшем в Герате.

Навои застыл от изумления, быстро пробежав глазами документ. Там почти точно повторялись его собственные слова. Очевидно, Мадждаддин подслушивал его разговор с Афзаладдином по поводу всех этих дел и понял, что дальше скрывать обман невозможно. И этот наглый, лживый человек выступил, как борец за правду! Навои счел ниже своего достоинства назвать Мадждаддина вором, укравшим его мысли. Он только посмотрел на Хусейна долгим, пронизательным взглядом и сказал, усмехнувшись:

— Значит, наши мнения совпали.

В приемную вошли вкрадчивый, мягкий Низамал-мульк, за ним решительно и твердо шел Мадждаддин. Навои почувствовал, что Хусейна тяготит его присутствие, и, выждав из приличия несколько минут, покинул зал.

«Я всегда старался сломать меч насилия своей рукой, но сейчас круг врагов моих слишком широк и султан уже больше не слышит голоса разума...»

Глубокая морщина прорезала его лоб и так и не сходила всю дорогу к дому.

Голубая шелковая занавеска колебалась за окном. Пламя в светильниках дрожащими языками поднималось кверху. За маленьким столиком, на ковре, среди подушек сидел Алишер и быстро, едва касаясь бумаги, писал изящным и четким почерком. Порой он останавливался, пробегал глазами написанное и снова писал. Свеча оплывала тут же на столике. Навои поставил точку, отложил перо, задумался и вздохнул. Лицо его было прекрасно и молодо, но в черной бороде уже змеялись серебряные нити. Так ранней осенью появляются сухие листья в пышно-зеленой кроне деревьев.

Перевернув несколько страниц, Навои прочел вслух:

Столь высоко держал он правосудия длань,  
Что потеряла страх и перед тигром лань.  
Столь справедлив, он так в делах возвысил ум,  
Что благоденствовал при нем и дальний Рум<sup>1</sup>.

«О таком султани я мечтал всю жизнь, — подумал Навои. — Я дерзко возомнил, что могу воспитать такого, что друг моего детства, храбрый воин, талантливый поэт, Хусейн поднимет знамя справедливости и счастья в крепко сплоченном Хорасане. Увы!»

Навои перевернул еще несколько страниц и гневно прочел:

Чуть порвалась отца и сына связь,  
Их общий путь стал разным, раздвоясь.  
Сначала вспыхнет в слове их вражда,  
Потом взалкает крови их вражда.

<sup>1</sup> Рум — искаженное слово «Рим», обозначало Византию.

Отец на сына смертный точит меч,  
Сын голову отцу готов отсечь.  
Неукротимым гневом обуян,  
Разбушевался бедствий ураган.  
Ломая, сокрушая все окрест,  
Людей с насиженных сметая мест,  
Низверг он в бездны бедствия народ,  
В пыль превратит впоследствии народ.

Навои перелистал еще несколько страниц, пока перед ним не открылась совершенно чистая. «Итак, я кончил свой труд!» Ликующая радость на мгновение вспыхнула в его сердце; он встал, подошел к окну, отодвинул занавеску. Высокое звездное небо стояло над ним. Трехлетний труд, пятьдесят тысяч строк — его «Хамса» закончена. Весь опыт, накопленный за сорокалетнюю жизнь, он раскрыл в этих пяти поэмах. Он запечатлел в них любимые образы. Низами, Хосров Дихлеви были его учителями.

Вот проносятся перед ним в неясном сумраке ночи несчастные влюбленные Лейли и Меджнун. Он слышит грохот камней; это герой-богатырь Фархад прорывает канал во славу прекрасной Ширин. Появляется живительная влага, ликует народ. «Созидатель, настоящий народный герой, — думает Навои. — Таким должен быть каждый, кто достоин звания человека».

И как он счастлив, что написал свои поэмы на родном языке! Он гордо заявил об этом в заключении к «Фархаду и Ширин»:

Я войск не двигал для захвата стран,  
Но каждый раз я посылал фирман.

Скажи: писал я дарственный диван  
Не так, как государственный диван,

И от Ширази до степей туркмен,  
От Хорасана до китайских стен, —

Где б ни был тюрк — под знамя тюркских слов  
Он добровольно стать всегда готов.

И эту повесть горя и разлук,  
Страстей духовных и высоких мук,

Всем собственным цевзгодам вопреки,  
Я изложил на языке тюрки...

Голова Навои слегка кружится от усталости и восторга. Ему кажется, что откуда-то доносится мелодия. «Это я сам сочиняю, — усмехается Навои. — Но такая музыка, должно быть, раздавалась во дворцах царя Бахрама, когда он тосковал по своей Диларам». Он любил эту поэму «Семь планет», в которой рассказывались чудесные сказки о смелости и справедливости, о дружбе и преданности. Но о чем бы ни рассказывал Навои, всегда основная его мысль была: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе».

В своей первой поэме «Изумление праведных» он не побоялся сказать султану:

Путь твой к насилью направлен всегда.

Султан Хусейн мог и не принять на свой счет эти гневные слова, но он слишком хорошо знал Навои, чтобы не понять их смысла.

В последней поэме «Хамсы» — «Вал Искандера» — Навои дал образ государя, который представлялся ему идеальным: Александр Македонский, благородный, мужественный, сильный; именно потому он непобедим.

Без войска шах — не шах. Могуч не трон — войска,  
Шах битву выиграл. Скажи: не он — войска,

— Надо беречь каждого человека, и тогда сбережешь народ, — говорил Навои.

Хусейн читал поэмы Навои, он хвалил их, но никогда не высказывал того, что думал о них всерьез. Навои надеялся, что мужественный, благородный образ Александра Македонского, победителя, покажет Хусейну, каким должен быть правитель государства. Может быть, он еще одумается и послушает голоса разума, — ведь слово поэта всегда так сильно действует на него.

«Ах, Хусейн, Хусейн! Я мог бы тебе простить твою несправедливость ко мне, но не к народу, которому ты обязан служить. А твой талант! Иногда за кубком вина ты слагаешь газели о любви. Это для тебя только забава...» С такими речами не раз мысленно обращался Навои к Хусейну. Но было бы напрасно об этом говорить прямо. Хусейн за эти годы сгрубел и ожесточился. Он уже не терпел возражений. Ему слишком много льстили чужие, равнодушные люди. Он легко поддавался влиянию. В погоне за властью он не сумел воспитать верных, любящих сыновей. Старшего, Бадиаззамана, восстанавливала против него Бике, с которой Хусейн развелся. А новая его жена Хадиджа-бике настраивала против него всех его детей и внуков.

Черная сеть интриг плелась вокруг Навои. Правда, старые враги были уничтожены. Музаффар давно умер. Сании был заключен в тюрьму. Он попробовал как-то разжалобить Навои, написав ему из тюрьмы стихи:

Никогда не дойдет до тебя моя жалоба,  
Даже память о Сании в сердце мертва.

Да, мертва. Нужно уметь быть строгим к тем, кто этого заслуживает. Расследование дел Сании показало

ло, что он нажил огромные богатства, грабя казну. За-  
нимая государственные посты, он заботился только  
о собственном благе. Бадахшанские рубины украшали  
его одежду, бухарские ковры висели в его домах, араб-  
ские скакуны стояли в его конюшнях. Но даже и не  
это было главным: выяснилось, что он вел переговоры  
с врагами Хорасана о переходе на их сторону. Шесть  
лет шло следствие по делу Сании, пока собраны были  
все нити его преступлений. Теперь стало ясным:  
Сании ждет виселица.

Навои припомнил и других врагов.

Маджаддин все еще отстранен от дел дивана. Но  
он был управителем дворца и знал путь к сердцу сул-  
тана.

Добрый душу отдал в жертву — думал друга обрести,  
Но пред добрым — враг смертельный. Знай: людской  
коварен род.

Эту газель, как и многие другие, горькие и мудрые,  
написал Навои в эти годы. Их он читал теперь толь-  
ко своему другу Джами. Никто так не понимал его.  
Их мысли перекликались всегда и во всем. Джами вы-  
разил то, что с давних пор было правилом Алишера:  
«Человек имеет право лишь на то, что заработано  
трудом его собственных рук». И вот, открыв сейчас  
страницу своей поэмы «Изумление праведных», Навои  
прочитал свой ответный стих: «Лучше получить один  
дирхем за труд, чем сокровище даром».

Старый поэт был первым и главным слуша-  
телем Алишера. Вот и сейчас. Навои едва может до-  
ждаться утра, чтобы пойти к нему и прочитать заклю-  
чительную часть поэмы «Вал Искандера».

Спать не хочется. Но бессонная ночь не тяготит  
Алишера, она прошла в творчестве. Он подвел в эту

ночь итог огромному труду. И этот труд показался ему  
маленьким, — так требователен был к себе Навои.  
«Сколько нужно сделать еще...» думал он. Эта  
мысль была последней в час рассвета. Голова сама  
собой склонилась на подушку. Алишер Навои спал.



Мой труд! Найди к душе народной  
путь,  
Народу моему желанным будь!

На вои, Семь планет





## и Портрет

**В**

етер повеял с гор, и в саду стало прохладно. Шелестел камыш беседки. За шахматами сидели Навои и молодой человек с черными выразительными глазами. Тонкой смуглой рукой он переставил фигуру на доске и прочитал нараспев:

Хоть раз бы мне увидеть облик твой —  
И обретет моя душа покой.

В то же мгновение, как бы вторя его голосу, из сада раздались звуки музыки. Навои прислушался:  
— А, пришли наши музыканты! Хелали<sup>1</sup>, друг мой, вы быстрее написали вашу поэму «Шах и нищий», чем обдумали один шахматный ход. Так мне и до завтра не удастся вас обыграть.

— Пора бы, учитель, хоть раз выиграть и мне. Вот потому-то я и думаю так долго.

— О, только не сегодня! Редкий день, когда я по-

<sup>1</sup> Хелали — поэт, младший современник Навои.



зволяю себе, удалясь от дел, послушать музыку и познакомиться с новыми произведениями композиторов, я не могу провести за шахматной игрой. Да и вам, Хелали, я советую почаще слушать музыку. Для поэта она—часть его творчества. Вы не огорчайтесь, что проигрываете мне в шахматы: я с раннего детства обучен этой игре; еще в доме моего отца имел превосходных учителей.

Хелали быстро смешал фигуры на доске.

— Сдаюсь! И не все ли мне равно, лишь бы быть подле вас! Один день, проведенный с вами, надолго освещает все остальные. Я надеюсь, вы выслушаете сегодня исправления, которые я внес в поэму по вашему указанию?

— Да, конечно, но только попозже, вечером, когда соберутся поэты. Сегодня, — продолжал Навои, — я получил странный подарок. Рано утром ко мне пришел человек и назвался слугой одного художника, просившего не раскрывать его имени. Слуга оставил мне рисунок и письмо, а сам ушел, не дождавись ответа. Я развернул рисунок и увидел свое изображение. В письме художник говорит, что не хочет назвать себя, пока не достигнет вершины искусства, но ему кажется, что в этом рисунке он уже чего-то добился. Далее он рассказывает, что видел меня много раз, знает мои манеры, привычки, любимые цвета и изобразил меня по памяти. Он пишет также, что является одним из тех, к кому я проявил внимание, благодаря чему он и смог стать художником. Рисунок подписан: бедняк Али. Целый день меня мучает мысль, что я отпустил слугу, так и не узнав имени одаренного художника. Если я не заблуждаюсь, то рисунок очень хорош. Я поместил его подле моего ложа, чтобы почаще смотреть на него. Может быть, изучив характер рисунка,

я смогу в конце концов узнать, кому он принадлежит. Мне известно, что Бехзад тоже заканчивает мой портрет, и я хочу скорее показать ему этот рисунок. Пойдемте.

Навои и Хелали медленно шли по дорожке сада под звуки музыки.

Подле высокого кипариса собралось несколько человек, одетых в домотканые халаты. Они громко спорили о том, как лучше выкорчевывать дерево со всеми корнями, чтобы безболезненно перенести его на новую почву. Распоряжения отдавал Мусабек, отличавшийся среди всех ловкостью и силой движений, властным голосом хозяина, покроем одежды, напоминавшей кафтан воина. Увидев приближающегося Навои, все склонились, а Мусабек сделал два шага навстречу поэту и сказал:

— По вашему приказанию я выбрал несколько деревьев, чтобы перенести их в сад при ханаке Унсия<sup>1</sup>.

Услышав это, Хелали восторженно воскликнул: — Дерево, украшавшее сад Навои, будет особенно радостно для глаз. Как был бы я счастлив, если бы кипарис поставили перед окном моей худжры! — И живо добавил: — Мое окно — первое слева, на южной стороне.

— Сделайте так, — распорядился Навои, обращаясь к Мусабеку. — А что, ханака заселена уже вся? Я давно не имел возможности побывать там.

— Да, — живо ответил Хелали. — С тех пор, как я благодаря вашим заботам поселился там, я работаю много успешнее. Великое дело — постройка этой ханакы для поэтов, ученых, художников... Там все располагает к труду, там собраны лучшие в мире книги. Вам, вам одному обязаны мы этим!

<sup>1</sup> У н с и я — дружественная.

— Значит, ты заночуешь в Герате? — снова обратился Навои к Мусабеку.

— Да, эмир, вряд ли я успею сегодня вернуться.

— Хорошо. Но завтра пораньше привези мне все новости и папку с делами.

— Я слышал сегодня, выезжая из Герата, — сказал Хелали, когда они двинулись дальше, — что султан намеревается переселить три тысячи семейств из Хорасана в Хорезм<sup>1</sup> для оживления края.

— Как, опять? Этого быть не может, — сдержанно и хмуро ответил Навои. Но в глубине души он понимал, что предстоит новая борьба. Несколько раз он просил султана не делать этого, считая, что незачем опустошать Хорасан.

Спокойствие его души было нарушено. Но Навои снова обрел его, когда увидел группу музыкантов, расположившихся под деревом.

— А, Кул-Мухаммед! Шейхи! Какой праздник для слуха!

Кул-Мухаммед славился мелодиями собственного сочинения. Но никто не мог превзойти Шейхи в игре на всех музыкальных инструментах, а особенно на флейте. Знаменитых музыкантов окружали их ученики; у каждого в руках был гиджак или флейта. Увидев Навои, Шейхи заиграл на флейте, приветствуя поэта. Мелодия то напоминала щебет птиц в весенний день, то делалась задумчивой и грустной, как песня матери над засыпающим больным ребенком; но радость в конце концов восторжествовала,

<sup>1</sup> Хорезм — северо-западная часть современного Узбекистана. В состав владений Хусейна входили, по свидетельству современника, земли от Хорезма на севере до Кандагара и Сенстана на юге, от Балха и Газны на востоке до Дамгана и Бистама на западе.

и плясовые напевы ворвались в протяжный мотив. Шейхи кончил, резко оборвав на высокой ноте, и поклонился Навои.

— Замечательно, непревзойденно! — сказал Навои с увлажненными глазами и обнял музыканта.

Кул-Мухаммед настраивал в это время свой гиджак.

— Если мне будет позволено, я постараюсь исполнить ту же мелодию на гиджаке.

Все замолчали. Кул-Мухаммед правильно передал сложный мотив, но не было гибкости в переходах, и музыка казалась мертвой. Напряжение исказило лицо музыканта, натянуты были и лица слушавших. Тогда Шейхи взял из рук Кул-Мухаммеда гиджак и заиграл ту же мелодию. Сразу посветлели все лица. Смычок был послушен Шейхи так же, как и флейта.

Первым захлопал музыканту побежденный Кул-Мухаммед.

— Превзойти Шейхи невозможно, — сказал он. — Слушая его, хочется создавать без конца новые мелодии, ибо знаешь, что они будут переданы в совершенстве.

Близился час заката. Косые лучи осветили стволы деревьев.

— Интересно, где Бехзад? — спросил Навои. — Он сегодня весь день провел в саду.

Как бы откликаясь на этот вопрос, на дорожке появился художник, одетый изящно и очень богато. На нем был темнозеленый кафтан с золотыми застежками, широкий синий пояс; синий, расшитый золотым рисунком халат был надет поверх. На указательном пальце левой руки сверкал огромный сапфир — подарок Навои.

Давно забылось то время, когда Бехзад, бедный маленький сирота, был взят на попечение хранителем библиотеки султана Хусейна, художником Устад-Миреком. Теперь достаточно было произнести лишь имя Бехзада, чтобы у всех восхищенно заблестели глаза. «Его кисть дала жизнь неодушевленным предметам», — так говорили о нем все, кто хоть раз видел его картины.

Бехзад держал в руке свернутый рисунок. Увидев Навои, он радостно улыбнулся и ускорил шаги.

— Вас-то я и ищу, мой друг, — ласково сказал Навои. — Мне хочется показать вам одну вещь, которая, несомненно, заинтересует вас. Куда вы скрылись на весь день?

— Я сидел под деревом, которое так широко раскинуло ветви, что они заслонили солнце. Пользуясь благодатной тенью, я заканчивал свою картину, которую тоже хотел бы поскорее вам показать.

Навои взял Бехзада и Хелали под руки, и они направились в дом. В комнате с широкими окнами, дававшими много света, Навои быстро снял со стены рисунок и поднес к окну:

— Смотрите! Как вы находите эту работу? И не знаете ли, кто автор?

Это был портрет Навои. Задумчиво смотрели из-под белого тюрбана темные глаза. Над тюрбаном возвышался зеленый колпак. Слегка запахнутый, орехового цвета халат позволял видеть надетый под ним голубой кафтан. В какую бы сторону зритель ни отходил от портрета, ему казалось, что глаза Навои следуют за ним.

Бехзад долго молча смотрел на портрет. Разные чувства попеременно отражались на его лице. Потом

он крепко свернул в трубку рисунок, который держал в руках, и почтительно поклонился Навои.

— Сегодня я думал, что закончил ваш портрет. Но увидев это изображение, я не хочу показывать его даже вам.

— Ах, Бехзад, Бехзад! Никогда я не думал, что у вас может быть такая ревность к достижениям другого, — удивленно и мягко сказал Навои.

— Нет, нет, нет! — горячо запротестовал Бехзад. — Это не ревность, а преклонение перед совершенством. Теперь я понимаю, что мог сделать свою работу лучше, и я сделаю это. Этот бедняк Али неизмеримо богат, если он считает нужным еще скрывать свое истинное имя.

Бехзад взволнованно вышел из комнаты, а Навои сказал тихо, почти про себя:

— Скромность — это парус корабля человечества, стремящегося вперед. Истинное величие и сила художника в том и заключаются, чтобы отказаться от уже сотворенного, добиваясь совершенства. Бехзад — великий художник!

## СТО ТЫСЯЧ КЕБЕКСКИХ ДИНАРОВ

Ущербная луна встала над горой и осветила долину, широкую степь, вьющуюся дорогу и одинокого всадника на ней. Конь бежал рысью, но, прищипоренный, полетел, как ветер. Вскоре показался большой сад, окруженный высокой стеной. Остановившись у ворот, всадник соскочил с коня и уверенно постучал. На знакомый стук мгновенно открылись ворота.

— Так поздно, Мусабек? Вы ведь не думали се-

годня возвращаться? — спросил привратник, протирая заспанные глаза.

— Дело есть! — сухо перебил Мусабек. — Эмир спит?

— Не знаю. Еще недавно, когда ветер поколебал занавесы на его окне, я увидел свет в комнате. До поздней ночи сидели гости...

Мусабек отвел лошадь в конюшню и решительно пошел в дом. Когда Навои жил в своем загородном доме, Мусабек имел право входа к нему в любой час дня и ночи. Он привозил вести из Герата, требовавшие иногда неотложного вмешательства. На этот раз дело было особенно срочно. Мусабек заметно волновался. Он постучал сначала тихо, потом громче. Навои открыл дверь. Поэт еще не спал, он лишь недавно отложил перо, немало потрудившись над четырьмя строками газели. Она еще звучала в его памяти, и Навои посмотрел на своего управителя отсутствующим взглядом.

— Благородный эмир! Я не напрасно прискакал так поздно. Творится серьезное дело. Султан Хусейн прислал из Мерва приказ на имя высокопочтенного мужа эмира Валибека срочно доставить сто тысяч кебекских динаров, собрав их с жителей города Герата и его округа. Эмир Валибек взыскал уже половину этих денег с некоторых зажиточных землевладельцев. Сейчас он намеревается получить остальные деньги с жителей самого Герата, разложив их по количеству душ. В городе и деревне начинаются волнения, особенно среди бедняков. К счастью, эмир вызвал вашего советника ходжу Мир-Сер-Берахне, желая выяснить ваше мнение на этот счет. Эмир не знал, что вы пребываете на даче. Ходжа послал меня сооб-

щить вам поскорее об этом деле и узнать, каково ваше решение.

«Что это все значит? — с возмущением думал Навои. — Хусейн поехал в Мерв поохотиться и развлечься. Если каждая охота будет обходиться в сто тысяч, государство разорится очень скоро».

— Держать сторону волка — значит погубить куриный род! — сказал Навои и быстро накинул на себя верхний халат.

— Оседлать коня для вас, эмир?

— Нет. Я раздумал. Передай советнику Мир-Сер-Берахне, что я не считаю приличным для державы победоносного султана возлагать на подданных без достаточной причины уплату такого количества золота. Но так как деньги необходимо доставить, то пусть возьмут из моих личных средств.

— Пятьдесят тысяч кебекских динаров? — с ужасом воскликнул бережливый Мусабек.

— Я дал бы все сто, лишь бы не трогать народ.

\* \* \*

Тридцать раз вставало и вновь заходило солнце, а султан Хусейн все не возвращался в Герат. Удачная охота в окрестностях Мерва сменялась пирами в самом городе. Пирьи устраивались в бывшем дворце мирзы Санджара, а султан Хусейн всегда испытывал особое удовольствие от того, что он полновластный владыка того дворца, из которого некогда был изгнан. Давно истлели кости его тестя, но ненависть к нему все еще вспыхивала в сердце Хусейна.

В последнее время султан Хусейн изредка совершал незначительные военные походы, но зато часто устраивал огромные пирьи. Походы он предпринимал, чтобы усмирить своих мятежных родственников, а на

пирах заключал с ними перемирия. И то и другое требовало больших средств. Внутренние распри раздирали страну. Мирные землепашцы должны были идти против своих же братьев.

Алишер попрежнему нередко сопровождал султана в его походах, но он не видел в них ничего, кроме бессмысленного кровопролития.

Хусейн давно понимал, что у Навои нет к этому сочувствия, и сам все больше тяготился близостью поэта. Ему надоел постоянный надзор за его совестью. Хусейна раздражала любовь народа к Навои. И раздражение это росло под влиянием врагов поэта.

Охота и пиры в Мерве были на этот раз обставлены с особой роскошью. Мадждаддин потакал расточительству султана, немало, конечно, урывая и для себя: там, где тратятся тысячи, незаметно исчезновение сотен, а из сотен слагаются тысячи.

Мысль обложить новыми налогами население принадлежала Мадждаддину, но, отстраненный от дел дивана, он действовал через Низамалмулька. Мадждаддин все острее переживал свое удаление от дел дивана. «Мне, только мне надлежит вершить государственные дела, — думал он. — Если бы все нити управления были в моих руках, о, тогда бы я показал, что значит мощь и сила полновластного правителя... А что может сделать управитель дворца? Он видит султана каждый день, он знает его слабости и пороки, его привязанности и капризы, но вмешиваться и влиять он имеет право только в пределах узкой дворцовой жизни».

Мадждаддин прекрасно знал, что прежнее положение он мог бы занять, только окончательно подорвав доверие Хусейна к Навои. Разные намерения,

одно другого страшнее, приходили в голову Мадждаддину. Конечно, больше всего ему бы хотелось, чтобы Навои умер. Но Мадждаддин понимал, как опасно решиться на убийство поэта, столь любимого народом. Поэтому мысли его были направлены на то, чтобы изыскать способ удалить Навои. Ему показалось, наконец, что этот способ найден. Роскошь, наслаждения — вот что султану Хусейну теперь дороже всего. Для этого нужны большие деньги. А денег не хватает. Слишком много средств уходит на благоустройство страны, на народное образование, на людей, занимающихся науками и искусством. И всему этому покровительствует Навои. Надо разжечь жадность Хусейна и подвести поэта под опалу.

Пир был в самом разгаре, когда из Герата прибыли чиновники казначейства с собранными деньгами. Среди приехавших был и Мир-Сер-Берахне: ему надлежало рассказать султану Хусейну в самой вежливой, но решительной форме о недовольстве Навои новым налогом.

Управителю дворца Мадждаддину обычно докладывали первому о прибытии новых людей во дворец. Узнав о приезде чиновников из Герата, Мадждаддин внимательно посмотрел на пирующих. Султан Хусейн был в том состоянии, когда вино уже разгорячило кровь, но еще не затуманило мысль. Он нараспев читал стихи, наклонившись к брату Низамалмулька, большому любителю изящного. Сам Низамалмулька подобострастно-нежными глазами смотрел на султана, делая вид, что и он тоже наслаждается поэзией. Кругом все шумно веселились, кричали: кубки с вином осушались и наполнялись вновь.

Мадждаддин никогда не напивался допьяна, чтобы не потерять головы. Его сухощавое лицо с небольшой

заостренной бородкой искажилось презрительной улыбкой, когда он посмотрел на пышнотелого густобородого Низамалмулька. Узнав от чиновника все, что его интересовало, Мадждаддин обратился к Хусейну, почтительно сказав:

— Слава аллаху, великий султан! Прибыли чиновники из Герата с требуемыми деньгами.

Все лица мгновенно оживились, а султан Хусейн благосклонно повернулся к Низамалмульку:

— Примите, везир, чиновников и доложите мне.

В это время слуги вносили в подвалы дворца тяжелые мешки, туго набитые золотыми и серебряными монетами, а в пиршественный зал легко впорхнули танцовщицы, купленные за большие деньги у одного китайского торговца.

Перед рассветом, когда закончился пир и султан Хусейн ушел в свои покои, Мадждаддин последовал за ним. Приняв вид встревоженный и огорченный, он присел у ложа, на которое тяжело опустился султан.

— Ты хочешь мне что-нибудь сказать? — спросил Хусейн, еще полный приятных воспоминаний о пире.

— Простите, око вселенной, как мне ни грустно, но я должен передать вам немедленно по просьбе достопочтенного эмира Алишера Навои его слова: он считает неприличным возлагать на подданных без причины такой большой налог.

Мадждаддин особенно подчеркнул слова «неприлично» и «без причины».

Гнев зажегся в хмельных глазах Хусейна. Он не терпел, чтобы ему перечили. «Что он хочет от меня? Я почитаю его, как великого поэта и благородного мужа, но я не могу вечно жить по его указке!» — так не раз в последнее время думал Хусейн.

— Достопочтенный эмир не учитывает, — продол-

жал Мадждаддин, — что часто мощь государства определяется его блеском. Сам эмир тратит большие деньги на то, что кажется ему нужным. Когда же требуется золото для султана, он возражает весьма непочтительно.

Хусейн нетерпеливо махнул рукой.

— О, эмир Алишер — замечательный человек, он любим народом, — лицемерно сказал Мадждаддин. — Но я считаю, что он должен был бы сам явиться в Мерв и в дружеской беседе сказать султану эти слова, а не передавать их через слугу. К тому же он прекратил сбор налогов и внес вторую половину из своих средств. Это сделано для того, чтобы народ снова воздавал ему хвалу, чтобы все видели, как он облагодетельствовал султана.

Ничто не могло так ранить самолюбие Хусейна, как последнее замечание Мадждаддина. На это хитрый царедворец и рассчитывал.

Стараясь обрести спокойствие, Хусейн нервно перебирал аметистовые четки.

— Что же вы советуете? — наконец спросил он.

У Мадждаддина злой радостью блеснули глаза: султан впервые говорил с ним так прямо.

— Герат преуспевает по милости благословенного эмира, — лицемерно сказал Мадждаддин, — неплохо было бы, если бы он приложил свои усилия и в других областях. Например, Астрабаде...

Хусейн полузакрыв глаза и, казалось, невнимательно слушал Мадждаддина. Он жестом дал понять, что отпускает его. Мадждаддин бесшумно вышел из комнаты и плотно задернул тяжелую коверную завесу.

## ОПАЛА

По возвращении в Герат султану Хусейну снова понадобились деньги. Сумма была небольшая, но золото нужно было немедленно, а личная казна Хусейна была в это время пуста.

Утром в диване Хусейн долго разбирал с везирами разные дела; наконец, как бы невзначай, небрежно поручил им раздобыть деньги. Везиры Низамалмульк и Афзаладдин тревожно переглянулись и промолчали. Требуемая сумма была сравнительно невелика, но они предвидели ряд трудностей: новые налоги могли взволновать население. Только Мадждаддин, стоявший у подножья трона, многозначительно усмехнулся.

— Вы хотите что-нибудь предложить? — холодно обратился к нему Хусейн.

— Да, падишах! — воскликнул перване. — Но я скажу это вам только с глазу на глаз.

«Что еще готовит эта лиса?» досадливо подумали везиры, но султан отпустил их. Ему не терпелось скорее узнать, что предложит управляющий дворцом. Зная находчивость Мадждаддина в денежных делах, он приказал ему говорить.

— Падишах! — внушительно начал тот. — Я могу достать значительно больше, чем вы требуете. Но пусть даже слуги выйдут из зала, ибо известно, что во дворце каждый второй доносит на первого.

Когда все покинули зал, Мадждаддин проверил стены и двери, и лишь тогда султан Хусейн приклонил ухо, внимательно слушая, что говорил ему находчивый придворный.

А вечером Хусейн вызвал к себе Навои. Оба были сумрачны и замкнуты.

— Я не имел удовольствия поговорить с вами

обстоятельно после моего возвращения из Мерва, — начал беседу Хусейн, — а между тем есть новые дела, которые мне хочется с вами обсудить.

— Я всегда к услугам великого султана, — сухо поклонился Навои. Он чувствовал отчужденность, вставшую между ним и Хусейном.

— Меня беспокоит состояние казны. Все чаще и чаще приходится испытывать затруднения, и я не вижу человека, который бы сейчас успешно занимался этими делами... Что вы скажете, благородный эмир, если я верну полноту власти Мадждаддину?

— Великий султан знает мое мнение на этот счет.

— Я не понимаю, почему вы так упорствуете? Страна процветала при нем.

— Прежде всего процветали его собственные дела, а народ сгибался под тяжестью налогов.

С волнением в голосе Навои заговорил о том, что накопилось в его душе.

— Это не человек, а сова. Хитрость и несправедливость у него в обычае. Он стремится добыть золото даже из камня. Он извлекает выгоду из народных бедствий. Не его ли это мысль была о переселении земледельцев, честно возделывающих свою землю, из Хорасана в Хорезм? Он знает, что многие постараются откупиться, и в карманы алчного Мадждаддина перейдет, таким образом, немало народных денег. Я позволю себе обратиться к вам со смиренной просьбой этого не делать. Переселение разорит Хорасан, не принеся никакой пользы Хорезму. Когда Мадждаддин получит все права, он зажмет народ в железное кольцо своей жадности и жестокости.

Но султан Хусейн был уже глух ко всем доводам. Ему надоели эти вечные назидания. Он спросил мнения эмира Алишера только по привычке. И еще для

того, чтобы смягчить готовящуюся ему опалу. В глубине души он считался с Навои. Но его доводило до бешенства неподкупное благородство эмира, давшее ему право поучать султана. Беседа была короткой. Поговорили еще для виду немного о новых стихах, и Хусейн отпустил Навои.

На следующий день стало известно, что Мадждадин получил новый титул — «доверенное лицо султана»: он должен был накладывать печать от имени государя, все доклады и жалобы могли быть приняты только с его ведома, даже от везиров и эмиров.

Эмиру Алишеру было предложено безоговорочно принять пост хакима в далеком Астрабаде.

### В АСТРАБАД!

Ой, хитер мой верный конь!  
Ты его камчой только тронь,  
В воду он пойдет и в огонь.

Всадник ехал рысью, громко распевая. Чем ближе подъезжал он к городу, тем нетерпеливее понукал коня. Он приближался к Астрабаду, где некогда жила девушка, которую он любил больше всего на свете. Кто знает, не предначертана ли в книге его судьбы новая встреча с ней? Мусабек следовал за Алишером Навои. Он вырвался вперед каравана гонцом, чтобы подготовить достойную встречу хакиму. Ему хотелось уютно и богато убраться в новый дом, чтобы и на чужбине Навои чувствовал заботливую руку верного человека.

Уезжая в Астрабад, Алишер взял с собой самых преданных и доверенных людей. Среди них был его двоюродный брат Хайдар, сын Сейид-ака, погибшего

некогда от руки Абу-Саида. Он боготворил Навои и видел врага в каждом, кто не поклонялся ему. Алишер уставал от бурных проявлений чувств, но ценил бескорыстное сердце и поэтический дар Хайдара.

Навои не пожелал воспользоваться носилками для этого путешествия. Крепкий, сорокашестилетний, он верхом на коне пересекал долины и реки, пески и холмы.

Мусабек не напрасно поскакал вперед: жители Астрабада, узнав, кто их новый хаким, ликовали и радовались. Люди на улицах обменивались приветствиями, поздравляли друг друга.

— Вот когда справедливость заглянет и в наш город, — говорили они.

Особенно радостно встретили весть ученые и поэты, школьники и учащиеся медресе.

Все празднично принарядились к встрече Навои. В первые дни пребывания в Астрабаде приходилось принимать многочисленных гостей, выслушивать их признания в любви, давать им советы и наставления. Каждый старался сделать ему что-нибудь приятное: ему приносили дары, слагали в его честь стихи, устраивали словесные турниры. Казалось, веселье не прекращается в открытом большом доме хакима. Но среди веселья был человек, которого не покидала тревога и грусть: это был вдохновитель и главный участник торжества, сам эмир Алишер. Он улыбался только из вежливости. Он держался спокойно, но в душе бушевала буря. В бессонные ночи он писал стихи о своей тоске, но и это не утоляло ее.

Каждый день несчастное сердце о прошедшей ночи рыдает.  
Проливаю горькие слезы по ночам о прошедшем дне.



Он тосковал по Герату, но выхода не было. К тому же в этом городе и во всей области, как и во всем Хорасане, были люди, нуждавшиеся в его помощи. В первые же дни, просмотрев дела предыдущих хакимов, Алишер ужаснулся. Пожалуй, во всем Хорасане не было места, более разоренного, чем Астрабад. Народ был голоден, гол, нищ. Когда чиновники, подобострастно кланяясь, излагали ему бесконечные судебные жалобы, он с горечью думал о беззакониях, царивших тут, о жадности и бессердечии тех, кто был призван заботиться о народном благе. Он увидел, что и здесь, в изгнании, вдали от любимых друзей, от города, где столько создано его усилиями, он сможет быть полезен. А не это ли главное в жизни? И мысль эта принесла ему некоторое облегчение.

Обо всем этом думал Навои, неторопливо перебирая деловые бумаги. Лицо его было непроницаемо, взгляд надменен и суров. Нужна крепкая власть, никакой пощады этим продажным алчным людям. Он сказал, обращаясь к казиям:

— Когда творите суд между людьми, судите по справедливости. Быть справедливым на час лучше, чем поклоняться богу шестьдесят лет.

«Доставлять радость сердцу человеческому — главная наша цель», сказал он самому себе.

Начали строиться во множестве школы, больницы. Заезжие купцы находили пристанище в удобных караван-сараях. Встречаясь на улице, люди, прежде чем спросить: «Как поживаете?», спрашивали: «Не знаете ли вы, как чувствует себя сегодня благословенный эмир?» Но сердце Навои попрежнему не знало ни радости, ни покоя.

## АСТРАБАДСКИЕ ВСТРЕЧИ

Утром с моря дул холодный, резкий ветер. Поверх шелкового стеганого халата Навои надел еще один, отороченный темным пушистым мехом. Вещи были влажными от оседавшего на них тумана.

Навои спал в эту ночь не более двух часов, — так углубился он в работу. Подолгу переделывал он строки газели, которые раньше казались ему совершенно законченными; потом он записывал, что произошло накануне в Астрабаде и что нужно сделать в ближайшие дни для улучшения жизни в этом городе. Только в работе находил он теперь забвение, только работой отгонял тяжелые мысли о великой несправедливости, совершенной с ним, о том, что победили темные силы. Он знал, что если здесь, в Астрабаде, он пытается чем-то улучшить жизнь народа, то там, в Герате, и во многих других местах, куда протянулась длинная злая рука Маджаддина, жить стало еще труднее, чем раньше. Недаром он получал столько писем от тоскующих по нем людей. Писали все: поэты и ученые, придворные и купцы, шейхи и деревни, эмиры и земледельцы.

Вот и сейчас, поживаясь от холода, он вышел в большой приемный зал и застал там посланца из Герата, привезшего пачку писем. Быстро просмотрев их, Навои особенно внимательно прочитал письмо знаменитого пахлевана, любимца Хусейна, Махмеда Саида. «Герат осиротел без вас. Наши души без опоры. Мы, как нищие о подаянии, просим о встрече с вами...» Эти слова выражали настроение всех. Навои глубоко задумался над письмом. Ему было и радостно и горько. Но никто из вошедших в эту минуту в зал не мог бы сказать, какие чувства разди-

рают сердце эмира: он был, как обычно, сдержанно спокоен. Начинаясь час приема. Нужно было быть во всеоружии.

Ветер к этому времени разогнал хмурые тучи, ослепительное солнце залило все вокруг. Невольно все заулыбались, а Навои снял с себя верхний халат с меховой оторочкой. Но пока эмир выслушивал дело о купце, ограбленном неподалеку от Астрабада и требовавшем, чтобы город, возле которого произошло ограбление, возвратил ему убытки, снова набежали тучи, разразившиеся дождем.

Алишер понимал, что купец хочет, пользуясь случаем, получить лишнее и указывает большие размеры пропажи, чем это было на самом деле. С другой стороны, эмиру хотелось привлечь в город побольше заезжих людей с товарами, чтобы оживить торговлю в Астрабаде. Нужно было усилить охрану дорог и начать проверку самой охраны: не оказался ли кто-нибудь из караула в сговоре с разбойниками. Разбор этого дела занял много времени. Покончив с ним, Алишер захотел отвлечься чем-нибудь более приятным; он подозвал главного строителя Астрабада, который воздвигал медресе как раз напротив дворца хакима.

— Скажите мне, Абдурахман, как подвигается строительство и смогут ли жаждущие знания начать свое учение хотя бы ранней зимой?

— Не угодно ли эмиру посмотреть в окно, как бойко идет работа?

Навои поднялся с подушек и быстро подошел к окну в сопровождении строителя. Перед окном висела сетка дождя, густая, как вуаль, закрывающая женские лица. Навои досадливо поморщился, пытаясь что-либо увидеть через нее.

— В этом городе погода капризна, как сердце поэта.

— Наш город тем и славится, — весело откликнулся Абдурахман, — что в нем в один день можно увидеть все четыре времени года.

Навои уже отвернулся от окна и шел к своему месту. Услышав слова строителя, он остановился, вздохнул, но тут же у него лукаво и молодо блеснули глаза, и, стараясь говорить как можно учтивей, он сказал:

— Ваша правда! Ведь в этом городе день тянется, как целый год.

Солнце снова вышло из-за туч, когда настал час обеда. Обширный двор перед домом Навои наполнился всадниками. Очевидно, они скакали издалека, — так запылены и устали были их лица. Эмиру доложили, что эти люди прибыли от туркменского султана Якуб-бека с подарками и письмом.

— Сегодня день писем, — усмехнулся Навои. — Накормить всадников получше.

В комнату уже вносили ящики и ковры.

— Хайдар, — обратился Навои к своему двоюродному брату, — приведи сюда начальника отряда и прочти вслух письмо султана.

Навои не удивился тому, что Якуб-бек вспомнил о нем. Султан покровительствовал людям искусства и науки; при его дворе имелось немало талантливых поэтов. Не случайно, покинув Герат, Беннаи именно у Якуб-бека нашел себе пристанище. Якуб-бек неоднократно выражал в письмах к Навои свое восхищение его талантом. Навои вспомнил забавный случай. Однажды он решил послать в подарок туркменскому султану сборник стихов Джами, которого тот высоко

ценил. По ошибке библиотекарь вынул из ниши книгу другого поэта, похожую по внешнему виду на сборник Джамии. Посланец уложил книгу на дно дорожного мешка и ни разу не вынимал ее во время пути. Когда он приехал ко двору туркменского султана, тот из вежливости спросил, не скучал ли он в дороге.

— О, нет, — подобострастно ответил посланец, протягивая султану книгу, — я всю дорогу наслаждался бессмертными стихами Джамии, собранными в этой книге, которую посылает в подарок великому султану благословенный эмир.

Султан Якуб-бек много смеялся над посланцем. А Навои был разгневан, узнав об ошибке библиотекаря и о лжи своего гонца. Но теперь веселая улыбка осветила это воспоминание.

Дары Якуб-бека на этот раз были необычайно пышны и богаты, а письмо полно самых страстных излияний. Оно выражало чувство глубокого преклонения перед гением поэта и мудростью градоправителя. Это было не просто личное письмо, а политический документ. Навои не понравилось то, что читалось между строк: там явственно проступали намеки, что ничто бы не было сейчас так кстати, как переход эмира Алишера ко двору туркменского султана. «Вот уже соседние султаны делают мне посулы, — горько подумал Навои. — Они думают, я изменю своему государю, раз он удалил меня из родного города».

Настал час предвечерней верховой прогулки. Обычно Мусабек сопровождал эмира, но сегодня Навои пожелал поехать один. Он любил, оставшись наедине с собой, предаться размышлениям. Проехав по главной улице, где ему то и дело кланялись прохожие, он свернул в кривую боковую улочку. Он ехал

мимо узких домов с плоскими крышами, над которыми вился дым. Очаги были зажжены, люди готовились к вечерней трапезе. Вскоре он выехал за пределы города. Дорога была грязная от недавно прошедшего дождя. Крепкий конь легко нес на спине своего всадника, привычной рукой направлявшего его.

Навои ехал на запад, где садилось солнце, откуда ветер все ошутимее доносил дыхание моря. Среди редких путников, появлявшихся на дороге, было несколько рыбаков; на головах у них, качаясь в лад шагам, стояли корзины, наполненные рыбой. Навои подумал о том, что здесь народу легче добывать себе пищу, чем в безводных местах. Далее он представил себе, каковы должны быть благоустроенные базары, где можно купить все, чего пожелаешь. Мысли его перебросились к большим караванным путям, по которым движутся всевозможные товары. Он думал о том, каким богатым мог бы быть Хорасан, если бы его не разоряли постоянные войны и жадность чиновников, если бы люди, работающие на земле, получали от нее то, что им полагается, если бы были отменены непосильные налоги. «Эти начальники подобны свиньям, которые взрыхляют землю без пользы, в то время, как земледельцы потом и кровью добывают каждое зерно, и они же забирают плоды его трудов...» Так, сосредоточенно думая о том, что в последнее время все более занимало его мысли, Навои доехал до разрушенной могилы. Солнце садилось все ниже, и низкие продырявленные стены отбрасывали причудливые тени. На земле, положив кирпич под голову, лежал оборванный и грязный старик. К его босым ногам прилипла мокрая глина; кончик грязной серой чалмы спускался на глаза. При виде всад-

ника в богатой одежде он вскочил и, причитая, начал просить милостыню.

— Кто ты? — спросил Навои.

— Господин, — простонал старик, — я был человек, теперь я никто. Волею аллаха я еще плетусь по земле, но слезы выели глаза мои, сердце сожжено страданием. Я голоден, наг, одинок. Каждую ночь я жду, что смерть придет за мной, каждое утро, горько плача, я встречаю новый день, еще один день моей жизни.

Алишер перевидал немало нищих на своем веку, но каждый раз при виде их убожества сжималось его сердце.

— Кто ты? — снова спросил он.

— Я был земледельцем, честно трудился, растил сыновей. Они выросли, стали джигитами, один другого храбрее и ловче. Старший был кузнецом. В доме было весело и сытно, когда звонкий молот бил в наковальню...

Старик замолчал, сокрушенно раскачиваясь. В глазах его стояли слезы и страх. У него было лицо человека, нанюхавшегося бенга<sup>1</sup>.

— Продолжай, не бойся, — ободрил его Навои.

— У сына вышел спор со сборщиком налогов. Сын мой воспротивился несправедливости и насилью. На другой день пришли стражники, горе мне, заковали сына его же молотом и увели неведомо куда...

Слезы лились неудержимо по лицу старика. Он продолжал нараспев:

— Младший сын объезжал коней у богатого деханина. Ах, какой был джигит! Ни днем, ни ночью

не знал отдыха. Раз понес его бешеный конь, на всем скаку упал мой джигит, и о камень разбилась его голова.

Старик выкрикивал все громче и громче, как будто заклинал.

— Была у меня дочь, красавица Гульран, утешение для глаз, ласковая, хозяйка. Увели, увели ее кочевники-скотоводы. Не честным путем, не по закону, — как добычу свою забрали.

Навои становилось все труднее слушать причитания, но старика уже нельзя было остановить.

— Не выдержала моя старуха этого удара, преставилась аллаху, и остался я один. Камень в пустыне не так одинок, как я. Бросил я свою землю, сил не стало одному работать, стал водоносом. Но какой я водонос! Руки дрожат, вода проливается... Задумал в Мекку ехать — искать утешения. Да последнего осла по дороге украли. Тут уж я не выдержал, лег у могилы святого и призываю смерть.

Такое количество бедствий, выпавшее на долю одного человека, казалось невероятным. У Навои больно сжималось сердце при мысли о горе этого чужого ему старика. Наверное, при жизни жены он не раз обращался к ней с бранными словами, да и красавице Гульран не раз, должно быть, попадало от него; да и не была она такой красавицей, какой нарисовало ее теперь отцовское воображение, но все вместе являло горестную картину жизни, в которой были повинны и беззаконие, и необразованность, и несправедливые налоги, съедающие весь труд людей. Один этот старик представил сразу столько обвинений всей жизни, что хватило бы распутывать их целому дивану судей.

— Ну, вот что, — сказал Навои, помолчав. —

<sup>1</sup> Бенг — род опиума.

Умирать рано, аллах еще не призвал тебя. Приходи завтра пораньше утром в город, прямо к дому хакима. Там скажешь, что тебя прислал эмир Алишер. И если уж ты так хочешь быть поближе к смерти, устроят тебя кладбищенским сторожем. Ты будешь жить у кладбищенской стены. Над головой твоей будет крыша, каждый день тебе будет обеспечен обед. А там ты поймешь, что жизнь может быть еще хороша...

И Навои, легко тронув коня, медленно двинулся дальше, на запад. Ветер с моря становился резче. Навои поежился от холода. Он думал о коварстве моря, о его таинственности. Море тешило его воображение. Недаром он с таким увлечением писал свою любимую сказку из поэмы «Семь планет» о морском разбойнике. Всю причудливую красоту стихии, все опасности, подстерегающие человека в море, старался раскрыть он в ней. И, кажется, это ему удалось. Теперь, когда он так часто мог видеть то сине-зеленые, то свинцово-серые, то белые от пены волны, он почувствовал это особенно ясно. Правда, теперь море часто наводило на него тоску. «Можно быть счастливым в келье, тесной, как могила, — часто думал Алишер, — если живешь в ней по собственному желанию. Но и самый широкий простор покажется тюрьмой, если тебя принуждают жить на чужбине».

Вечер быстро застилал все вокруг серой дымкой. Там и сям на пути эмира вставали полуразрушенные домики, окруженные осевшими заборами. В одном из них раздавались какие-то выкрики. Подъехав ближе, Навои понял, что это просто пьяные голоса. «А, знаменитые астрабадские трущобы! Да, много еще нужно потрудиться, чтобы уничтожить это!» с горьким чувством подумал он. Навои прищипорил коня

и, проскакав немного вперед, резко повернул, обгоняя все сгущавшийся вечер, к городу.

\* \* \*

В этот вечер эмир Алишер никого не принимал. Находясь под впечатлением прогулки и встречи с нищим-стариком, он прошел в библиотеку, чтобы обдумать то, что его взволновало. Он давно собирался написать Хусейну обо всем, что накопилось за месяцы разлуки, рассказать все, что увидел здесь. Быть может, озарится еще сердце султана, и он поймет, что нужно для блага и силы государства.

Эмир Алишер только склонился над работой, как ему пришлось отложить перо: из Герата прискакала группа всадников; за ними следовал целый обоз. Это прибыл хаджа Афзаладдин. Навои сам вышел на встречу почтенному везиру. По его лицу он видел, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Страшные дела творятся в Герате, — после первых же приветствий, испуганно оглядываясь, сказал везир. — Я не удивлюсь, если родной сын убьет отца. Змея ненависти ползет по Хорасану. Я отправляюсь в Мекку.

Алишер приказал подать лучшее, что было в доме. Но большой любитель шербетов и жирной баранины, Афзаладдин на этот раз ни к чему не тронулся. Некогда толстые щеки его теперь обвисли; всегда тщательно расчесанная борода была растрепана, в глазах стоял нездоровый блеск. Он не пожелал итти спать, несмотря на поздний час, и Навои решил узнать подробнее, что делается в Герате.

— Вы знаете, эмир Алишер, как я предан роду Тимура и султану Хусейну! И вот пятнадцать лет

верной службы оказались дымом от потухшего костра, когда этот шакал и враг добра взял власть в свои руки. Он оклеветал меня, и кто знает, долго ли был бы я на свободе, если бы не попросил разрешения отправиться в Мекку.

Не нужно было проявить излишнюю догадливость, чтобы понять, о ком идет речь.

— Итак, Мадждаддин попрежнему любим и могуч? — осторожно спросил Навои.

— Как никогда! Он доверенное лицо султана и царства. Груб и резок со всеми везирами. Он окружил себя толпой прихлебателей, подметающих пыль своей бородой у его ног. В его доме не прекращаются пиры. Там подаются блюда, о которых ни один правверный не слышал раньше. Их привезли франкские купцы, частые гости в его доме. Он добился всего для себя, о народе и не помышляет. В Хорасане не осталось теперь человека, дела которого не пришли бы в расстройство...

— А Низамалмульк? — спросил Навои, чтоб заглушить в себе все возрастающую боль, от которой хотелось застонать: «Хорасан, Хорасан, доколе терпеть тебе, Хорасан?!»

— О! Этот все так же льстив и угодлив. Ему бы только не трогали его многочисленных детей. Он всем сыновьям добыл жирный кусочек и пошел на все уступки всесильному везиру. Он был уже на краю гибели и решил согнуть свою спину пониже. А Мадждаддин подумал, что неплохо иметь эту семейку в своем распоряжении. Ходят слухи — он прямо поставил ему условие: «Будешь поддерживать меня — живи и наживайся». Они теперь заодно, хоть и ненавидят друг друга. Мадждаддин — потому, что вообще

человеконенавистник, а Низамалмульк — чувствуя себя подвластным.

— А султан Хусейн? — почти шопотом спросил Навои, и сердце у него сжалось.

— Султан ослеплен. Впрочем, он многое видит и понимает.

Афзаладдин оглянулся.

— Вы думаете, он не вспоминает о вас? Он говорит о вас с большим почтением и каждый раз, как бы оправдываясь, настойчиво повторяет, что быть хакимом Астрабада — почетно.

— Вот Мадждаддин и доволен! — усмехнулся горько. Навои. — Ему лишь бы я оставался здесь подольше. — И после некоторого раздумья добавил: — Уезжайте в Мекку, и поскорей. Я бы и сам охотно поехал с вами, но я не имею права оставлять людей, порученных мне. Превратности моей судьбы не должны отражаться на их судьбах.

Была уже глубокая ночь, когда Навои расстался со своим гостем, но спать он не мог. В мозгу его окончательно сложились горячие призывные слова письма султану Хусейну, и, не давая себе остыть, он тут же сел писать.

## ПИСЬМО

— Читай! — мрачно приказал Хусейн писцу. Тот начал бесстрастным, ровным голосом читать письмо Навои. Утренний прием только начался. Накануне султан Хусейн лег очень поздно. Пришли тревожные вести из Балха. Снова глухое брожение поднималось в стране, но не было уже ни желания, ни сил противостоять ему. Привычка к роскоши и пирам подавляла все остальное. Хотелось сбросить с

себя тягостные мысли, дела и только радоваться и жить: «Разве я не завоевал славу моему Герату? Чего еще хотят от меня?!»

Алишер призывал его к деятельности. Он писал, что порядок может быть лишь в том случае, когда сам султан ежедневно в определенные часы будет выслушивать жалобы и просьбы народа. Каждое дело требует особого обсуждения, и каждый человек — внимания. Нужно закрыть кабаки, игорные дома, открыть побольше школ; нужно во все входить самому, вплоть до проверки базарных цен. А особенно строго нужно следить за сборщиками налогов, за их отчетами, пресечь взяточничество в судах.

Иносказательно, прикрывая свою мысль поэтической формой, никого не называя, он писал о том, как мелки и своекорыстны везиры, окружающие султана. Его стих бичевал тех,

Кто гнусен так, что тушит свечи глаз,  
Кто, сея глупость, в глупости погряз,

Чьи непристойны и лицо и нрав, —  
Чуть власть захватит, ум и честь поправ...

Бывает выбран в баловни судьбой  
И властвует над силой войсковой.

Хоть в самодурстве он, как пламя лют,  
Ему наряд золототканый шьют...

Его, хоть к зверствам он, как меч, влеком,  
Шах золотым отметил кушаком.

Полные страсти слова Навои, его разумные доводы взволновали на миг султана Хусейна; он понимал, что есть в стране человек, чья честность и добрая воля поддерживают достоинство самого султана. Но любовь народа к Навои вызывала в нем теперь ост-

рую зависть, и он охотно прислушивался к наветам и измышлениям врагов эмира Алишера.

На письмо он ответил почтительно, но холодно, давая между строк понять, что о возвращении Навои в Герат еще и думать нельзя.

### САМОВОЛЬНЫЙ ОТЪЕЗД

Прошел год. Иногда Навои казалось, что он так и окончит свои дни на чужбине.

Увы! ни осень, ни весна мне счастья больше не сулят.  
Пришла моя зима — и в снег, как в саван, я уже одет.

Его утешал лишь вид застраивавшихся новыми зданиями улиц, уменьшившееся количество нищих, донесения Мусабека о проведении оросительных каналов. «Приносить пользу можно и здесь, — не уставал он повторять себе. — Но Герат, Герат... Хоть раз бы еще подышать его воздухом, пройтись по Хийябану, поговорить с Джамии!..»

Наконец, не выдержав, он без разрешения поехал в Герат.

Было раннее утро. В приемной султана появился мрачный и решительный Мадждаддин. Он нетерпеливо ходил из угла в угол, ожидая, пока проснется Хусейн. В этот день должна была снова решиться его судьба: он принес весть о самовольном возвращении Навои и не знал, как посмотрит на это Хусейн. Нужно было убедить, не нажимая, нужно было быть сдержанным, когда все кипело внутри.

Наконец раздался знакомый голос. Вскоре в спальню был впущен Мадждаддин. Через короткое время он, улыбаясь, вышел оттуда мягкой походкой ягуара: Навои было предложено на другой же день покинуть Герат. Хусейн ссылался на то, что жители

Астрабада не смогут обойтись без своего мудрого правителя.

Единственным утешением Навои в этот грустный приезд оказалась встреча с Джами. Она вышла поспешной, но разговор их был задушевен и искренен.

— Долго ли я, как ветер, буду носиться во все стороны? — спрашивал его Навои. — Я часто готов простонать: «Избавь меня от страданий!» Только вам, отдых моей души, могу я в минуту слабости сделать такое признание.

— Да будет сад надежды всегда полон плодов и ветвь дерева счастья неразлучна с вами! Некогда вы сказали, что и в Самарканде можно учиться, а теперь вы должны себе сказать: «И в Астрабаде можно творить!»

— Горько! Тогда я уезжал из Герата по воле Абу-Саида и меня обвиняли в том, что я друг султана Хусейна, а теперь...

— Не покидайте своего великого дела! — утешал его Джами. — Вы создали истинное чудо искусства — «Хамсу». Не останавливайтесь на этом. Вы написали несколько сборников стихов на родном языке; отличите же их друг от друга и украсьте каждый из них особым названием.

— Повиновение вам обязательно для меня. Я так и сделаю. Я сам думал об этом. Что вы скажете, если я назову первый мой диван «Диковины детства», второй диван, где я нанизал на нить стихов мысли юности, — «Редкости юных лет», третий — «Чудеса зрелой поры», и четвертый, в котором я соберу все, что возникнет в мыслях до конца моих дней, — «Наставление старости».

— Это будет прекрасно, — ответил Джами.

На прощанье они обменялись дарами. Навои подарил старому другу «Книгу любви» Хорезми и драгоценный настой из коры сандалового дерева.

— По учению арабских медиков этот настой обладает бодрящим действием. Мой табиб в Астрабаде славится приготовлением этого настоя.

Джами подарил Навои диван своих стихов, украшенный дивными миниатюрами Бехзада.

А Хусейн?

На радостях, что обошлось без лишних тягостных разговоров, он снарядил Алишера прекрасно и предложил ему взять с собой в Астрабад своего личного повара.

— Ведь вы любите тонкую пищу, — вежливо улыбаясь, сказал он.

Навои удивился подобному вниманию, но принял его благосклонно. Он не подозревал, что это Маджаддин уговорил Хусейна послать повара.

— Надо чем-то скрасить его быстрый отъезд из Герата и доказать ему ваше дружеское расположение.

С тяжелым сердцем уезжал Навои. Конь его долго не хотел двигаться с места, когда пришел час отъезда.

— Это аракалак, он слепнет от солнца, — сказал конюший.

Был час заката, и солнце било прямо с запада, куда лежал путь Навои.

### ПОВАР СУЛТАНА

Тяжелые кисти винограда свисали над головой. Стоило лишь протянуть руку, чтобы сорвать любую из них. Яркое солнце переливалось в крупных янтарно-желтых виноградинах. Под его раскаленными лу-



чами трескалась земля. Хайдар в изнеможении опустился на пересохшую землю. Виноград уже не утолял жажды, и Хайдар с жадностью припал лицом к небольшому арычку, пробегавшему по винограднику.

«Сколько мне придется торчать в этом проклятом городе!» с возмущением думал он. Манил Герат, шумная жизнь столицы, поэты и музыканты, пиры и охота. Хайдар боялся моря, а жители Астрабада казались ему невыносимо скучными. Но особенно его возмущало оскорбление, нанесенное Алишеру Навои — любимому другу и брату: «Поэта, известного от Рума до Китая, везира, чьими стараниями благоустроен Хорасан, выслали из Герата!»

Хайдар сделал все возможное, чтобы удобнее обставить дом Алишера. Он сам следил за слугами, распределял их обязанности, заботился о лошадях. Ему очень не понравился новый повар, прибывший из Герата вместе с Навои. Хайдар неоднократно замечал, что этот молчаливый человек с недобрым лицом и хитрыми глазами вмешивается в то, что его не касается, подслушивает, оказывается там, где ему не полагается быть. Он решил следить за ним.

— Ты неправ, — говорил ему Навои, когда Хайдар делился своими подозрениями, — жажда мести затуманила твой разум.

— Вы слишком добры и благородны, — пылко возражал ему Хайдар. Сейчас он лежал в саду, полный возмущения и какой-то неясной тревоги. Он перекусил травинку и резко выплюнул ее изо рта. Пестрая пушистая кошка, крадучись на мягких лапах, подошла к Хайдару и начала тереться полосатой спинкой о его руку. Он небрежно ласкал ее и вдруг

услышал за виноградной листвой приглушенный разговор: два голоса — женский и мужской.

— Я сразу узнала тебя, Мусабек...

Ее перебил мужской:

— Всю жизнь я рвался к тебе, Дур-Султан...

— Так и прошла моя жизнь в этом саду...

— Покажи мне лицо твое. Я верю, что оно прекрасно, как и в ту лунную ночь, помнишь?..

— Нет, нет! Прошла моя жизнь!

— Но никогда не пройдет любовь. Помнишь, ты говорила: я выйду за того стрелка-сокола, кто придет за мной из дальних стран... Я тот стрелок-сокол, и я прибыл, наконец, за тобой.

— Тогда я была молода. Целый год я ждала тебя. Как они мучили меня, морили голодом, вырывали волосы, били, — я не сдавалась. Но год прошел, и я покорилась. Хвала аллаху — недолго мучилась я: старик, которому отдали меня в жены, вскоре умер, детей у меня не было, и я навсегда осталась работать в этом саду...

Ветер заглушил голоса. Хайдар улыбнулся, — он никогда не думал, что почтенный управляющий именьями Навои, храбрый воин Мусабек, может говорить о любви. Медленно поднявшись, Хайдар пошел в дом. Ему еще нужно было принять работу каллиграфа, переписывавшего ежедневно не менее пятидесяти бейтов Навои для сборника, над которым эмир работал по совету Джами. Хайдар особенно любил газели Навои. Он начертал на стене в своей комнате:

Странно ль, если в сердце милой восемнадцать тысяч смут?  
Ей ведь только восемнадцать, разве люди не поймут?

Увидев надпись, Навои усмехнулся:

— Я был молод, когда писал эту газель. Что же, теперь ты переживаешь прелести юных лет?

Приближался час обеда. Он проходил всегда в торжественной обстановке. Трапезой Навои заканчивал насыщенный работой день и за обедом отдыхал. Нередко на обеде присутствовали гости. За чашей вина они читали стихи, сообщали последние новости. Навои любил, чтобы где-нибудь неподалеку звучала музыка.

В этот день Навои вернулся домой позже обычного; он очень устал и был расстроен. Когда Навои совершил омовение рук, что-то упало и с легким звоном разбилось в углу комнаты. Он подошел и с огорчением увидел разбитую в мелкие куски драгоценную китайскую чашу с нарисованными на ней розовыми цветами. Пестрая пушистая кошка виновато удирала от места преступления.

— Ах, этот Хайдар!.. Повсюду его коты!

Мусабек, зашедший к Навои, убрал разбитые черепки, затем молча остановился перед поэтом. Весь его вид выражал желание что-то сказать. Навои хорошо изучил повадки своего управителя. После смерти Хашима ни к кому из своих приближенных Навои не относился так тепло, как к Мусабеку. Он любил его за чистоту души, уважал за храбрость и ценил его преданность.

— Я чувствую, что ты хочешь мне что-то сказать, — ласково обратился Навои к Мусабеку.

— Вам первому я хочу поведать о постигшем меня счастье: я нашел свою Дур-Султан и беру ее в жены. Годы протекли мимо нее, как ручей мимо розового куста. Мне кажется, она стала еще прекрасней.

— Вот видишь, Мусабек, я говорил, что счастье

твое придет, как приходит оно к каждому, кто достоин его.

В этот день обед проходил в тесном семейном кругу. Навои сделал выговор Хайдару за разбитую чашу, но тут же развеселился при виде его смущенных глаз.

Слуги поставили фрукты, разлили вино, затем внесли огромное блюдо с дымящимся пловом. Навои о чем-то заговорился с Хайдаром в ожидании, пока плов немного остынет. В этот миг вихрь раздвинул ковровую завесу и почти вбежал Мусабек. Едва поклонившись, забыв обычай вежливости, он бросился к Навои:

— Остановите трапезу, во имя аллаха!

Навои, уже протянувший было руку к плову, отнял ее и внимательно посмотрел на Мусабека. Хайдар вскочил.

— Говори! — коротко приказал Навои.

— Это слишком страшно, чтобы говорить громко. Позвольте мне сказать на ухо.

Навои знаком руки дал понять, что он разрешает. Мусабек наклонился и зашептал. Глаза Навои потемнели. Он посмотрел на Хайдара, у ног которого, мурлыча, ласкалась кошка. Навои медленно протянул руку к плову, взял горсть риса и бросил кошке. Та весело вскочила и быстро подобрала с ковра розоватые зерна. Минуту спустя она подпрыгнула, закружилась со страшным мяуканьем, вытянулась и замерла.

— Ах, вот как! — завопил Хайдар. — Я всегда говорил, что этот повар... Откуда ты узнал? — резко спросил он у Мусабека.

Тот, весь дрожа при мысли, что могло произойти непоправимо-страшное, ответил:

— Дур-Султан помогала на кухне, она видела, как новый повар посыпал плов каким-то странным порошком. Она вышла перед этим из кухни, и он не слышал, как она возвратилась.

— Схватить его!.. Связать!.. — яростно воскликнул Хайдар и стремительно вышел из комнаты.

Навои молчал. Все тревоги и разочарования нахлынули на него в этот миг. И меньше всего он думал о себе, об избегнутой опасности. Он скорбел о черноте человеческой души, о предательстве и неблагодарности. «Неужели он знал? — подумал Навои о Хусейне, но тут же отверг эту мысль. — Нет, это только дела Маджаддина... Но я вернусь в Герат и все узнаю...»

В этот день были написаны строки:

В мое разбитое сердце кто б камень ни бросил — пусть!  
Быть может, отстроить сердце смогу из камней таких.

## ВОСПОМИНАНИЯ

Шел девятьсот пятый год хиджры<sup>1</sup>. Десять лет прошло со времени возвращения Навои из Астрабада в столицу.

В среду четырнадцатого шабана в Герате была закончена отделка старинной мечети. Выстроенная три века назад, она пришла в запустение и начала разрушаться. Но основы ее были крепки. Друг созидания, эмир Алишер Навои приказал восстановить разрушенный купол благородной формы и основательно починить все здание. Он сам каждый день посещал строительство и, подоткнув полы халата, работал вместе со всеми. Он награждал и одаривал строителей,

<sup>1</sup> Соответствует 1500 году н. э.

подгонял их веселой шуткой. Работа, требующая трех-четырёх лет, была закончена в шесть-семь месяцев. Глазу радостно было смотреть на сверкающие белизной купола, на изящные своды.

Пятьдесят голов баранов, девять лошадей и три мешка сахара предоставил эмир для великого пиршества, устроенного в честь окончания стройки. С утра горели костры в его саду и на улице перед домом; на кострах готовились обильные блюда. Каждый проходящий мог угоститься. Вдовам и сиротам всей округи были розданы богатые подарки. В комнатах большого дома Навои сошлись лучшие люди страны, поэты, музыканты, ученые; были тут и знатные вельможи. Но не было учителя его и лучшего друга, его Джами, сошедшего в могилу несколько лет назад. «Пятерица смятенных», назвал Навои свою книгу, написанную о покойном учителе. Он как бы вновь пережил все свои встречи с ним и наполнил книгу огнем любви, согревающей сердца.

Пиршество утомило Навои, и он рано ушел в свой покой, но уснуть не мог. Его охватили воспоминания. Перед ним вставало детство и другие дни его разнообразной и трудной жизни. Он вспоминал о добрых своих поступках, но все ему казалось мало. «Тот, кто прошел через мир и не достиг совершенства, подобен тому, кто вышел из бани и остался грязным». «Я сказал это, — подумал Навои, — мне первому подавать пример».

Он всегда стремился к совершенству. Но что такое совершенство? Великий труд и внимание к человеку. Раскрытие своих талантов, умножение знаний. И, главное, нужно делиться своими знаниями с другими. Его любимым изречением было: «Кто, получив знания, не сумел их применить, похож на земледель-

ца, вспахавшего поле, но не засеявшего его». Одно за другим писал он в эти годы научные и исторические произведения. Тут была и история шахов персидских, и исследование о ритме стихов, и ребусы, составленные из собственных имен, и рассуждения о зданиях, построенных им в Герате. Он рассказал о поэтах и ученых, прошлых и современных, в книге «Собрание выдающихся людей». Много лет он собирал свои мысли и знания, чтобы написать о красоте и значении тюркского языка, о его праве быть классическим литературным языком. Он много раз писал об этом в стихах:

На тюркских струнах, музыкант, сыграй на тюркский лад.  
Народ на языке родном услышать песню рад.

Он до тонкости разобрал все особенности родного языка, сравнивая его с персидским, в книге, которую назвал «Тяжба двух языков».

Стоя у окна, Алишер жадно вдыхал прохладный ночной воздух и смотрел на звезды. Да, десять лет прошло после его возвращения из Астрабада. Теперь, когда все было далеко, горечь давней обиды казалась не так велика. Что же, он потрудился в Астрабаде. Там был собран диван его стихов за всю жизнь и много написано нового. А в Герате сейчас было не легче. Случилось то, чего он больше всего боялся: смута в стране, вражда в семье султана Хусейна. Навои пришлось быть свидетелем жестокой борьбы и не раз самому получать удары. Он был попрежнему окружен врагами. «Среди пирующих сейчас у меня в доме их тоже, должно быть, немало», усмехнулся поэт. Желая причинить ему зло, они клеветали на его близких и родных. Сколько жертв было за это время! И одна из них — друг и брат, весельчак Хайдар. Хайдар не мог простить попытки отравить Навои.

Прибыв вскоре после того в Герат, он все рассказал султану Хусейну. Он говорил несдержанно, намекая на то, что считает и султана виновным. Это была неправда, Хусейн только закрывал глаза на происки Мадждаддина, но он и не подозревал о страшном замысле. Услышав прямое обвинение, султан был потрясен. Он понял, какую пропасть вырыли между ним и Навои его приближенные, и послал поэту письмо с выражением любви и преданности. Навои вернулся в Герат. Но Хусейн никогда не мог простить Хайдару, что тот заподозрил его в страшном преступлении, и много времени спустя он казнил его, обвинив в государственной измене.

Навои сам не раз находился под угрозой. Приближенные султана сменялись, но интриги попрежнему плелись во дворце.

«Моя жизнь была тяжелой от юности до глубокой старости, я подвергался многим испытаниям, страдал от двуличия... Приходилось идти разными путями, чтобы жить и действовать. От того, кому доказал верность, я увидел много невзгод».

От двуличного не требуют воздержанности,

От угнетателя не требуют верности, —

так писал он в своей книге «Возлюбленный сердец», в которой он рассказал о своей жизни в поучение и назидание людям. На своем опыте он хотел научить жить других.

Но видел он и много хорошего. И людей знал, и добрых и мудрых, и если бы спросили у него, что перевешивает в мире: зло или добро, то, не задумываясь, с чистым сердцем, ответил бы: добро.

Искать и находить путь к добру — вот благородная цель.

Удивительно, до чего далеким казалось Навои зло, причиненное ему Мадждаддином, теперь, когда

самого Мадждаддина не было в живых. Падению всесильного везира немало способствовал Низамалмульк, обвинивший его в расхищении казны. Но сам Низамалмульк...

Алишер содрогнулся, вспомнив страшную историю, одним из виновников которой был коварный везир.

\* \* \*

Кровавая распря началась в семье султана. Давно умерла Бике, жившая в последние годы в одиночестве. Оставленная Хусейном, охваченная чувством бессильной злобы, она подстрекала Бадиаззамана завладеть тронem, но у него не было для этого ни сил, ни воли. Бадиаззаман был предан матери до конца ее дней; он похоронил ее с царской пышностью, а Хусейн не присутствовал даже на похоронах.

Бадиаззамана он старался держать подальше от себя и отдал ему во владение Астрабад.

Иногда отец призывал старшего сына для совместного похода против общего врага, но чаще всего они действовали врозь, и различны были их надежды и цели. Правда, Хусейн любил сына Бадиаззамана, своего внука Мухаммеда-Мумина. Это был умный мальчик, с горячим сердцем, страстно стремившийся к знаниям. Но Мумина ненавидела новая жена султана Хадиджа-бики, вытеснившая из сердца Хусейна все старые привязанности. Волевая, недобрая, красивая, она безраздельно завладела Хусейном; никогда ни о чем не просила — требовала. Султан подчинялся всем ее желаниям. Она все делала спокойно, уверенно, не так, как некогда Бике. Хадиджа-бики искала случая уничтожить юного Мумина, в котором видела

серьезного соперника своему сыну Музаффару-Мирзе.

Бадиаззаман предпринял поход на Балх. Уезжая из Астрабада, он оставил в нем наместником Мухаммеда-Мумина, которому исполнилось уже двенадцать лет. Но по прихоти Хадиджи-бики Хусейн послал туда наместником Музаффара. Гнев опалил сердце Бадиаззамана, когда он узнал, что отец нарушил свое обещание. В гневе Бадиаззаман походил на Хусейна. Он послал Мумину приказ силой препятствовать вступлению Музаффара в Астрабад. Сам же пошел войной на отца. Этот поход был для него неудачным. А на другой день после поражения Бадиаззамана юный сын его попал в плен к Музаффару. Мальчика привезли в Герат и заключили в крепость. Хусейн находился тогда в лагере на Мургабе.

Смутно было на сердце султана в этот день. Он предвидел, что война с сыном и вражда между братьями — только начало будущих страшных войн. После того как раскрылось коварство Мадждаддина, он уже не верил никому.

В тот день, когда Мумин был привезен в крепость, Навои находился в Мешхеде. Он поехал проверить новую сеть каналов. К ночи Хусейн был совсем пьян. Последние годы он ослабел, и вино быстро мутило его сознание. Он сидел в одиночестве, когда яростная и прекрасная в гневе, ворвалась к нему Хадиджа-бики; за нею шел Низамалмульк со своими сыновьями. Они распростерлись перед Хусейном ниц, говоря, что не перенесут гибели своего государя.

— Что это значит? — с трудом поднимая тяжелые веки, спросил Хусейн.

Тогда Хадиджа поднялась и страстно зашептала: — Если хочешь спасти свою жизнь, и мою, и де-

тей наших, если хочешь царствовать в Хорасане, прикажи убить этого мальчишку, этого выродка, который в двенадцать лет уже поднимает руку на своего деда, великого султана. Убивая его, ты сохранишь жизнь себе и всему роду. Убей!

Туман стоял в голове у Хусейна. Глаза Хадиджибики приказывали. Ее маленькие руки с острыми, ярко накрашенными ногтями гладили колени султана. Хусейн хотел только спать и не думать ни о чем.

— Да будет! — хрипло сказал он, подписал бумагу, ловко поднесенную ему Низамалмульком, и тут же свалился в пьяном сне.

Проснувшись рано утром, Хусейн вспомнил о кошмаре, посетившем его среди ночи. Он немедленно написал приказ, отменяющий первый, и призвал к себе гонца.

— Ты полетишь, как птица. От доставки приказа во-время зависит спокойствие моей души на вечные времена, жизнь, честь...

Гонец опоздал. Мухаммеду-Мумину за несколько минут до его прибытия отрубили голову.

Когда за мальчиком пришли в крепость, он спокойно читал.

— Я ни в чем не виноват, — сказал он. — Я защищал город, порученный мне отцом. Я не виноват...

Вдруг лицо его посерело — он увидел занесенный над головой меч.

Обо всем этом рассказали Навои, когда он через несколько дней после гибели мальчика вернулся в Герат.

— Султан срывает кровлю со своего государства! — гневно воскликнул он, узнав об этом. — Он превращает его в цитадель безумия...

Навои не побоялся сказать самому султану:

— Хорасан залит кровью... Черный дым горя висит над страной.

Хусейн сразу осунулся и постарел. Он неистовствовал в тоске. Ничто не могло утешить султана: ни установившийся, наконец, мир, ни жестокая кара, которой он вскоре подверг Низамалмулька. Он считал его виновником совершившегося преступления. Все имущество везира было конфисковано; его с сыновьями бросили в темницу. Конец его был ужасен: с него живого содрали кожу. Он видел, как отсекали головы его сыновьям.

\* \* \*

Вот о чем вспоминал с горечью Навои в эту ночь. И, как всегда в смутные минуты, он обращался к своим лучшим друзьям — к книгам. Ему захотелось перечитать некоторые строки из своих поэм.

Открыв наугад страницу, как бы загадывая на нее, он прочитал:

— «Смотри, как много перенесла мать, чтобы вырастить одного сына... Тридцать-сорок лет вращалась колесница солнца в небе, пока созрел один человек. А ты, не задумываясь, одним приказом снимаешь ему голову».

Навои открыл другое место:

О, царь, большую в жизни мощь дает тебе престол.  
Но ты пути добра отверг, путь гнета предпочел.

Проводишь время в праздности, в распутстве и пирах  
И сам достоинство свое затаптываешь в прах.

Алишер вслух прочитал эти строки и, горько усмехнувшись, подумал: «Каждое из этих слов может быть обращено к Хусейну... Сейчас установлен кажущийся мир, но Хусейн стар, голос разума не доходит до

него, и я вижу, как все сыновья только ждут его смерти, чтобы разодрать несчастный Хорасан. Кто же будет тем сильным, здоровым и честным, кто снова соединит весь народ?»

В дверь постучали, и вошел Мусабек. Он приехал на пир. У него было обветренное, загорелое лицо человека, живущего на вольном воздухе, среди садов и пашен. Навои не раз мечтал о том, чтобы переселиться в одно из своих поместий, но слишком прочны были нити, связывавшие его с городом.

Как бы продолжая прерванный разговор, Навои обратился к Мусабеку:

— Рад тебя видеть почаще, друг. Жизнь моя близится к закату. Но хоть немощным становится тело, я повторяю, как всегда: «Эй, Навои, жизнь проходит, подобно ветру, будь радостным». Ты что-нибудь хочешь сказать мне?

— О господин мой! Я пришел проститься: на рассвете я должен отбыть. Угодил ли я вам, хороши ли были бараны и ягнята, доставленные к вашему столу?

— Все, что ты делаешь, Мусабек, хорошо, а самое лучшее то, что ты достиг своего счастья. Как тебе живется с Дур-Султан?

Мусабек улыбнулся широко и радостно и ничего не ответил. Алишер отпустил его мягким жестом руки. В комнату влетел ветерок и заиграл огнем свечки. Навои достал перо, бумагу, тушь и расположился писать. К нему сошло желанное спокойствие. Он заканчивал свою книгу «Язык птиц» и считал, что день прошел впустую, если не было написано хотя бы сорок строк стихов. Более пятидесяти лет прошло с того дня, как маленький Алишер плакал над разорванными страницами книги «Язык птиц» Аттара;

с тех пор она часто возникала в его памяти, и он задумал написать по ее образцу собственную книгу.

Снова, как некогда, Алишер нараспев повторял про себя целые страницы. Сказка детства сделалась мудростью старости. В своей ответной книге «Язык птиц» он рассказал о самом заветном, к чему должен стремиться человек, о том, что, только потрудившись, можно достигнуть совершенства.

## ЗАКАТ

Султан Хусейн боялся Навои, как укоров советки, но еще больше он боялся выпустить его из Хорасана. Навои мечтал о путешествии. Ему казалось, что если он посмотрит мир, то сможет сделать больше для своей страны. Девять раз обращался он к Хусейну с просьбой отпустить его, и столько же раз ему было отказано в этом.

«Лев, закованный в цепи, куда менее страшен, чем лев на свободе», записал Навои в свою тетрадь.

И тут же сделал набросок льва, скованного цепью, придав ему свои черты. «Султан боится отпустить меня. Он уже не верит ни в чью верность и преданность...»

И Навои в десятый раз, хоть это и не положено было обычаем, обратился к султану с просьбой отпустить его. Хусейн вызвал его для личного разговора. В окрестностях Серакса произошла эта встреча: султан Хусейн находился снова в походе. Облекая свои слова в благородную форму, Хусейн снова отказал Навои.

— Если наша страна лишится вашего присутствия, — сказал он ему лицемерно, — жизнь людей, избранных и простых, придет в расстройство. Вы нуж-

ны нашему народу, как воздух, как хлеб.—А про себя он беспокойно думал: «Еще ославит меня на весь мир...»

Навои был поражен потухшим взглядом Хусейна, которого он не видел несколько недель, его свинцово-серым лицом. Алишер вышел из палатки султана. День склонялся к закату. Двое слуг сопровождали его.

— Как красив халат, подаренный султаном вам, господин! — сказал один из них. — Златотканый верх и золотые застёжки соперничают с блеском солнца.

— Это уже заходящее солнце, — усмехнулся Навои, — а лучи царской милости — часто лишь одно украшение для самого царя.

Предвечерний воздух был прозрачен. Легкий ветер принес прохладу. Навои, истомившийся от дневного зноя, жадно вздохнул. К нему подвели коня. Поэт потрепал слабой рукой его по шее, заглянул в красивые глаза. Конь стоял смирно. Слуги подсадили Навои, и он с трудом устроился в седле.

— Горе, горе! — тихо произнес он. — Если два человека не помогут мне, я не в силах уже сесть на лошадь, чтобы в вечерний час подышать воздухом.

Конь пошел шагом. Навои почувствовал себя бодрее. Он ехал мимо бедных сельских домов. На дороге все чаще появлялись люди; увидев Навои, они приветствовали его почтительно и радостно. Постепенно краска выступила на щеках Алишера, заблестели глаза. Он подумал строками своих стихов:

«Народ — поэт, а я при нем — писец. И вот зато  
К народу я приближен так и взыскан, как никто».

Радость пела в его сердце: «Тело немощно, но дух силен. Я не могу поднять меч, но слово мое разит

попрежнему. Я верю, что оно поможет людям познавать, творить добро, трудиться».

Он смотрел на широко раскинувшуюся перед ним степь, на волнистую линию гор на горизонте.

— Эй, Навои, жизнь проходит подобно ветру, будь радостен, нельзя угнаться за ветром, иначе как поспешив, —

почти громко произнес он слова газели.

Конь пошел рысью. И, сливаясь с его бегом, Навои почувствовал себя снова молодым и сильным: «Как прекрасна моя страна! Нет, ни на миг не покину я родины!»

## ЭПИЛОГ

Был год хиджры девятьсот шестой, месяц джемадиул-ахир.

Не прошло и недели с того дня, как в Герат поступило известие о возвращении султана Хусейна из астрабадского похода. Снова вспыхнуло военное столкновение между ним и его сыном.

Алишер Навои в сопровождении знатных людей выехал навстречу султану далеко за город. Среди его спутников находился молодой историк Хондемир, любимый ученик Алишера в последние годы.

Алишер поехал встречать султана, несмотря на болезнь, давно истощавшую его. Хондемир с тревогой смотрел на осунувшееся лицо поэта. Но Алишер шутками прогонял грусть. Говорил он и о серьезном, о том, что всегда волновало его больше всего, — о человеческом благе.

— Помните, мой молодой друг, что труд землепашца дает жизнь всем. Землепашца надо чтить и беречь!

Хондемир жадно ловил каждое слово учителя. И Навои говорил с ним о многом.



— Никогда не стыдитесь признаться, что вы чего-то не знаете. Сегодня мне все приходит на память слова человека, нянчившего меня в детстве, старшего Хашима: «Кто спрашивает о том, чего не знает, — мудр, а кто не спрашивает — сам себе враг». И другое: «Держать сторону волка — значит погубить куриный род». Мудрый был старик...

Накануне встречи с султаном Навои, коротавший бессонную ночь вместе с Хондемиром в рабате «Гаяб», вдруг задумчиво сказал:

— Когда приходит смерть, не помогают уже ни Сократ, ни Платон...

Перед этим они долго беседовали о греческих философах. Увидев страх в глазах Хондемира, он тут же стряхнул с себя задумчивость и весело добавил:

— Ничего, мы еще пспируем в большом зале моего гератского дома. — Потом, помолчав, медленно сказал: — К тому же я верю в то, что слово мое будет стоять высоко. И когда-нибудь люди по достоинству оценят мои произведения. Так и умереть не страшно...

...Навои не пришлось больше пировать в своем доме. Ему стало плохо в пути, и в Герат его привезли умирающим.

Три дня и три ночи боролись лучшие врачи за жизнь поэта. Но ему становилось все хуже. Он лежал в большом зале своего дома, и друзья целый день приходили справляться о его здоровье.

В воскресенье 11 джемади-ахира<sup>1</sup> Навои скончался. Ему было шестьдесят лет. Из уст в уста передавалась весть о горестном событии: умел великий поэт Алишер Навои. Закатилось солнце Герата!

<sup>1</sup> Соответствует 3 января 1501 года н. э.

После похорон друга провели трое суток в доме покойного. Хондемир повторял про себя его газель:

Боль утраты в каждом миге, если друг покинул дом,  
Тяжело бродить по следу и утрату видеть в нем.

Алишера Навои хоронил весь Герат. «Ничье око в прошлом не видело подобного зрелища», говорили старики.

В домах и на улицах плакал осиротевший народ. Когда на седьмой день были устроены поминки, собралось такое множество людей, что следившие за порядком раздачи кушаний ездили верхом по рядам.

Ученые и поэты, художники и музыканты, горько плача, разрывали на себе одежды. Они потеряли учителя и друга, который вдохнул в них желание творить, помогал развиваться их талантам.

Из окрестных деревень съехались земледельцы. Навои немало заботился о них: снимал неправильные налоги, оросил иссохшую землю целой сетью каналов, помогал советом и деньгами.

Среди приехавших на похороны выделялся мужественный пожилой человек с лицом поселянина и в доспехах воина. Мусабeku так и не удалось еще раз увидеть живым Навои. Во время его смертельной болезни он наблюдал за работой по орошению и едва успел попасть на поминки. Мусабeka сопровождал красивый мальчик лет двенадцати — самый младший его сын, которого подарила ему Дур-Султан.

— Гляди, Ахмед, и запомни на всю жизнь, чтобы рассказать когда-нибудь своим детям и детям твоих детей, так, чтобы из поколения в поколение передавался рассказ о человеке, которого мы хороним сегодня. Он был великим поэтом, большим ученым, другом людей. Он создал славу Герата, своей роди-

ны. А что может быть выше служения родине?! Ты знаешь меня, своего отца, мирного сельского жителя, но сегодня я надел свои старые боевые доспехи, чтобы в них почтить память того, кто сказал: «Пока человеку дана жизнь, он будет сражаться за родину».



## Содержание

Стр.

### Часть первая

#### Годы детства

«Язык птиц» . . . . .	5
Там, где властвовал Тимур . . . . .	8
Раннее детство . . . . .	14
Домой . . . . .	19
При дворе у Бабура . . . . .	27
Прощание . . . . .	33

### Часть вторая

#### Пора юности

Алишер в Мешхеде . . . . .	39
Хусейн приезжает в Мерв . . . . .	50
Свадьба . . . . .	53
Султан Хусейн уходит из Мерва . . . . .	56
Война с Санджаром . . . . .	61
Хусейн отпускает отряд . . . . .	67
Мусабек и Дур-Султан . . . . .	71
Мусабек приходит к Хусейну . . . . .	74
Из Мешхеда в Герат . . . . .	80
Снова в Герате . . . . .	86
Вечер у Джами . . . . .	95
В изгнание . . . . .	100
В столице Тимура . . . . .	102
Смерть Хашима . . . . .	107

### Часть третья

#### Зрелость

Первый поход Алишера . . . . .	113
Алишер и Хусейн . . . . .	117
Пир . . . . .	120
Снова война . . . . .	126
Выступать нужно немедленно . . . . .	129
Восстание в Герате . . . . .	135
Фирман султана . . . . .	150
В сад Заган лучше отправляться ночью . . . . .	153
Меч Навои . . . . .	162

	Стр.
Первый везир . . . . .	167
Любимый ученик . . . . .	172
День Навои . . . . .	186
Что случилось во дворце на приеме . . . . .	204
Могилы святого Али . . . . .	207
Творчество . . . . .	212

*Часть четвертая*

**Наставления старости**

Портрет . . . . .	221
Сто тысяч кебекских динаров . . . . .	227
Опала . . . . .	234
В Астрабад! . . . . .	236
Астрабадские встречи . . . . .	239
Письмо . . . . .	249
Самовольный отъезд . . . . .	251
Повар султана . . . . .	253
Воспоминания . . . . .	258
Закат . . . . .	267
Эпилог . . . . .	269

*Перевод стихов в тексте Л. Пеньковского, Н. Лебедева,  
С. Липкина и В. Рождественского.*

*Уважаемые читатели!*

*Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания писателям и издательству.*

*Комсомольских и библиотечных работников просим написать о работе, проведенной с этой книгой.*

*Укажите ваш адрес, профессию и возраст.*

*Пишите по адресу: Москва, Сушевская ул., 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.*

**Художник Д. МИТРОХИН.**

Редактор *П. Скосырев*  
Художественный редактор *Е. Бургункер*  
Техн. редактор *В. Плешко*  
Корректора *А. Сапелкина и Б. Шагалоса*

---

А02146 Подписано в печ. 27/IV 1948 г.  
Печ. л. 8<sup>1/2</sup>, (уч. изд. л. 11,7).  
Формат 70×108<sup>1/2</sup>. Тираж 15 000.  
Заказ 1815. Цена 7 руб.

---

Типография «Красное знамя» изд-ва  
«Молодая гвардия»,  
Москва, Суцеская, 21.

Песни